

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**№ 4 (32) 2011
ISSN 1996-0522**Учредители**ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»**Издатель**Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»**РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ****Философия**С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор**Политология**С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор**Социология**Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор**Юриспруденция**В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор**Экономика**О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент**Культурология**С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент**История**С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор**Главный редактор**доктор политических наук
профессор С.Г. Зырянов**Заместитель главного редактора**доктор философских наук
профессор А.С. Чупров**Редакция**А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии

Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии

А.В. Ильных – зав. рубрикой
государства и праваТ.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления

С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный за междуна-
родные контакты**Ответственный секретарь**кандидат философских наук
А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.

Выдано Министерством РФ

по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 08.12.2011 г.

Формат 70×108¹/₁₆.

Усл. п. л. 9,0. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3528.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»

454080, г. Челябинск,

Свердловский пр., 60

Цена свободная

СОЦИУМ**М.В. Чекмарёв, А.С. Чупров**

Векордизм, или Мироощущение

как способ защиты 5

А.В. Павлов

Либерализм и открытое общество. 13

С.Г. ЗыряновСоциальная стратификация и социальная
мобильность населения Челябинской области ....20**С.Р. Абрамкина, Д.В. Богданова, Е.А. Терещук**

Челябинская область: особенности

социального самочувствия 26

Е.Г. Дьякова

Готовы ли к «электронному правительству»

«электронные граждане»? 32

В.Г. Попов, С.Ф. Идрисова

Элитные группы как предмет эмпирического

социологического анализа: региональный

аспект 37

С.Н. Чирун

Причины и формы политического экстремизма

в молодёжной среде транзитивного общества

(региональный аспект).....44

С.И. Панькин

Противоречия в профессиональных

ориентациях учащихся техникумов:

причины и следствия 49

Ю.О. Обухова

Мошенничество с помощью мобильного

телефона в контексте теории фреймов 53

ВЛАСТЬ**А.В. Шуклин**

Российская цивилизация в контексте

глобализации: проблемы и перспективы 57

В.С. Мартьянов**Публикация отозвана 25.05.2023**

Риторика идентичности в условиях Модерна:

кому выгодно?.....61

А.Г. Жуковский

Специфика позитивистской парадигмы

политологического исследования 66

К.А. Альбеков

Институциональная структура государственной

власти и управления в России: итоги

административной реформы и перспективы

развития.....70

Д.П. Кондраль, В.В. Грибанов, Н.А. Морозов

Достижение сбалансированности

гомеостатической системы управления

процессом социально-политической

модернизации (региональный аспект) 74

А.В. Кононенко

Дисфункциональные проявления

в политике российского государства

в спортивной сфере.....79

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть» размещены на странице 144

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернет
<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.Т. Карасёв

Представительная власть в Российской Федерации:
вопросы теории 81

О.О. Попова

Особенности правового регулирования
агитационной деятельности политических
партий в Российской Федерации 85

К.А. Сергеев

Особенности методик расследования
криминального рейдерства в зависимости
от формы преступного посягательства 89

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.В. Павроз

Менеджмент качества как парадигма
реформирования государственного управления.....92

КУЛЬТУРА

Л.Г. Александров

О принципах социальной эстетики
в философской психологии Дж. М. Болдуина
(к 150-летию со дня рождения мыслителя).....97

А.В. Овруцкий

Феноменология политической коммодификации:
социально-философский анализ 101

Г.Ю. Чернов

Социально-массовые явления: концепт
и онтологический статус.....105

ИСТОРИЯ

М.А. Вивдыч

Иностранские проекты железнодорожной
экспансии российского Дальнего Востока
во второй половине XIX – начале XX вв. 110

А.И. Гореликов

Политическая трансформация этнических
обществ Амуро-Сахалинского региона
в постсоветском пространстве 115

Л.С. Дубяго

Особенности политической культуры
провинциального обывателя, проявившиеся
в ходе Февральской революции 1917 года 119

А.В. Буданов

Система управления оборонными
предприятиями Южно-Уральского совнархоза.....124

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

В.Н. Сагатовский

Если не конформист, то Дон-Кихот?.....128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социальные отношения в турбулентные
времена 133

**Scientific journal
«SOCIMUM and POWER»**

№ 4 (32) 2011
ISSN 1996-0522

Founded by

«Ural Academy of Public Administration» and
«Institute of urban development»

Published by

Chelyabinsk institute (branch) of
the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S.V. Borisov – Ph.D., professor
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
V.A. Loskutov – Ph.D., Professor
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
V.D. Popov – Ph.D., Professor
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor

Political Science

S.G. Zyryanov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – LL.D, Professor
S.V. Kodan – LL.D, Professor
A.B. Sergeev – LL.D, Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics),
Professor

T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebina – Dr. Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant
Professor
V.N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov

Editorial board

A.N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S.G. Zyryanov – Head of Political Science Dept
E.V. Grunt – Head of Sociology Dept
A.V. Ilyinykh – Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko – Economics
and management
S.S. Zagrebina – Head of Cultural Studies Dept
V.N. Novoselov – Head of History Dept
A.V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI № 77-16702 of 15.10.2003
Certified by Ministry of Russian Federation for
Press, Television, Radio Broadcasting
and Mass Media

Passed for printing on 08.11.2011.

Format 70×108^{1/16}

Reference sheet area 9,0. Issues – 1000.

Order № 3528.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

Free price

SOCIUM

M.V. Chekmaryov, A.S. Chuprov

Vecordism, or Perception as a method
of defence.....5

A.V. Pavlov

Liberalism and the open society.....13

S.G. Zyryanov

Social stratification and social mobility
of the population of Chelyabinsk region.....20

S.R. Abramkina, D.V. Bogdanova,

E.A. Tereshschuk

Chelyabinsk region: features of social health.....26

E.G. Dyakova

Are E-Citizens Ready for E-Government?.....32

V.G. Popov, S.F. Idrisova

The formation of regional elites in the
estimates of the population and experts: the
experience of empirical sociological analysis.....37

S.N. Chirun

The reasons and forms of political extremism
in the youth policy of the transitive society
(regional aspect).....44

S.I. Pankin

The contradictions in professional attitudes
of the students of secondary vocational
institutions: reasons and results.....49

Yu.O. Obukhova

Mobile phone fraud in the context of the
theory of frames.....53

POWER

A.V. Shuklin

Russian civilization in the context of
globalization.....57

V.S. Martyanov

Modernity and the Identity Rithorics: **Retracted 25.05.2023**
who gains?.....61

A.G. Zhukovskiy

Specific character of the positivistic paradigm
of political research.....66

K.A. Albekov

Institutional structure of state power
and management in Russia: summing
up the administrative reform and
perspectives of development.....70

D.P. Kondral, V.V. Gribanov, N.A. Morozov

Acheiving the balance of the homeostatic
system of social and political modernization
management (regional aspect).....74

A.V. Kononenko

Disfunctional manifestations in the state policy
in the sport sphere.....79

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

Scientific journal

«SOCIUM AND POWER »

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIMUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals**

and publications,

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles

to be published in the «SOCIMUM AND POWER» scientific journal are located at page 144.

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Website:

<http://urags-chel.ru>

Disclaimer:

Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

**Subscription index in
Russia
46536**

STATE AND LAW

A.T. Karasev

Representative power in the Russian Federation: theoretical issues.....81

O.O. Popova

Features of legal regulation of political parties' campaigning activities in the Russian Federation.....85

K.A. Sergeev

Features of investigating the corporate raids depending on the form of criminal activity.....89

ECONOMICS AND MANAGEMENT

A.V. Pavroz

Quality management as a paradigm of public administration reforms.....92

CULTURE

L.G. Alexanderov

On principles of social aesthetics in the philosophical psychology of J.M. Baldwin (to the 150th anniversary of thinker's birthday).....97

A.V. Ovrutsky

Phenomenology of political commodification: the social-philosophy analysis.....101

G.Yu. Chernov

Social and mass phenomena: concept and ontological status.....105

HISTORY

M.A. Vivdych

Foreign railway expansion projects in the Russian Far East in the second half of XIX – early XX centuries.....110

A.I. Gorelikov

The political transformation of ethnic societies of the Amur-Sakhalin region in the Post soviet space.....115

L.S. Dubyago

The features of political outlook of a provincial man after the February revolution of the 1917....119

A.V. Budanov

System of administration at the organizations of South Ural Sovnarkhoz (Council of National Economy).....124

DISCUSSIONS AND DEBATES

V.N. Sagatovsky

If not a conformist, then a Quixote?.....128

SCIENTIFIC LIFE

Social relations in turbulent times.....133

ВЕКОРДИЗМ, ИЛИ МИРООЩУЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ

УДК 1

М.В. ЧЕКМАРЁВ, А.С. ЧУПРОВ

– Ты чё, блин, тупишь!
– Да не парься ты...

(Из разговора студенток
филологического факультета)

Обычный разговор, какой мы можем нечаянно слышать каждый день. В нем, как в капле воды, отразился и современный язык, и характер сегодняшних отношений между молодыми людьми, и сущность их отношений к миру. Вот промчалась по ночному городу иномарка, сотрясая полквартала децибелами «песенки», сплошь состоящей из матов. А вот по экрану телевизора бежит новостная строка: там взорвали, тут застрелили, там осквернили кладбище, тут ограбили церковь, а здесь отравились... и непрерывная статистика, сколько погибших, раненых, госпитализированных. И не важно, где и почему это произошло: на соседней улице или где-нибудь в Антарктиде. Главное, чтобы жертв было побольше. Потом идет анонс мелодрам и боевиков недели. И в каждом ролике (независимо от жанра) обязательно кто-то кого-то (чаще женщину) бьет наотмашь в лицо, душит или расстреливает в упор. Поток смертоносных кадров разбавляют благодатная улыбка счастливой домохозяйки с новым стиральным порошком и недвусмысленные вздохи и взгляды обнаженной прелестницы в ванной, только что купившей кусок мыла. Про музыкальные каналы и говорить нечего. Что ни клип, то будто реклама борделя или репортаж из психиатрической клиники, покинутой медперсоналом. Но так современный информационный мир ощущает человек уже не молодой. А молодежь почти не реагирует. Все это ей кажется пресным. «Полный отстой!...», – зевает подросток. Он-то и телевизор не смотрит.

Когда-то в древности мир для человека был наполнен тайной, населен добрыми и злыми духами. В Новое время произошло «расколдовывание мира» (М. Вебер). Природа стала мастерской. Но еще оставались Бог и человеческая душа. Еще любили, а не занимались любовью. Барышни падали в обморок, а мужчины переодевались к обеду. Потом и «Бог умер» (Ницше). Пафос и сентиментальность, обращение на «Вы» и

строгий костюм стали официозом и просто дурным тоном. Но сегодня уже и это – вчерашний день. Нормой стала нарочитая агрессия и патологически навязчивый юмор, переходящий в цинизм. «Юморят» к месту и не к месту. Любая, даже трагическая новость предваряется (в газетах, на телевидении) «перлами» остроумия журналистов. «В гостях у бабушки» – о том, как подростки избili престарелую соседку. «Папина машина» – это о визите папы римского. «Флаг в руки» – Казань стала преемницей универсиады и т.п.

Для описания сегодняшней культуры и поведения людей часто напрашивается слово «безумие». Безумие не столько в понятиях психиатрии (хотя заболеваемость душевными расстройствами растёт), сколько в образах босховского «Корабля дураков». И это не случайно – отправится на нём в плавание смогло только развитое человечество, недаром, по одной из версий, мачтой для корабля служит древо познания добра и зла.

Говоря о развитом человечестве, мы имеем в виду и накопленные в ходе истории достижения, и обилие возможностей быть им причастным. Это достигается посредством информационной среды, максимально доступной и минимально регулируемой. Примером источника, отвечающего этим параметрам, служит Интернет, число пользователей которого, по прогнозам на 2012 год, составит треть населения Земли. Телевидение, радио и печатные СМИ дополняют сферу информационных источников. А есть ещё расклейка объявлений, рекламные баннеры, раздача флаеров, кино...

Информационная среда отличается максимальной скоростью динамики, приближающейся к скорости мысли. Блоги становятся маркером отношения человека к своему внутреннему миру. То, что раньше доверяли письменному дневнику – тетрадке, запрятанной в самый дальний угол, открывается всем желающим. Причём откровенность дневников прошлого, пожалуй, будет меньше, чем в блогах настоящего. В Интернет выкладывается всё: ролики, снятые мобильным телефоном с места ДТП, сцены издевательств школь-

ников над одноклассниками, собственные (!) интимные фото.

Мобильная связь, не позволяющая остаться человеку один на один с собой, обогатила копилку психических расстройств. Сначала была описана зависимость от пейджера, затем от SMS (появился даже неологизм «smssing»), потом от социальных сетей, ставших доступными через сотовый телефон. Но пейджеры ушли в прошлое, место SMS занимает, например Mail-Agent, и возникшие было заболевания уходят в прошлое. Сегодня вообще можно не успеть определить норму чего-либо, т.к. завтра этого уже не будет. В 2008 г. в американском психиатрическом журнале прозвучало смелое предложение внести интернет-зависимость в новую классификацию болезней DSM-V, закрепив за ним официальный статус. В Финляндии молодым людям с кибер-аддикцией уже дают отсрочку от армии.

В природной среде острее всего встаёт вопрос деградации экосистем. Проблемы экологии физически ощущаются в виде перемены климата и природных катаклизмов. Говоря о загрязнении среды обитания, учитывают не только побочные продукты технических средств и производства, но также шумовое и световое «загрязнение». Встаёт вопрос, что чувствует человек, живущий в галопирующем информационном пространстве и хрупкой экосистеме? Он предчувствует апокалипсис. Мир кажется хрупким и практически агонирующим. В XX веке и первом десятилетии XXI века, по данным Википедии, конец света предсказывали 80 раз. Это уникальная в истории цифра. 67 из вероятных дат человечество благополучно пережило. Апокалиптическое предчувствие охватывает человечество не в первый раз. Похожее явление наблюдалось в Европе Средних веков, но имелось одно принципиальное отличие. Оно было эсхатологичным. Ждали Божественного вмешательства, перехода, пусть и через Страшный Суд, но в Царствие Божие. Современный мир же не только расколдован, но и десакрализован. Картина конца полностью согласуется с представлением о Земле, как о песчинке в необъятной Вселенной. Наша планета, например, становится с астероидом... И всё. Никакого будущего для человечества.

Проблема смерти мира актуализирует вопрос личной смерти. Изменилась картина танатофобии. Раньше за актом умирания мерещилась пугающая картина ада. Нашим современникам рисуются картины теле-

сного разложения, поедания червями или ужаса перед небытием. Выбора нет – конец мира всё равно наступит: или коллективная смерть человечества на планете Земля, или личная гибель, поэтому так желанны и востребованы фильмы-катастрофы и мрачные пророчества.

Итак, мир видится агрессивным, непредсказуемым, хрупким и опасным. Прежние ценностные ориентиры ушли в прошлое, а новые пока не наделяют личностное существование человека приемлемым смысловым содержанием. В такой среде жить дискомфортно. Нужен альтернативный мир как плацдарм психологического отступления. И он прорывается в искусстве, литературе, фантазиях, новых религиозных движениях, снах. Доступ к иррациональным механизмам поддержки постепенно вымывался прагматичным и утилитарным подходом к миру и человеческой природе. Любая картина альтернативной Вселенной перестала быть откровением. В терминах современной науки – это изменённое состояние сознания, практически патология. Человек начинает чувствовать, что сходит с ума. Безумие становится комфортным. Жить и умирать вне поля осознания кажется не больно.

Уход в безумие как выбор способа существования показал Хулио Кортасар в романе «Игра в классики» (1963). Главный герой переживает потерю любви и решает кардинально сменить декорации, переезжая из Парижа в Буэнос-Айрес, где находит пристанище вместе со своими друзьями в купленной ими психиатрической больнице. Символично уже то, что пациенты клиники одеты в розовые пижамы. Это прямая отсылка к поговорке «розовые очки». Жизнь в лечебнице для кортасаровских героев оказывается комфортной и интересной. Люди, находящиеся за её стенами, часто выглядят гораздо более ненормальными, чем настоящие больные. Душевнобольной воспринимает окружающее и проявляет себя в нём с определённым дефектом. Здоровый человек, избравший безумие способом спрятаться от мира, погружается в него целиком. Он строит новый стиль жизни, мировоззрение, религию.

Способ защиты от агрессивного мира путём использования ресурса безумия мы будем называть векордизмом. Это слово образовано от латинского *vecordia* – безумие, сумасбродство. Но это не столько душевная болезнь (*insania*), сколько болезнь духовная, похожая на плавание без руля и ветрил. Человек воспринимает мир как

разнородный поток сигналов, транслирующих порой противоположные культурные коды, говорящие об опасности, нестойкости и дискомфорте существования. Он трактует его как содержащий психопатологические элементы и реагирует соответствующим образом. Популярный недавно ринг-тон так и начинался: «Мир, в котором я живу, называется дурдом».

Мы снова возвращаемся к образам «Корабля дураков». Человек, водррузив мачту из древа познания, а сегодня – информационного общества и научно-технического прогресса, отправляется в плавание, теряя из виду землю – твёрдую почву традиции, привычного уклада и поведенческих норм. Опора на них уже не помогает в том месте, где он оказался, – посреди необъятного океана новых жизненных возможностей и вызовов, которые могут потопить утлое судёнышко. На корабле тесно. Начинается делёж ресурсов. Остро встаёт вопрос, что делать с отходами растущего человечества. Стремительный ритм жизни представляет всю картину проблем кружением ярмарочной карусели. И крушением надежд на внятный смысл жизни для всех и каждого.

Маленький, почти целиком антропогенный мирок, вокруг которого можно за пару-тройку суток облететь на самолёте и за пару часов на космическом корабле. В так называемом цивилизованном мире не нужно бороться за кусок мяса и растить хлеб. Приходит ощущение «невыносимой лёгкости бытия» (М. Кундера). Генералы у Салтыкова-Щедрина думали, что булки сами к кофею появляются. Но это сатира. А множество американских детей, как показал опрос, считает, что молоко производят на заводе безалкогольных напитков вместе с кока-колой. Явные угрозы жизни и благополучию исчезли. Появились скрытые и потенциальные. Не произойдёт ли авария на АЭС? Не обвалится ли курс валют? Не изменят ли ГМО физиологию человека? Есть страхи, свойственные любому кораблю: врезаться в «космический айсберг» – астероид и быть взятым на абордаж инопланетянами.

Если есть угроза, – необходима защита. Но от кого и от чего защищаться, если опасность не действует напрямую или недолима? От всего мира сразу. И, если нельзя из него самоустраниться (хотя рост самоубийств во многих развитых странах носит угрожающий характер), значит, нужно выстроить психический барьер между ним и собой. Типичные реакции защи-

ты – агрессия и бегство. Агрессивная установка отдельного человека по отношению к природе и обществу легко читаема. Это лесные пожары, возникающие по вине человека, насилие над животными, иногда возводимое в кич. Чего стоит только акт откусывания рок-музыкантом Оззи Осборном головы голубя. Личное измерение природы для каждого из нас – собственное тело – становится объектом символической агрессии. Именно так трактуется психологами увлечение пирсингом и татуировками в молодёжной среде.

Обществу и окружающим людям достаётся больше. Сегодня собак и кошек любят больше, чем людей. Первая агрессивная реакция – это неприятие норм общества, транслируемых от родителей к детям. Разница мироощущения отцов и детей всегда была актуальной проблемой, но раньше она выступала фактором динамики социума. Сегодня уже внутри семьи применим термин «транскультуральность». Чуждая культура легко вызывает недоверие и неприятие, вплоть до открытой атаки. Этот процесс идёт в обе стороны: отцы ведут мировоззренческую войну с детьми, дети – с отцами. Герой американского фильма конца 70-х годов прошлого века «Детройт – город рока» вступает в конфликт с матерью на почве музыкальных пристрастий. Мать страшит его тем, что он попадёт в ад за музыку, которую слушает, а в итоге, отправляет его в интернат. Парень сбегает оттуда и публично оскорбляет мать на глазах множества людей. Сегодня у давно повзрослевших молодых людей того времени начинают появляться внуки – дети совершенно другой культурной среды. Агрессия выходит из семьи на улицу и в массовую культуру. В поведении людей появляются немотивированные вспышки гнева и жестокости, а также ожидание опасности со стороны других людей. Это не только подозрительность, но и разветвлённые теории заговоров и «информационных войн».

Отдельного внимания заслуживает проблема аутоагрессии как в физическом, так и психологическом проявлении. На фоне общей гедонистической установки она смотрится патологией. «Нападение на себя» чаще осуществляется в контексте снижения инстинкта самосохранения. В качестве примера можно приводить широкое распространение традиционных вредных привычек и упомянутого ранее пирсинга, нанесения татуировок, большую популярность экстремальных видов «спорта», например, зацепинга.

Мотив бегства встречается не менее часто. Бежать можно к чему-то и от чего-то, поэтому побег от проблемы предстаёт в форме завимимости или изоляции. Примечателен рост нехимических зависимостей – от компьютерных игр, общения по сотовому телефону (представьте, как чувствует себя человек, потерявший мобильник), шоппинга и т.п. Жажда приобретения вещей для комфортной жизни, осложнённая озабоченностью материальным положением, трудолюбием и частым использованием кредитных услуг, получила название «аф-флюэнца». Термин соединяет английские слова, означающие «грипп» и «изобилие» и является конгломератом симптомов общества потребления. Если обратить внимание на иные формы нехимических аддикций, становится понятно, что по своей сути это товары, услуги и развлечения. Человек проходит испытание свободой. Он волен сам выбрать и пройти свой путь. Вместо одного источника, – диктующих свою волю традиции и государство, – приходят тысячи советчиков. Это политические партии, фирмы, продвигающие свой продукт, общественные и религиозные организации, СМИ. Каждый готов предложить, как и на что можно употребить свободу, попав в очередное рабство. Но никто не хочет сказать, как принимать самостоятельные решения, совершая осознанный выбор, предполагающий значительную меру (и бремя) ответственности. Человек пытается доверить свою свободу (и, соответственно, ответственность) кому-то или чему-то.

Делегирование ответственности и обязанностей иногда хорошо работает в качестве полигона нового управленческого, опыта: «Вместо того, чтобы освоить новый навык, найдите человека, уже умеющего это делать, и передайте ему ту часть обязанностей, в которой вы слабы». Говорят о том, что лидер – это не самый компетентный в данной области человек, а тот, кто обладает способностью организовать знающих людей. Порочность такой практики внедрения менеджеров, не имеющих фундаментальной подготовки в управляемой области, уже стала «притчей во языцех» в нашей стране.

Новая эпоха и новое мироощущение вводит иную классификацию людей, в которой место знания заменяет навык, а компетентность начинает означать «умение делать» без обязательной «способности понять». Акцент с понимания людей, выснения их внутренних мотивов, смещается в позицию оценщика поведения и внешних

проявлений, т.е. критика. Критикуют сегодня всё и вся: правительство, сборную России по футболу, соседей, начальников и подчинённых, церковь, мужа или жену, детей. Информация в СМИ также преимущественно критическая и негативная. Становится актуальным высказывание Л.П. Бери: «У каждой ошибки есть фамилия, имя и отчество». Вместо решения проблем идет непрерывный поиск виноватых. В психоанализе такой механизм взаимодействия с миром называется проекцией, что представляет собой отказ от личной ответственности за происходящее. В том числе и происходящее непосредственно со мной.

Актуализация вечного вопроса «Кто виноват?» снижает уровень базового доверия к миру. Критик не доверяет другим. Он не допускает возможности успеха, иначе он окажется без работы. И всё это начинается с раннего возраста. Например, школьник скорее будет отрицать свою слабость в том или ином предмете и говорить, что это педагог учит плохо. Родители школьника тоже вряд ли будут искать изъяны в своём чаде. Сегодня идёт просто шквал негатива в сторону представителей педагогических и «помогающих» профессий – врачей, психологов, социальных работников. Больные начинают отрицать важность своей глубокой вовлеченности в процессы диагностики и лечения. Ещё более показательны примеры межэтнических конфликтов, когда одна нация винит в своих бедах другую, вплоть до открытой вооружённой агрессии. Несмотря на всю нелицеприятность механизма проекции, необходимо признать логичным его широкое распространение.

Свобода подразумевает напряжённый выбор во всех сферах – от бытовой до политической и религиозной. Мы должны дать ответ паракмахеру на вопрос: «Вам как виски сделать – прямые или косые?», выбрать булку хлеба из пшеничной или ржаной муки. Наконец, перед каждым встаёт вопрос о личном кредо – устойчивом комплексе убеждений, делающих человека человеком. Обязанности носят порой совершенно иррациональный характер. Чего стоит только получение разного рода справок, актов и других инструментов бюрократической системы. При этом условия их получения откровенно унижительны. Уровень личного и коллективного стресса, таким образом, растёт, и доступные способы защиты от него являются преимущественно психологическими. Мы снова вернулись к тому, что воспринимать современный мир в его прямой интерпретации

без средств психологической предосторожности травматично.

А что происходит, если трудно воспринимать что-то всерьёз? Включаются механизмы юмора. Фрейд писал об остроумии как о трансформированной агрессии. И действительно, проблему, ставшую фактором фрустрации, можно высмеять, тем самым обесценив. А так как спектр проблем очень широкий, то пласт юмора и сатиры будет массивным, что отразится на структуре всех источников информации. Тематика шутовства затрагивает большинство аспектов жизни – от рождения, да и что греха таить, самого процесса зачатия, до смерти. Секс («юмор ниже пояса») и смерть («чёрный юмор») оказываются очень популярными. Сам жанр человеческой жизни режиссёр Геннадий Гущин прямо определил как трагикомедию. В унисон ему Эмир Кустурица снял известный фильм «Жизнь как чудо» именно в трагикомичном ключе. Да и границы этого жанра как раз и были окончательно определены в XX веке, несмотря на то, что первые подобные пьесы приписывались Эврипиду. А.П. Чехов и Г. Ибсен стали подлинными его родоначальниками. Стоит ли говорить, что непосредственно из трагикомедии вырос «театр абсурда» Эжена Йонеску.

Трагедия, комедия, абсурд, парадокс... В фильме «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» авторам понадобилось аж четыре слова «mad», чтобы отразить весь комизм его атмосферы. Тема векордизма прочно вошла в культуру. Кажется, что самые основы мира и общества трещат по швам. Современную молодёжь часто называют «потерянным поколением». Похоже, что мы снова вернулись к апокалиптическим мотивам, но теперь на повестке дня вопрос не планетарной, а социальной смерти.

В конце концов, всякое настоящее – это всегда конец прошлого. Но мы не об онтологии времени. Мы об эсхатологии души и тела. Поэтому пробуем пойти ещё дальше и нащупать более глубокий смысл современного смехачества. В наших школах на особом положении оказываются подростки, взявшие на себя роль «шута». Они пользуются и популярностью, и авторитетом среди сверстников, но вызывают раздражение и осуждение педагогов. Сам факт их существования словно бы делает учебный процесс и отношение к жизни несерьёзным. Несерьёзность – это уже не агрессия. Агрессия предполагает борьбу с каким-то реальным противником. Несерьёзность го-

ворит, что оппонент не опаснее мыльного пузыря, которым, в нашем случае, становится уклад предыдущего поколения.

Но удивительное другое. Девальвация ценностей почти не касается утраты интереса к духовности. Вопросы смысла бытия, смерти, свободы, межличностных взаимоотношений и одиночества не теряют актуальности для молодёжи. Но их поиск идёт в другой культуре. Её даже трудно назвать более низкой. На запрос в Яндексе по слову «Бог» находится 70 миллионов ответов против 49 миллионов для архипопулярного сегодня «пиво». «Ночной клуб» приведёт нас к 78 миллионам источников, но зато запрос «книги» (499 млн!) обгоняет даже «кино» (300 млн). Учитывая, что основной контингент пользователей Сети – молодёжь, слухи о необратимом падении нравов следует считать преувеличенными.

Но как быть со смехачеством и несерьёзным отношением к жизни? Вполне понятна их роль как психологической защиты. Есть ли в них что-то большее? Цитируем Игоря Губермана:

И спросит Бог: никем не ставший,
Зачем ты жил, что смех твой значит?
Я веселил рабов уставших –
ответит он. И Бог заплачет.

Смех и абсурд – это защита безумием. Оно открывает новые горизонты взаимодействия с неизвестным, постоянно изменяемым миром. Достаточно вспомнить, что Шут – это архетипический символ. Даже более, он – самый загадочный аркан колоды Таро. В классическом варианте данная карта изображает человека в богатых, цветастых, но рваных и растрепанных одеждах с котомкой за спиной. Он стоит на краю обрыва и заносит ногу для следующего шага – в пропасть. Сзади его кусает собака (символ физических желаний), а на дне пропасти крокодил (предубеждения, предрассудки) открывает пасть, ожидая поживы. Но человек не обращает на них внимания. В его котомке собраны 4 символа мастей младшего аркана: чаша, посох, меч и пентакль. Дурак – некто несведущий, невинный, только что вступающий на жизненный путь, некто, кто еще не сталкивался с житейскими проблемами. Он открыт для всякого рода знаний, радостный, как ребенок. Начало пути, вхождение в новый мир, не познанный и еще не видимый, законы которого еще не начали даже познаваться. Открыты все пути и возможности. Ничто не предопределено. Все события будущего зависят от одного первого шага. Ни прошлый

опыт, ни совет не помогут. Жизнь спрессована в момент, который светел, но непонятен. Папиус трактует эту карту совершенно в духе современного исторического этапа как Начало. Путник отправляется в дорогу. Он бросает последний взгляд на отчий дом, но возврата нет, он уже в Пути. Появление этого козыря означает, что пришло время для Нового. Что ждет вас в пути? Неведомо. Но вам предстоит встретиться с этим лицом к лицу.

Фактически содержание архетипа, представленного в колоде карт Таро, переключается не только с условиями сегодняшней ситуации, в которой многие аспекты человеческого существования приобретают качественно новые способы реализации. Общение может быть реальным, а может быть виртуальным, но собеседником остаётся живой человек. Устаревает прежние знания с невиданной до сих пор скоростью, почти с такой же скоростью появляются новые. Нет готовых схем для того, чтобы прожить жизнь, необходимо искать способ сделать это как-то по-своему. Эта установка открывает дорогу к индивидуализму, в котором особенно сильно чувство «одиночества в толпе». Сама единая культура избирает разные точки преципитации, порождая субкультурность. Рост числа субкультур, особенно молодёжных, подразумевающий фракционирование людей, обычно смотрится в русле глобализации. Жизнь человека в отдалённых друг от друга уголках становится похожей. Но есть интуитивное понимание бесперспективности единообразия. Однообразие, как нечто усреднённое, перестаёт служить критерием нормы. Оно становится чем-то тривиальным, «полным отстоем» в глазах молодых. Безличная работа в офисе сравнивается с существованием планктона. Движение по траектории дом-работа-дом-работа... кажется кружением белки в колесе или крысиными бегами.

За множеством симптомов, кажущихся массовым неврозом или даже психозом, скрывается не только переработка проблемы выживания в «мире-дурдоме». В ней есть проверка границ психических возможностей. В его основе лежат знаменитые вечные вопросы, например: «В чём счастье?». В деньгах? Славе? Сексуальной раскрепощённости? Победе над страхом смерти? Увы, везде одно разочарование. Карьерист уходит в дауншифтинг – бросает престижную работу, находит занятие попроще и пробует насладиться свободным временем. «Звезда» эстрады находит пристань в монастыре, исцеляясь молча-

нием, тишиной, пытаюсь строить взаимоотношения с Высшим. Ловелас становится примерным семьянином. Экстремал выбирает профессию спасателя и, по-прежнему рискуя своей, всё же служит спасению жизнью других. Смена жизненного кредо и профессии сегодня – обычное явление. В меняющемся мире приходится поспевать за изменениями. Неисправимый оптимист усмотрит в этом пути возможность расширения психических границ человека, перехода к аутентичному и творческому существованию.

Пессимисты оценивают безумие мира сего как фактор риска психической патологии. Их опасения не беспочвенны. Растёт число неврозов, в том числе инвалидность в связи с этими заболеваниями. Агрессивная информационная среда неблагоприятно влияет не только на взрослых, но и, особенно, на детей. Реакцию современной молодёжи они склонны называть инфантильной. В последнем утверждении пессимисты приводят как аргумент в свою пользу позднее желание заводить семью и детей, отсутствие стремления получить стабильную работу – одну и на всю жизнь, увлечение Интернетом и компьютерными играми, отвержение ценностей своего народа и традиционной для него религии. Но молодёжь сегодня гораздо дольше вынуждена учиться. Урбанизация вынуждает откладывать брак и деторождение до срока покупки квартиры. Сама динамика мира призывает молодых людей к тому, чтобы подумать о вкладе в будущее собственных детей – в образование, материальное обеспечение и воспитание в достойных условиях. Это говорит об ответственности, а не боязни принять её на себя в сфере отцовства и материнства.

Значительно изменилась и роль женщины. Редкие девушки согласятся на роль домохозяйки при муже. При этом они не хотят быть «бабой-мужиком», а всё так же мечтают о сильном мужчине, о том, чтобы быть за-мужем. Полоролевые установки изменились не в этом. Женщины справедливо захотели социального признания в условиях открытых возможностей для интеллектуального и профессионального развития. Материнский инстинкт не стал слабее. Он стал контролируем. Не ослабли и мужчины. Скорее женщины больше не позволяют себя унижать. Мужская роль защитника по-прежнему актуальна. Только теперь способов защиты стало больше, чем поразить врага с помощью грубой силы. А то, что взаимоотношения между мужем

и женой стали демократичными, а не тиранскими, свидетельствует о моральной зрелости полов, уже не требующей разделения на «господ» и «слуг». В демократичных семьях растут непослушные дети, но это не «караул». Кто знает, может быть, пройдёт некоторое время и в России будет демократия именно благодаря этим детям. Просто теперь надо говорить с ребёнком на равных, а не кричать и «давать ремня» по поводу и без повода.

Профессиональное самоопределение для молодёжи не теряет важности. Вот только, к сожалению, условия переходного периода толкают выбирать профессию не по призванию, а по возможности выжить. То, к чему лежит сердце, порой становится или хобби, или работой по совместительству. Со временем человек находит себя в том, что действительно для него родственно. Иная позиция в выборе работы обусловлена и трансформациями спроса на профессии. Некоторые окончательно уходят в прошлое (трубочисты), становятся раритетными (печники), другие набирают обороты. Лет двадцать назад трудно было говорить о профессиональных веб-дизайнерах, сегодня они очень востребованы. То же самое можно сказать о сфере сотовой связи.

Происходит переоценка религиозной традиции во всём мире. Например, христианство всё более тяготеет к пацифизму, что полнее соответствует учению Иисуса Христа, чем оправдание противления злу силой. Утрачиваются те элементы, которые присущи «государственной религии». Становясь независимыми от государства, вопросы веры порой сильнее приближаются к первоисточнику и перестают быть средством сакрализации власти. Поэтому поколение наших детей будет верить в то же, что и поколение отцов, но форма духовности обновляется уже сегодня. Католики уже начали своё «аджорнаменто», положив ему начало на Втором Ватиканском соборе. Появляются всё новые, адаптированные к Западу, варианты восточных религий (вспомним хотя бы ламу Оле Нидала). Формируются новые течения волны NewAge. Всё это – примеры активного религиозного процесса, который максимально индивидуализируется.

Оценивая прогнозы оптимистов, предсказывающих возникновение нового человека и других границ психического функционирования, и предчувствия массового психоза, характерного для пессимистов, вынуждены признать зыбкость идей обеих

сторон. Да, психика человека уже потеряла печать социальной нормативности. Критерий здоровья в этом вопросе сместился к возможностям адаптации и самореализации в тех или иных условиях психологического статуса. Но новые условия среды требуют ответов на свои вызовы, которые продолжают задавать вектор индивидуальному и общественному развитию, пусть и в меньшей мере. Мрачные прогнозы пессимистов справедливы в отношении разрушения традиционного общества. Но, возможно, разрушилось наносное, уже стесняющее человека и социум? В новом мире нет кардинальных метаморфоз сущности человека, семьи и общества. Ни один из этих компонентов не потерян. Но они получили большую свободу для развития после признания динамичности среды. Человек, поставленный перед выбором, который никто не берётся делать за него, видит бесполезность защиты посредством проекции своих проблем на чужой счёт. Брошенный один на один со средой, он вынужден научиться принимать ответственность. Будем надеяться, что вскоре исчезнет ощущение глобальной катастрофы и дезактуализируется культура апокалипсиса. Рано или поздно человек просто устанет от апокалипсиса.

Архетипический Шут шагает в пропасть, но эта пропасть – символ нового. Символ океана возможностей, будущего, которое сегодня пока не материализовалось как твёрдая почва. Компенсаторные механизмы в структуре мироощущения станут более пластичными. Векордизм – уход в безумие как спасение от прессинга трансформации социальной и индивидуальной среды – сменится чем-то новым. Построение альтернативных миров в своей голове приведёт к развёртыванию их в реальности.

Мы уже говорили об интернет-зависимости. Это расстройство знаково для современного мира. Всемирная паутина представляет собой вариант общественно признанного альтернативного мира. Он может дать шанс построить приемлемый образ себя, обрести желаемые контакты, предоставить доступ к развлечениям. Интернет становится источником заработка в форме удалённой работы. Это уже не только фриланс. Некоторые крупные компании состоят из людей, встречающихся преимущественно в Сети. То, что раньше казалось капканом пустого времяпровождения, приобретает перспективу профессиональной самореализации.

Не секрет, что одним из самых популярных жанров в литературе среди молодёжи, является фэнтези. Задача писателя в нём – построение своей уникальной Вселенной, с новыми расами, очертаниями континентов, жизненным укладом и языками. Начатый Дж. Толкином, он набирает обороты и проникает в кино, музыку, компьютерные игры, повседневную активность. Говоря о последней, стоит вспомнить субкультуру «ролевиков». Они, оставаясь на всю жизнь хроническими идеалистами и романтиками, существуют в двух мирах – обычном и игровом, но считают именно второй своим домом. В нём они могут быть настоящими. Ощущение реальности внутреннего мира и нереальности общепринятых рамок встречается в истории далеко не впервые. Материальная реальность не более чем иллюзия, покрывало Майи, говорит нам духовная традиция Индии. «Мудрость века сего есть безумие пред Господом», – вторит Библия. Настоящий я – внутри, а не снаружи. Это условие гомеостаза индивидуальности, права быть не как все. В мире массовой культуры оно особенно актуально. Спасаясь через коллективное безумие во внутреннем мире (а «душевнобольной» имеет на него неоспоримое право), получаешь возможность не потерять себя. Появляется отдушина. Совершая любые поступки, приходящие в голову, можно не сойти с ума по-настоящему в мире, где двойственность давления массы и жизненной многовариантности одновременно воздействуют на человека. Многовариантность – это часть динамично развивающегося мира. Массовость – наследие прошлых механизмов защиты. Оно как раз и преодолевается векторными механизмами, делающими невозможным существование монолитной общественной структуры.

«Массовая культура» и «массовый человек», по версии К.Г. Юнга, были следствием подавления иррациональности в обществе, где существовал диктат ratio. В конце концов сила биологического, инстинктивного, древнего прорвалась наружу. Мировые войны, сексуальная революция, рост психических расстройств, тоталитарные режимы – всё это представлялось Юнгу «отдачей» длительного (начавшегося в эпоху Просвещения) подавления бессознательного в пользу сознания. «Массовый человек» – это предыдущий механизм компенсации в структуре мироощущения,

когда личность страстно искала своё социальное измерение.

Сегодня продолжается период поиска, но это уже «неистовый поиск себя» (С. Гроф), в том числе в самых потаённых уголках психики. Вероятно, он начался в период увлечения психоделическим, или трансперсональным опытом, примерно в 1960–70-х годах. Именно поэтому мы и упомянули имя Грофа как основателя трансперсональной психологии. Всё движение «холонавтов», хоть и обращённое к надличному, к «психологическому мистицизму», всё-таки задавалось вопросом «кто Я?». Тогда же начинается активное возникновение новых религиозных течений, особенно на Западе. Иррациональное, действительно, даёт желаемую опору человеку. Он понимает свою свободу, получает объяснительную модель для переживаний альтернативного мира в поле субъективности, но становление информационных технологий, форсировавшее многовариантность путей развития личности и её самоактуализации, привело к необходимости защищаться от принципиально новых стрессоров. «Холодная» (в сущности, информационная) война внесла существенную лепту в снижение базового доверия к миру.

Гуманистическая и экзистенциальная психотерапия (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл) заставила психиатров стать философами, помогающими найти «точку отсчёта» для пациента в мире неопределённости. Психологи стали ставить под сомнение болезненность переживаний пациентов, т.к. они стали логичным продолжением актуальной ситуации. Франкл определил их особо как «ноогенные неврозы». Приблизительно отсюда и начинается эпоха векторизма, в которой «душевная болезнь» становится ресурсом преодоления и защиты.

Постепенно жизнь в новом мире становится привычной. Она учит нас сохранять индивидуальность в условиях постоянных изменений и быть гибкими по отношению к техническим и социальным новшествам. Компенсация переходит в адаптацию. Когда можно будет расстаться с ресурсом безумия? Скорее всего, не раньше, чем повзрослеют дети начала второго десятилетия XXI века, т.е. те, кто всецело вырос внутри среды с высокой информационной динамикой.

ЛИБЕРАЛИЗМ И ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 1 (177+321.1)

А.В. ПАВЛОВ

Категория «либерализм» иначе, нежели антироссийской, быть не может по определению. Либерализм для того и изобрели, чтобы Россию уничтожить

Из комментариев в Newsland.ru

В последние годы и в наших СМИ, и в массовом сознании заметно усилилось негативное восприятие либерализма и демократии. Причем этими характеристиками наделяются такие явления общественной жизни, какие не имеют к ним ни малейшего отношения. Растут цены, безработица, падает деловая активность, сокращается уровень жизни – виноваты либерализм и демократия. Усиливается коррупция, бандитизм – они же. И даже покупка олигархом правой партии в дополнение к прочим своим активам, во всем обвиняются демократия и либерализм, несмотря на то, что купленная партия уже никак не может быть демократической.

Что же это за враги такие, из-за которых очень хотелось назвать эту статью «Верблюд как предпосылка политической мысли в современной России», – имея в виду, конечно, известное выражение: «Откуда? – От верблюда». В этой статье речь пойдет только о либерализме и о его стремлении к открытому обществу и к глобализации как о наиболее «порочном» явлении.

1.

Глобализация как научная идея, а не религиозная позиция и не литературный образ, впервые была разработана, пожалуй, К. Марксом. Правда, он использовал термин «интернационализм», но последовательный анализ этого процесса сразу же указал, что у него должны быть цель и смысл, которые К. Маркс увидел в «обобществившемся человечестве», и что достижение такой цели требует качественного изменения самой организации общественной жизни во всех ее аспектах: экономическом, политическом, правовом, моральном и т.д. Эта идея была получена не спекулятивным путем, а наблюдением и непосредственно из жизненного опыта.

В XX веке, еще до переименования марксовского интернационализма в глобализацию, А. Бергсон обнаружил, что в

эволюции общественной жизни существуют два антагонистических друг другу направления, которые он и назвал «закрытым и открытым обществами», и что между ними идет непримиримая борьба. Будучи интуитивистом, он не дал им строгих дефиниций и обоснования. Закрытое общество у А. Бергсона – «это такое общество, члены которого тесно связаны между собой, равнодушны к остальным людям, всегда готовы к нападению или обороне...» [2, с. 288]. «Открытое общество – это то, которое в принципе охватывает все человечество» [2, с. 289]. Это моральные максимумы, а в их основе находятся два несовместимых типа религии, по его терминологии, «статические» и «динамические». И произрастает все это из того обстоятельства, что общественная жизнь людей имеет два альтернативных способа самоидентификации: она осознает себя как целостный (тотальный) организм, и одновременно, как многообразие человеческих индивидов, в первом случае, его идеалом становится закрытое общество, во втором – открытое.

Категорически не согласившись с К. Марксом и переосмыслив взгляды А. Бергсона, К. Поппер перевел его моральную максимуму в преимущественно политическую плоскость, и стал трактовать открытое общество как «форму демократического («буржуазного») общества, в котором рядовые граждане могут мирно жить, в котором высоко ценится свобода и в котором можно мыслить и действовать ответственно, радостно принимая эту ответственность. Во многом оно походит на общество, ныне существующее на Западе» [7, с. 8]. Но если А. Бергсон, всецело разделяя идею прогресса, считал открытое общество современным этапом истории, последовавшим за традиционным закрытым обществом, увидел его таким, где «обыденная мораль не упраздняется, но она представляется одним из моментов в ходе прогресса» [2, с. 62], то у К. Поппера с его контрпрогрессивистской критикой историзма открытое общество отвергает «абсолютный авторитет традиционного» и одновременно пытается «установить и поддержать традиции – старые или новые, которые соответствовали бы стандартам свободы, гуманности и рационального критицизма» [7, с. 25].

У одного это моральная цель, у другого – политическая, но у обоих закрытое общество тоталитарно, и сегодня лучше всего иллюстрируется Северной Кореей, а открытое – демократично в западном смысле демократии. И тогда в принципе ясно, что первое силой давит внутри себя все противоречия и конфликты, а потому лишено механизмов саморазвития, но при этом высококонфликтно с соседями. Если в пределе распространить эту модель на все человечество, то оно распадается на множество враждующих стран и практически неизбежно движется к апокалипсису. Второе же не уничтожает свою внутреннюю противоречивость, а нарабатывает рациональные способы и политические механизмы ее регулирования. Первое превращает собственную противоречивость в войну, а второе – во внутренние протестные движения, организуемые оппозицией. В первом отношении и к внешнему врагу, и к внутренним протестным слоям силовое, а во втором – дипломатическое, и оппозиция в нем приветствуется потому, что если она есть в качестве организованного движения, то есть и субъект переговоров.

Сегодня открытость и закрытость обществ обусловлены не одними только моралью и политической волей, доминировавшими до середины XX века. Либеральная мораль и политика облегчают открытость и способны придавать ей комплексную форму. Но ни в коем случае не следует сбрасывать со счета экономику: размещение капитала и материально-го производства в наиболее эффективных для них точках земного шара и связанную с этим динамику экономических пропорций между странами и регионами, транснациональные корпорации. Нельзя игнорировать рост населения в большинстве стран, социальное расслоение и интенсивную миграцию. Трудно не заметить привлекательность западной системы ценностей и противодействие ей со стороны доминирующих слоев ряда стран, пропагандирующих свои ценности и насаждающих патриотизм и национализм собственного населения.

Проще говоря, до середины XX века общества не столько самостоятельно развивались, сколько в большей или меньшей мере искусственно конструировались политической волей государства и его лидеров. Решил, например, король или президент провести реформу и провел, изменив структуру общественной жизни в стране в соответствии со своими взглядами, будь то Петр I, Ришелье, Наполеон, Бисмарк,

Сталин или Рузвельт. И в этом смысле все общества были в той или иной степени «закрытыми», у каждого – свое правительство, свои законы, свои традиции, зачастую очень отличающиеся друг от друга, и у каждого в целом «законопослушное» и патриотичное население.

Однако уже с XVIII века развивается Новый Свет, первый в мире регион, формирующийся в соответствии с идеалом открытого общества. На самом деле, даже раньше, с началом его заселения европейцами у него в фундаменте находился свободный выбор будущих эмигрантов: ехать в неизвестность и отстаивать там свое право на жизнь или мириться с собственным незавидным положением на родине. Получив в 1783 году независимость, и с самого начала заложив индивидуальную свободу и частное предпринимательство в основу будущей культуры США и Канады, Северная Америка становится альтернативной Старому Свету моделью развития.

Еще раньше, в Старом Свете зарождается буржуазная система ценностей. Если отвлечься от позднейших негативных коннотаций слова «буржуа», то в XVII или XVIII вв. оно означало не более чем «горожанин», «хозяин», состоявшийся человек, живущий на свои средства, а не на заемные и не как дворянство, на жалованье и пенсии от короля. Буржуазное же общество фактически было синонимом «гражданского». Получив от Америки подтверждение возможности либерального пути развития, Старый Свет устроил свои буржуазные революции и в конце концов утвердил у себя частную свободу индивида как основополагающую ценность. С этого момента и рождается Запад как явление культуры и как открытое общество.

Различие между открытым и закрытым обществами, в том числе и тем, что было в Европе до окончательного утверждения буржуазных ценностей, было, на мой взгляд, следующим. Закрытое общество развивается целенаправленно и конструируется искусственно в соответствии с политической волей власти. Сначала оно конструировалось под влиянием идеологии католицизма, потом – науки. При этом, как католицизм в Средние века фактически игнорировал непознанность воли Божьей и подменял ее своей догматикой, так и социальная наука пренебрегала тем, что своим собственным предметом во всей его полноте она не владеет, и создавала проекты на базе неполного и поверхностного знания, а иногда и ошибочных взглядов. Социальная наука

шла путем естественной, не замечая того, что естественно-научное познание «экстенсивно» и исследует внешнюю предметность, а социальное – «интенсивно» и нацелено на внутреннюю предметную область.

Конечно, такое социальное конструирование на западный манер не означало, что государство целенаправленно строило общество, контролируя все его процессы. До такого уровня оно дошло только в странах бывшего «советского блока», в остальном же западном мире оно просто непреложно демонстрировало свою волю. А уже политическая воля, столь отчетливо заявленная, становилась конфигуратором, вокруг которого шли процессы самоорганизации. Но именно на Западе родилась идея паноптизма, государственного управления социальными процессами и тоталитаризма.

Открытое же общество, состояние, в которое Западный мир окончательно вступил после Второй мировой войны, действительно, становится совершенно другой, чем ранее, социальной системой, очень противоречивой и рождающей принципиально новые проблемы, которые еще никто не знает, как правильно решать, например, проблематика объединенной Европы. Такое общество не конструируется, а растет естественным путем, как лес, а не версальский парк. В нем ни наука, ни церковь, ни власть не направляют его эволюцию. Власть в нем не подгоняет развитие, она выступает не столько машиной принуждения, сколько, в первую и главную очередь, площадкой для переговоров.

И если субъектом социального строительства в закрытом обществе является политическая власть, то субъектом естественной эволюции открытого общества становятся свободные и самостоятельные индивиды. И отсюда, деловая активность в закрытом обществе всегда связана с политикой и с коррупцией, а в открытом – с индивидами.

В открытом обществе государство все больше утрачивает властные функции и уступает их общественным объединениям, корпорациям, в том числе, и современным транснациональным, складывающимся естественным путем диалога и переговоров, но не приказов и распоряжений. А это в свою очередь означает изменение конфигурации тех пространств, где эта власть осуществляется, то есть геополитическую перестройку мира. Причем перестройка мира становится перманентной. Она не может завершиться возникновением новых государств с ясно очерченными границами, с собственными политическими и правовы-

ми режимами, с новыми нациями и остальной атрибутикой государственной власти традиционных закрытых обществ уже потому, что в ее основе находится непрерывно идущий диалог между индивидами.

Проще говоря, нам очень долго предстоит жить в условиях перманентных перемен, и, думается, финансовый кризис, который сейчас всех пугает, просто одна из них.

Конечно, столь категоричное разделение открытых и закрытых обществ абстрактно, в реальности почти каждое общество сегодня содержит в себе признаки и того, и другого, но в разных пропорциях и с разной степенью выраженности. Закрытость и открытость – противоположные тенденции, одна из которых связана с социальной целостностью, а другая с межчеловеческими различиями. Тем не менее, заметно, что открытость стала настолько доминирующей тенденцией, что даже сохранившиеся закрытые общества, например Иран, стремятся к ней приспособиться.

2.

Исследуя либерализм и демократию, стоит различать действительный либерализм и мимикрирующие под него антилиберальные и антидемократические тенденции.

Либерал – слово, которое в нынешней России звучит почти неприлично, на самом деле означает человека, у которого в основе жизненной позиции находится стремление к свободе. Но одновременно либерал – это сторонник философии либерализма, и так же называют членов и сторонников многочисленных либеральных партий. Это всё настолько не одно и то же, что остается признать: сегодняшняя критика либерализма в России путается в предмете, что, собственно говоря, она критикует – жизненную позицию, философию или политическую программу?

Как позиция либерализм – это признание человека свободой в качестве одной из основополагающих жизненных ценностей, это, пожалуй, единственный реальный предмет критики. В этом смысле, критиковать либерализм – значит придерживаться противоположной позиции, то есть физической зависимости и рабства. Самый последовательный и практический критик либерализма в этом смысле, пожалуй, наркоман в поисках дозы. Или же это означает поиск меры личной свободы и пределов, в которых человек осознает себя свободным, то есть, борьбу за свободу, тождественную самой свободе.

Что касается философии, то в Западном мире, по крайней мере, начиная с XIX века

нет философов, категорически отрицающих его. Они различаются в трактовках свободы и в понимании ее субъектов. Кто по своей природе свободен, то есть, кто – человек? Все признают ее как свою ценность, но кто признает ее также и за другими, считая свободу всеобщей, а кто-то – только за собой и за социально близким классом. По сути, либерализм здесь означает либо равенство в свободе, либо ограничение свободы для одних как условие свободы других. А, следовательно, критика либерализма по большей части или уничтожает свободу, или утверждает ее только одной группы, в ущерб всем остальным.

В партийно-политическом же смысле либерализм вообще абсурден уже потому, что свобода слишком быстро меняется исторически, слишком емкое и многогранное явление, чтобы стать узкой политической программой. Политический либерализм сегодня не является основополагающей идеей даже для Либеральной партии в США, а уж для Либерально-демократической партии России это вообще не более чем пустой термин в самоназвании. И такое отношение к ней честнее, хоть и цинично, в самом деле, не все ли равно, как называться, Либерально-демократической партией или рабски-олигархической, если все зависит от меняющейся политической ситуации и конкретных задач ее лидеров!

Если подходить к свободе формально, то она будет означать возможность освобождения даже от себя самой, уже поэтому ее анализ вне конкретно-исторических условий лишен всякого смысла. Для разных социокультурных субъектов и в различные эпохи их жизни она выглядит по-разному, в зависимости от того, какие ценности увлекали людей и давали возможность называть их «свободой». Диапазон таких ценностей широк: от общехристианской свободы выбора между двумя ясно обозначенными ориентирами добра и зла, Божественного и дьявольского до сартровской свободы как пустоты, обусловленной неизбежностью выбора между неопределенным числом неопределенных ориентиров.

Свобода в Европе, это и ее скрытое отрицание в виде спинозистской «познанной необходимости», и марксистская позитивная интерпретация Спинозы и Гегеля как познания необходимости, угнетающей человека, ее практического преобразования и творчества новой необходимости, избавляющей людей от угнетения. У самого же К.Маркса она скорее полнота практической самореализации человека. В какое-то время свобода

получает облик преимущественно политической независимости, в другие моменты она осознается как экономическая самостоятельность. В СССР – это равенство по отношению к собственности на средства производства. Со второй половины XX века в «социальных государствах» Западной Европы она трактуется как социальная защищенность и одновременно закрепляется в правах человека как свобода самовыражения, критики и протеста, в некоторой степени конфликтующая с социальной защищенностью.

Свобода в современном обществе чаще всего рассматривается в экономическом (собственность), юридическом (право), политическом (независимость) и морально-психологическом (самостоятельность, отсутствие принуждения) значении. Уже в марксистской литературе она классифицируется как «свобода от чего-то» и «свобода для чего-то» [5, с. 286], речь, разумеется, идет о свободе от эксплуатации, от эксплуатирующего класса и частной собственности на средства производства. И. Берлин позднее интерпретировал эту «свободу от» и «свободу для» как «негативную» и «позитивную свободу».

По И. Берлину, негативная свобода означает, в сущности, «не испытывать чужого вмешательства. Чем шире область невмешательства, тем шире моя свобода» [1, с. 47]. Ее нарушение влечет за собою искажение человеческой природы. Что до ее протиположности, то Берлин пишет так: «Позитивный» смысл слова «свобода» проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу, чтобы моя жизнь и мои решения зависели от меня, а не от каких бы то ни было внешних сил. Я хочу быть орудием действия, а не подчиняться чужой воле. Я хочу быть субъектом, а не объектом; следовать собственным соображениям и сознательным целям, а не делать что-то под воздействием внешних причин» [1, с. 51]. При этом у И. Берлина негативное значение имеет гораздо большую ценность, чем позитивное. В основе его рассуждений находится представление о некоем атомизированном индивиде с неизменной и идеальной природой.

Несмотря на кажущийся архаизм такого представления, индивид Берлина является необходимой точкой отсчета в анализе свободы, и он достаточно приближен к западной, особенно к американской, реальности XX века. Эта точка отсчета позволяет Берлину начать разговор об этическом плюрализме. «Основной парадокс берлинианы, – утверждает А. Паньковский, – можно было

бы сформулировать следующим образом: мы можем сохранить [либеральные] ценности нашей культуры лишь за счет признания их радикальной несовместимости друг с другом» [6, с. 167]. Именно это дает возможность Д. Грею назвать либерализм И. Берлина «агональным» [3, гл. 6].

Однако как ни возвеличивай негативную свободу, она, и в самом деле, играет огромную роль в жизни современных индивидов,доросших до осознания своей самобытности и защищающих ее от вторжений со стороны, – ее признание в качестве первостепенной жизненной ценности требует существования по-разному самобытных индивидов, воспринимающих свою самобытность как непреложную ценность. Негативная свобода не может быть понята без позитивной, эти ценности равнозначны, каждая из них – оборотная сторона другой, и вместе они составляют альтернативу, всегда предоставленную живому индивиду в качестве ориентиров его выбора.

3.

Свобода, прежде всего, легитимирована как обладание субъектом всеми необходимыми условиями собственного бытия, как преобразование и освоение внешней реальности, где находятся эти условия. Проще сказать, позитивная свобода, это обладание необходимыми условиями жизни. Если они у человека есть, то он свободен, то есть существует в качестве субъекта своей жизни, если их нет, то человек – объект чужой деятельности. Чем больше человеку принадлежат его условия, тем лучше он живет и тем больше он субъект.

И только будучи субъектом культуры, он заявляет о себе как о свободном субъекте, то есть свободном от природы и от той супериндивидуальной духовности, верховенство которой он признавал до того, как стал субъектом модерна, и при этом стремящимся к превращению всего мира в принадлежащее ему условие бытия, к определению законов этого мира на основе своей воли. Именно эта характерная черта европейской субъективности заставляет русское православное мышление подозревать в ней «человекобожие». Подозрение не вполне справедливое, так как европейская субъективность выступает с этой претензией, исходя из представлений о невозможности в каждый отдельный момент ни знать всю полноту бесконечной Вселенной, ни практически владеть ею. И вместе с этим она

исходит из множества разноречивых представлений о свободе, в том числе и из таких, какие свободу отрицают или доводят до абсурда, например допуская государственно-монополистический капитализм СССР, партийно-олигархический капитализм Германии 30-х гг. XX в. и России начала XXI в. или ограничивая ее своими религиозными и экологическими движениями.

Субъект обладает всеми условиями бытия, а те, каких он по ряду причин еще лишен, он только стремится приобрести, нацеливая на них весь потенциал своего прагматизма, никогда не достигая абсолютной власти. Его не следует трактовать ни как природное состояние в материалистическом смысле природы, ни как духовное в смысле религиозном, он сугубо культурен. Субъект, будучи основанием культуры, является и ее же порождением, и на пределе обладания, как абсолютно свободное существо он делает культуру замкнутой и самовоспроизводящейся системой, чем-то вроде воздушного пузыря в бесконечной океанской толще, подводной лодки или космической станции, придуманной, созданной и обслуживаемой людьми и, в свою очередь, поддерживающей жизнь экипажа. Однако чем ближе европейский субъект приближается к этому состоянию, чем больше он организует и контролирует себя и свой мир, тем больше его общественная жизнь становится хаотичной и зависящей от столкновения индивидов и от их противодействия организующей воли власти.

В таком случае, если мы понимаем свободу исключительно позитивно и абстрагируемся от ее негативных значений, мы обнаруживаем новую зависимость субъекта – от культурных аспектов его бытия и от скрытого за ними хаоса. Освобождение же от этой зависимости означает зависимость от физической природы или от духовности. Реальная свобода индивида, прежде всего, обусловлена взаимной противоречивостью всех аспектов его природы: физика, духовность и культура, и поиском оптимальной для него пропорции в их отношениях. Она представляет собою *свободу маневра* между человеческими жизненными ориентирами, свободу их согласования в собственной душе. ***Любой выбор делает человека свободным лишь в той мере, в какой он сохраняет за собой право и возможность иного выбора.*** А отсюда позитивная свобода, чтобы не оказаться новым рабством, должна предусматривать негативное осво-

бождение, позволяющее человеку быть не рабом, не господином, а субъектом, то есть тем, с кем всякий раз, в каждом конкретном, случае надо договариваться. Следовательно, свобода как качество субъекта – это, в первую очередь, диалог и выбор, и эти свои характеристики индивид привносит в производную от него социокультурную субъективность на всех ее уровнях: в общественную жизнь коллектива, города, страны.

Негативная «свобода от...» проистекает из «свободы для...», для освоения, преобразования и превращения внешней природы во «внутреннюю природу» своей самобытности. Это значит, что, во-первых, свобода требует прагматизма, когда этический плюрализм Берлина оборачивается непрерывной динамикой диалога: нападением и защитой, конфликтами, требованиями, претензиями, ожиданиями, просьбами, договорами, согласованиями как в отношениях с природой, так и в отношениях людей друг с другом. И, во-вторых, свобода как освоение природы означает освоение и социальной природы, ее превращения, по словам К. Маркса, в сущностную силу человека. Практически же это значит социальную защиту, включающую в себя не только институты социального иждивенчества, вроде пенсионных фондов или механизмов льготного кредитования, но и функциональное распределение индивидов, правовое и моральное регулирование, и контроль индивидами за состоянием социальной защиты. То есть, свобода – это, в первую очередь, индивиды, обладающие самобытностью, осознающие это и реально имеющие право выбора.

Тогда, свобода – это всего лишь признание за каждым права быть самим собой и возможность договориться с другими о границах самобытия и своем месте в общественной жизни.

Европейская субъективность подчиняется в первую очередь так называемым «законам свободы», благодаря чему она способна использовать объективные законы в своих целях или «обходить» их по мере надобности. «Законы свободы» понимаются как цивилизационные границы, в пределах которых субъект вправе заявлять и осуществлять свою свободу, не ущемляя свободу другого. Свобода дает возможность преодолевать зависимость от природы и общества, отказаться от предопределенности места в жизни и выбирать, самоопределяться по своей воле, сохраняя и развивая свою самобытность.

Свобода начинается с позитивной заявки самобытия, с ее выражения вместе с

заявкой на меру добровольного самоограничения. Она есть только там и у того, кто и где способен взять на себя *обязательство* быть самим собой и пунктуально его выполнять. Проще говоря, никто не принуждает стать дальнобойщиком, чиновником или литературным критиком, никто не заставляет и отказаться от этой роли. Но любой выбор места в жизни означает и выбор тех обязательств, какие с ним связаны: врач должен лечить, полицейский – охранять порядок, при любых обстоятельствах. Лишь в случае добровольно взятых обязательств и их выполнения мы становимся предсказуемыми для других, а следовательно, можем быть и партнерами по диалогу. А значит, способны быть и субъектами, придающими форму общественной жизни и воспроизводящими ее.

Обязательность субъекта вызывает и его ответственность, она – всегда ответственность за выполнение своих обязательств. Ответственность без обязательности и прав не имеет смысла, и на поверку оборачивается банальным принуждением и десубъективацией индивидов. В тоталитарных общественных системах и рабовладельческих обществах принято свободу напрямую определять через ответственность, минуя права и добровольные обязательства, в которых индивид заявляет о своих ожиданиях и к Другому, и к обществу в целом.

Встречаясь с цивилизационными границами, свобода формирует личность, ее обязанности и ответственность за свою деятельность, за рациональное мышление и его продукты, за творчество. Деятельность ответственной личности трансформируется в поступок, характеризующийся необратимостью, а ответственность становится внутренним самоопределением свободной личности и ее поступка, ответственность придает свободе человека конкретную форму практического действия.

Из всех качеств субъекта свобода человека в европейском мире выступает наиболее видимой ценностью, выполняющей функцию знака, указывающего именно на Европейский мир. Образование, научное познание, художественное творчество, техническое и социальное конструирование, счет в банке, обладание собственностью, политическая демократия, права человека и т.д., все это разные формы реализации свободы. Значение свободы в европейских культурах настолько высоко, что они вплоть до 80-х гг. XX в. осознавали себя как Свободный мир, и во многом сохраняют эту самоидентификацию до сих пор.

Свобода как обладание условиями бытия выращивает свою систему ценностей, переплетающуюся с ценностями прагматизма и рационализма и окрашивающую их в свои тона.

Прежде всего, из нее следует право на собственность и рыночная экономика. Например, если у человека есть квартира, то он живет, в противном случае он вынужден снимать себе жилье, а значит, зависеть от тех требований, какие предъявляет домовладелец: по телефону не звони, гостей не приводи, музыку не включай, квартплата непрерывно растет – плати, не хочешь – иди вон. Если у человека есть хотя бы машина, он может заработать себе на жизнь частным извозом. Если же ничего нет, – нанимайся на работу и принимай те правила организации, охраны и оплаты труда, какие диктует работодатель. Не хочешь – иди и ищи, где лучше. Это и дает возможность монополизированным общественным системам поддерживать крайне низкий уровень заработных плат и условий труда, все равно уйти, некуда.

Из свободы следует денежная система, и прежде всего, такая конкретная ценность, как размер счета в банке. Если у тебя есть достаточное количество денег, ты купишь себе все необходимое, если нет, – видимые в витринах и рекламе блага жизни не для тебя.

Из свободы следует демократия с ее оппозицией, независимыми профсоюзами, выборами и конституционными правами, позволяющими населению присваивать себе государственную власть в форме контроля за нею. По замечанию В.Е. Кемеров, она может пониматься как контроль индивидов «над отчужденными от них структурами власти, производства, информации и т.д.» [4, с. 765].

Следует заметить, что хотя идеал открытого общества базируется именно на либерализме, а в основе либерализма всегда находится индивидуальная свобода, эта свобода в разных культурах понимается

по-разному. Главное в ней не ее западное содержание, а самостоятельность индивида, его деловая, социальная активность и его умение не воевать, а договариваться с другими свободными индивидами.

Таким образом, свобода становится очень содержательным, закрепленным за конкретным культурным сообществом способом человеческого самоопределения в качестве личности, субъекта действия и общественной эволюции. Она – основа открытого общества. И она же – главная проблема нашей страны.

Приходится признать то обстоятельство, что несмотря на все перемены последнего двадцатилетия, доминирующим субъектом общественной жизни у нас являются не люди, а государство, и мы – в числе тех немногих стран, какие по-прежнему придерживаются модели закрытого общества. А следовательно, бизнес у нас преимущественно государственный, политика осуществляется только им, мораль – великодержавная и т.д. В мире, где все больше доминирует открытость, это опасное состояние, вполне сходное с Нью-Орлеаном в дни тайфуна Катрина.

Желая выжить в открытом мире, следовало бы все силы вкладывать не в армию, правоохранительную систему, не в банки и даже не в материальное производство, а в ту культуру, которая развивает и укрепляет самобытность и свободу людей. А уж свободные люди и заводы построят, и поля вспашут, и порядок наведут, и в армии будут знать, за что они служат.

Критика же либерализма оказывается либо призывом к десубъективации человека, интеллектуальным обоснованием закрытого общества, крепостного права, различных форм феодализма либо критикой либералов неприемлемой для них формы чужого либерализма, когда надо ясно указывать, что такое свобода для критиков, либо же это критика «пустого слова», бой с тенью, которая просто ускользает.

1. Берлин, И. Два понимания свободы [Текст] / И. Берлин. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 47.

2. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: «Канон», 1994.

3. Грей, Д. Агональный либерализм [Текст] / Д. Грей. Поминки по Просвещению. – М.: Праксис, 2003.

4. Кемеров, В.Е. Свобода // Современный философский словарь. – М. и др.: ПАНПРИНТ, 1998.

5. Ленин, В.И. Советская власть и положение женщины. // Полное собр. соч. Т. 39. – М.: Изд-во полит. литер., 1970. С. 286.

6. Паньковский, А. Агональный либерализм Исаяи Берлина [Текст] / А. Паньковский. – ЛОГОС 4-5(39) 2003. С. 167.

7. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. – М.: «Культурная инициатива», 2009.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

УДК 316.4

С.Г.ЗЫРЯНОВ

Южно-Уральский регион, частью которого является Челябинская область, за последние 20 лет пережил весьма болезненную эпоху рыночных реформ. Происходили они на фоне слома прежнего государственного устройства и формирования новых институтов власти, смены формы собственности и того, что называют трансформационным кризисом. В результате в России в целом и в одном из её наиболее развитых промышленных регионов – Челябинской области, сформировались основные институты рыночной экономики, что можно рассматривать как несомненный позитивный результат всех трансформационных процессов, однако уровень её эффективности пока весьма низок. Среди всех произошедших трансформационных изменений отдельного внимания заслуживают изменения социальной структуры регионального сообщества.

Социальная структура – это совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы, отражающая её существенные характеристики. Важнейшая особенность социальной структуры заключается в том, что она тождественна системным (эмерджентным) свойствам комплекса составляющих её элементов, то есть свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса**.

Под влиянием трансформационных процессов в социальной структуре регионального сообщества появились существенные различия между социальными группами, слоями и отдельными гражданами в имущественном положении, включённость во властные отношения, в образе жизни. На протяжении почти двадцати лет складываются и закрепляются в социальной практике новые формы взаимодействия индивидов и институтов, потребительские и духовно-нравственные ценности, интересы и потребности.

Сами трансформационные изменения в жизни регионального социума и их последствия многообразны. Они содержат как общероссийские тренды, так и региональные особенности. Сложившаяся за эти годы новая региональная социальная структура населения Челябинской области при наличии общих черт со структурой других субъектов РФ имеет значительные социально-экономические, политические, национальные отличия.

При изучении социальной структуры Челябинской области в исследовании использованы предложенные в Типовой методике аналитические сравнения: по материальной обеспеченности, по уровню и по месту в социальной стратификации, которая не идентична материальному расслоению. Сформировавшиеся в регионе материальные аспекты картины социального неравенства анализируются путём сравнения распределения доходов и расходов населения между различными социальными группами. Этот сюжет дополняется социально-стратификационным аспектом анализа, где наряду с материальной дифференциацией учитываются и два других фактора, определяющих положение индивидов и групп в сложившейся системе социальной стратификации регионального сообщества: обладание властью и символическим капиталом.

Материальное расслоение в Челябинской области

Общеизвестно, что рыночная экономика, имея несомненные достоинства, всё же не ориентирована на сближение различий в уровне материального обеспечения между людьми. Её «энергетика», наоборот, связана с конкуренцией. А конкуренция делит население на победителей и проигравших в вопросе роста уровня материального обеспечения.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 11-03-00655 и написана в соответствии с требованиями Типовой методике.

** Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2010. С. 958.

Так, известный немецкий социолог Р. Дарендорф отмечал: «Даже в процветающем обществе неравное положение людей остается важным непреходящим явлением ...различия между людьми больше опираются на прямое насилие и законодательные нормы, на которых держалась система привилегий в кастовом или сословном обществе. Тем не менее, помимо грубых делений по размеру собственности и доходов, престижа и власти, наше общество характеризуется множеством ранговых различий» [6, с. 38].

Развитие региональной экономики Челябинской области по данным Челябинскстата с начала 2000 годов имело устойчивую тенденцию к росту, однако кризис 2008–2009 годов внёс серьёзные коррективы. В 2009 году ВРП составил лишь 85,9% от 2008 года [4, с. 24–25].

В рублёвом выражении динамика индикаторов уровня жизни населения области, несмотря на кризис, выглядит чуть позитивнее, чем развитие региональной экономики (см. таблицу 1).

сохранении, по крайней мере с 2006 по 2010 год, существенных диспропорций среди различных категорий жителей (см. таблицу 3).

Из данных таблицы следует, что 20% наименее обеспеченных жителей области получили в 2010 году в 8,2 раза меньше денежных доходов, чем 20% жителей с наибольшими доходами. Ситуация с неравенством в доходах населения Челябинской области аналогична общероссийской картине [5, с. 12–13]. Основной дифференциации доходов населения Челябинской области является неравномерность уровня развитости отраслей экономики региона, а также сохраняющийся дисбаланс удельного веса различных отраслей в ВРП, доставшихся региону в наследство от эпохи индустриализации. Лидерство в размере среднемесячной заработной платы в 2010 году обеспечивает работа в следующих отраслях: финансовая деятельность – 32711,1 руб. в месяц, производство кокса и нефтепродуктов – 26190,8 рубля в ме-

Таблица 1

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения Челябинской области [4, с. 67]

	2006	2007	2008	2009	2010
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млн рублей	315169,4	391511,9	512924,6	522913,7	...
В процентах к предыдущему году	134,3	124,2	131,0	101,9	...
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), рублей	8614,2	10636,7	14027,8	15044,3	16688,7
Реальные располагаемые денежные доходы, в процентах к предыдущему году	118,3	113,4	113,7	98,6	103,1*

Если сравнивать динамику развития региональной экономики и органично связанный с ней рост потребительских расходов на душу населения, то в масштабах УрФО мы увидим следующую картину (см. таблицу 2).

Понятно, что жители Челябинской области тратили не все получаемые доходы. Определённая их часть была предназначена либо для сбережений, либо для накопления с целью приобретения товаров длительного пользования – автомобилей, мебели, дорогостоящей бытовой техники или долговременных услуг – обучение детей. Однако распределение денежных доходов среди пяти 20%-х групп населения свидетельствует о возникновении и

сая, работа в металлургическом производстве – 25054,7 рубля. А вот занятость в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и рыболовство, обеспечивают работникам только 9957,7 руб. заработной платы в месяц, занятость в образовании только 10756,2 рубля в месяц [4, с. 70–71]. Однако безусловным лидером по показателю среднемесячной зарплаты оказались чиновники Челябинской области с показателем 34543 рубля в месяц, при среднем у населения – 18202 рубля [1].

Заметную роль в социально-экономической дифференциации населения играет и сложившаяся в прежние времена территориально-отраслевая специ-

* Предварительные данные.

Таблица 2

**Динамика потребительских расходов в среднем на душу населения
(в месяц рублей; 1990,1995 гг. - тыс. руб.)**

	1990	1995	2000	2005	2009	Место, занимаемое в Российской Федерации 2009
Уральский федеральный округ	0,159	355	1498	5981	13445	2
Курганская область	0,136	175	865	3215	8797	45
Свердловская область	0,155	354	1425	5995	13916	8
Тюменская область	0,183	509	2144	8309	17247	5
в том числе:						
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	...	...	2400	9703	19190	3
Ямало-Ненецкий автономный округ	...	...	2842	10692	20757	2
Челябинская область	0,151	276	1201	4555	10414	26

Таблица 3

**Распределение общего объема денежных доходов населения [4, с. 72]
(в процентах к итогу)**

	2006	2007	2008	2009	2010*
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:					
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,7	5,6	5,6	5,6
вторая	10,7	10,4	10,3	10,4	10,4
третья	15,6	15,4	15,3	15,3	15,3
четвертая	22,8	22,8	22,7	22,7	22,7
пятая (с наибольшими доходами)	45,0	45,7	46,1	46,0	46,0
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)**	0,388	0,396	0,402	0,400	0,400

* Предварительные данные.

** Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

Таблица 4

Самооценка уровня материальной обеспеченности населения

	2004 ¹	2005 ²	2009 ³	2010 ⁴	2011 ⁵
Достаточно состоятелен, чтобы хорошо жить	0,7	0,8	0,9	0,7	0,4
Денег на жизнь хватает, особо не экономим	6,2	5,7	6,9	8,9	7,3
Живём нормально, но приходится экономить	43,3	39,2	42,6	47,7	46,4
Денег хватает только на питание	38,0	42,1	36,5	36,4	37,7
Живём за гранью бедности, денег не хватает даже на питание	11,7	12,2	13,1	6,9	8,2

ализация территорий, на которых ныне возникли муниципальные образования, а также численность населения, проживающего в них. В Челябинской области есть территории, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции, – юг области, есть территории, относящиеся к горнозаводской зоне, в которых основная проблема – это наличие одного или двух – трёх градообразующих предприятий с устаревшими основными производственными фондами, есть три города – ЗАТО, относящиеся к Росатому. Ну а численность населения, проживающего в муниципальных образованиях Челябинской области, весьма своеобразно коррелируется с показателем среднемесячной зарплаты. Только в трёх муниципальных образованиях среднемесячная зарплата в 2010 году была выше средней по области. Это Магнитогорск – 22588,7 руб., Челябинск – 20510,9 руб., Миасс – 18012,6 руб. В остальных 36 муниципальных образованиях, указанных в статистической таблице,

среднемесячная зарплата ниже средней по области и рекордсменом здесь оказался Уйский муниципальный район с сельскохозяйственным профилем производства и с показателем зарплаты 8643,6 руб. в месяц [2, с. 11].

Статистические данные, которые с определённой долей условности можно отнести к объективной характеристике состояния социального неравенства регионального социума, почти в унисон дополняются субъективными оценками жителей – респондентов, полученными в ходе социологических опросов в 2004–2011 годах, проведённых лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС (см. табл. 4).

Итак, на протяжении семи лет наблюдений численность трёх групп населения – обеспеченных (1 группа), со средним уровнем обеспечения (2 группа), малообеспеченных и бедных (3 группа) претерпела небольшие изменения (см. табл. 5).

Таблица 5

Динамика самооценки уровня материальной обеспеченности населения

	2004 год	2011 год
1 группа – обеспеченные	6,9%	7,7%
2 группа – со средним уровнем обеспечения	43,3%	46,4%
3 группа – малообеспеченные и бедные	49,7%	45,9%

¹Социологический опрос проведён 26–29 февраля 2004 г. Опрошено 18047 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

²Социологический опрос проведён 1–5 октября 2005 г. Опрошено 17965 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

³Социологический опрос проведён 20 марта– 10 апреля 2009 г. Опрошено 16978 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

⁴Социологический опрос проведён 27–30 апреля 2010 г. Опрошено 16996 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

⁵Социологический опрос проведён 29 марта – 25 апреля 2011 г. Опрошен 17021 респондент в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

В 2011 году только 7,7% респондентов в плане материального обеспечения чувствовали себя комфортно. А вот 45,9% заявили о наличии серьёзных материальных проблем. Получается, что на уровне субъективных оценок уровень материальной дифференциации жителей области, несмотря на рост зарплаты, не имеет заметно выраженной позитивной динамики.

Социальная стратификация населения Челябинской области

Под социальной стратификацией в ходе нашего анализа понимается термин, применяемый для обозначения структурированного социального неравенства, условий, при которых социальные группы имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, профессиональная карьера, самореализация и т.п. Социальная стратификация рассматривается, главным образом, как систематически проявляющееся неравенство между группами людей, возникающее как непреднаме-

ное и социокультурное пространство соответственно*.

В соответствии с рекомендациями Типовой методики для выделения социальных слоёв использовалась процедура кластерного анализа с применением метода k-средних и выделением 5 кластеров, которые одновременно можно обозначит понятием «страты». При этом из общего массива данных были исключены студенты и учащиеся, которые в силу возраста не имеют пока устойчивого статуса в системе социальной стратификации

Первая страта, условно обозначенная в соответствии с методикой термином «высокостатусные» (10,3%), включает в себя людей, обладающих властными полномочиями (число подчинённых 5–50 и более 100 человек) и символическим капиталом в виде высшего образования (см. рис.1). Уровень дохода этой группы позволяет отнести её представителей к категории «обеспеченные». Состав анализируемого кластера отмечается преобладанием мужчин (58%), средний возраст его представите-

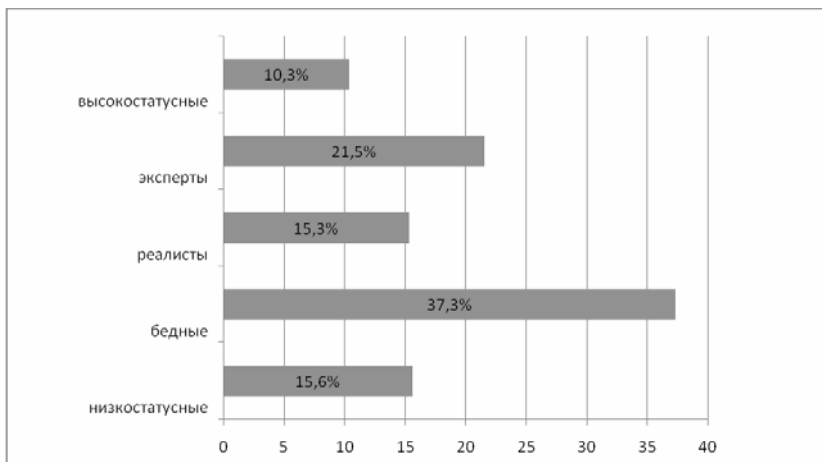

Рисунок 1. Социальная стратификация регионального сообщества

ренное следствие социальных отношений, воспроизводящееся в каждом следующем поколении [3, с. 957].

При рассмотрении положения групп населения Челябинской области в системе социальной стратификации нами использовались три критерия: руководство людьми, материальный уровень жизни и уровень образования, которые репрезентируют социально-экономическое, социально-политичес-

лей составляет 45 лет. В профессиональной структуре выделяются категории «ИТР, госслужащие, руководители среднего звена» (57%), предприниматели (10,7%) и врачи, преподаватели, работники культуры, юристы (32,1%). Удельный вес доли руководителей государственных предприятий, АО в общем составе группы невелик – 3,6%, однако существенно выше, чем в других кластерах.

* В нашем исследовании использовались критерии, предложенные в Типовой методике.

Вторая страта, условно названная «эксперты», включает в себя 21,5% опрошенных. Заметное отличие от вышестоящей группы состоит в меньшем количестве подчинённых – у 27,4% представителей этой группы менее 5 человек подчинённых, остальные их не имеют. Здесь концентрируются работники бюджетной сферы (21,1%), ИТР, госслужащие, руководители среднего звена – 26,9%. Средний возраст представителей этой группы составляет 39,6 года. В ней представлены жители большого города – 46,9%, а также люди с высшим образованием (82,9%) и послевузовским образованием (8,0%).

Третья страта, получившая терминологическое обозначение «реалисты», объединяет 15,3% опрошенных. Эта группа близка к предыдущему слою по признаку материального положения. Следует обратить внимание на то, что их уровень дохода достигается, по видимому, за счёт наличия особых, хорошо востребованных на региональном рынке профессиональных навыков, поскольку в составе кластера находятся респонденты со сравнительно невысоким образованием (начальное профессиональное, среднее и среднее специальное). При этом доминирующей категорией в рассматриваемой группе являются рабочие (30,4%). Наблюдается небольшое преобладание мужчин (58,4%), средний возраст респондентов – 41,6 года.

Четвёртая страта – «бедные», которых можно ещё характеризовать как «дезадаптанты». Они составляют самую большую часть массива – 37,3%. Абсолютное большинство их не имеет властных полномочий, это люди со средним и средним специальным уровнем образования (67,8%) и низкими доходами. О слабой приспособленности представителей данной группы к новой рыночной социально-экономической ситуации свидетельствует то, что они не

смогли конвертировать имеющийся у них образовательный и культурный капитал в приемлемый уровень доходов. Конечно, в силу этого представители данной группы по материальному положению относятся к категории «бедных». Все базовые характеристики социального состава группы также говорят о её слабом адаптационном потенциале. Здесь преобладают женщины (63,5%), значительное число пенсионеров (26,6%) и жителей малых городов (28,3%). Средний возраст 47,4 года.

Пятая страта – «низкостатусные» вошла в себя 15,6% респондентов. В неё входят люди, не имеющие властных функций (92,1%), с низким уровнем образования и доходов. По уровню доходов она совпадает с предыдущей стратой. Представители данной группы не располагают возможностью самостоятельного изменения своего социального положения из-за отсутствия необходимых для этого ресурсов. В состав данной страты делегируются жители сельской местности (22,8%), в основном пенсионеры (29,9%). Большая часть представителей группы – рабочие. Средний возраст – 49,1 года.

Итак, пять страт (социальных групп, кластеров) дают объёмное представление о границах и масштабах стратификации регионального сообщества. К двум нижним стратам относится более половины опрошенного населения региона – 52,9%. К двум средним стратам относится чуть более трети опрошенных – 36,8%. И, наконец, к высшей страте относится лишь каждый десятый из числа опрошенных жителей области – 10,3%.

Основные характеристики социальной мобильности и среднего класса будут рассмотрены в очередном номере журнала «Социум и власть».

(Продолжение следует)

1. Доходы чиновников выше среднего уровня. [Текст] // Коммерсантъ. Региональный выпуск. Урал. 2011, 1 июня – № 97 (4635).
2. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели [Текст] Стат.сб. в 2 ч. Часть 1/ Челябинскстат. – Челябинск, 2011. С. 11.
3. Новейший социологический словарь [Текст] / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2010. С. 958.
4. Челябинская область в цифрах [Текст] / Краткий статистический сборник/ Челябинскстат, – 2011. С. 24–25.
5. Ясин, Е.Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу [Текст] / Е.Г. Ясин. – М., фонд «Либеральная миссия». – 2011. С. 12–13.
6. Dahrendorf R. Die angewandte Aufklärung. München, 1963. S.38

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ*

УДК 316.4

С.Р. АБРАМКИНА, Д.В. БОГДАНОВА, Е.А. ТЕРЕЩУК

В июле-августе 2011 года Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского института УрАГС проведен социологический опрос населения Челябинской области по методике Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН «Социокультурный портрет региона». В ходе исследования выявлены особенности отдельных сторон жизнедеятельности области в оценках ее жителей. В соответствии с методикой ЦИСИ ИФ РАН социальное самочувствие населения региона представляется интегральным показателем, составляющими которого, прежде всего, являются защищенность от опасностей, удовлетворенность жизнью в целом, уровень оптимизма. Наряду с оценками южноуральцев по этим компонентам в статье отражены демографические показатели и ответы на другие вопросы, также фиксирующие особенности социального самочувствия населения области.

Большинство опрошенных относятся к факту своего проживания в Челябинской скорее позитивно**. Так, 27% респондентов рады, что живут на Южном Урале; 43% – в целом довольны, хотя многое не устраивает. Не испытывают никаких

чувств по этому поводу 13% опрошенных. Вариант «мне не нравится здесь жить, но я привык и не собираюсь уезжать» выбрали 6% респондентов. Доля тех, кто хотел бы переехать жить в другой регион России, составляет 4,5 % респондентов, а уехать из России желают 4,3%.

Какие особенности Челябинской области позволяют зафиксировать демографические показатели? Челябинская область на современном этапе характеризуется рядом социально-демографических диспропорций, что, впрочем, соответствует среднестатистическим данным по России. Во-первых, в области отмечают относительно невысокие показатели рождаемости, а во-вторых, в регионе наблюдается относительно высокий уровень смертности, в том числе в трудоспособном возрасте, на фоне незначительной динамики продолжительности жизни населения. В-третьих, в области идет процесс старения населения – увеличение в нем удельного веса старших возрастов.

Численность населения Челябинской области сокращается, что наглядно демонстрируют данные таблицы 1.

Таблица 1.

Численность населения Челябинской области [5]

	1995	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
всего,											
тыс. человек	3690,9	3644,0	3621,4	3597,7	3573,5	3551,4	3531,3	3516,4	3511,0	3508,7	3508,4
в том числе:											
городское	3001,9	2972,9	2959,7	2943,8	2925,8	2910,0	2875,7	2864,0	2857,7	2854,4	2851,8
сельское	689,0	671,1	661,7	653,9	647,7	641,4	655,6	652,4	653,3	654,3	656,6

*Статья и исследование подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет Челябинской области» (проект № 11-03-00655а).

** Здесь и далее результаты опроса в Челябинской области по методике ЦИСИ ИФ РАН, июль-август 2011г., выборка – 1000 человек.

Проблема депопуляции в Челябинской области стоит менее остро по сравнению с Центральной Россией. Численность населения области сократилась за 1989–2009 гг. только на 2,5%, поскольку естественная убыль населения в 1990-е гг. почти полностью компенсировалась миграционным притоком. Но в 2000-х гг. приток мигрантов иссяк, и ежегодное сокращение численности населения области сблизилось со средними темпами по стране – 0,6–0,7% в год [5].

Демографические характеристики Челябинской области и в конце 1980-х гг., и в настоящее время почти полностью совпадают со средними показателями в целом по стране. Сходство проявляется не только в показателях рождаемости (13 на 1000 населения в последние годы) и смертности (14,3%), но и в возрастной структуре населения области [7, с. 82].

По продолжительности жизни Челябинская область занимает 36-е место в России. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Челябинской области в 2009 г. составила 68,26 лет (для сравнения: в 2000 году – 64,65 лет; в 2005 – 64,77 лет). Продолжительность жизни мужчин – 62,12 лет, женщин – 74,47 лет [5]. Динамика ожидаемой продолжительности жизни южноуральцев соответствует общероссийским тенденциям.

Рождаемость в области выше средних общероссийских показателей – по уровню рождаемости область устойчиво находится на 30-м месте в Российской Федерации. Рост общего коэффициента рождаемости наблюдается с 2002 года. Но небольшое увеличение рождаемости является недостаточным не только для расширенного, но и даже для простого воспроизводства населения. Меры по поддержке рождаемости, принимаемые в рамках нацпроекта «Здоровье», способствовали её росту в 2009 году до 13 новорожденных на 1000 населения [2].

Что думают южноуральцы по поводу возможных причин, сдерживающих рост рождаемости в регионе? По мнению большинства респондентов, главной причиной является экономический фактор: низкие доходы (65,3%), плохие жилищные условия (45,8%), что также связано с невысокими доходами, а также отсутствие материальной поддержки со стороны государства (35,3%).

Почти каждый пятый опрошенный полагает, что причина низкой рождаемости – установка супругов на «достаточность» одного

ребенка. Вопрос о том, существенная ли это трансформация семейных ценностей или временное явление, порожденное модой или экономическим прагматизмом, требует отдельного разговора. Но факт остается фактом: на протяжении последнего десятилетия ежегодное число смертей превышает численность родившихся. По уровню смертности область находится на 41-м месте. Основными причинами смертности населения области являются: болезни системы кровообращения, внешние причины смерти, а также новообразования. Уровень смертности обусловлен высокой заболеваемостью жителей области, которая на протяжении последних лет остается выше показателей соседних областей. Рост заболеваемости населения области происходит практически по всем классам болезней, что соответствует общероссийским тенденциям [7, с. 85].

К вопросу о заболеваниях. В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?». Около 40% респондентов оценивают состояние собственного здоровья как нормальное. Так чаще отвечают мужчины, жители области в возрасте от 18 до 50 лет, имеющие оконченное и неоконченное высшее образование. Такая самооценка в основном характерна для жителей малого города (с численностью населения до 50 тысяч жителей), среднего города (с численностью населения от 50 до 100 тысяч жителей) и большого города (с численностью населения более миллиона жителей).

Негативная оценка состояния собственного здоровья (а это в общей сложности почти 60% опрошенных), как правило, характерна для жителей средних городов: они чаще других отмечают позиции «часто болею», «имею хроническое заболевание» и «инвалид».

Положительная самооценка состояния здоровья в большей степени присуща мужчинам (в сравнении с женщинами они реже обращают внимание на плохое самочувствие), более молодым южноуральцам (в сравнении с представителями старшей возрастной группы они объективно меньше болеют) и респондентам с высшим и незаконченным высшим образованием (в сравнении с респондентами с более низким уровнем образования, что скорее всего коррелирует с возрастом: в старшей возрастной группе больше доля респондентов, не имеющих высшего образования). Не последнюю роль в уровне заболеваемости в области играет экологическая обстановка: не защищенными от ее неблагоприят-

ного воздействия считают себя 58,4% респондентов. Но о социальных опасностях по порядку.

Ответы южноуральцев на вопрос «*Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?*» позволили выявить проблемы-опасности (табл.2).

ноуральцев так или иначе пострадали от кризиса: потеряли в доходе, столкнулись с задержками выплат, вынуждены были взяться за дополнительную работу либо остались без работы.

Третья по значимости социально значимая опасность для населения области – незащищенность от произвола чиновников (58,6%).

Таблица 2.

Жители Челябинской области о своей защищенности от социальных опасностей (% от числа опрошенных)

Виды опасностей	Защищен + пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен + совсем не защищен
Преступность	12,5	23,6	63,9
Бедность	17,3	22,7	59,9
Экологическая угроза	14,3	27,3	58,4
Произвол чиновников	13,4	27,9	58,6
Произвол правоохранительных органов	19,1	29,9	51,0
Одиночество и заброшенность	37,8	25,1	37,1
Притеснения из-за пола или возраста	47,9	29,9	22,2
Преследования за политические убеждения	31,5	45,9	22,6
Ущемления из-за национальности	59,6	28,4	11,9
Притеснения за религиозные убеждения	57,6	31,1	11,4
Другие опасности	9,3	41,8	28,9

Наиболее серьезной проблемой-опасностью для населения области представляется преступность: 64% опрошенных ощущают свою незащищенность перед этой угрозой. И это при том, что область не является лидером по числу преступлений среди субъектов Российской Федерации. По статистике за 2009 год область находится на 27 месте среди субъектов РФ по числу зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения (показатель – 2440 зарегистрированных преступлений). Среди субъектов УрФО Челябинская область уступает «пальму первенства» Курганской (14 место), Свердловской (15 место) и Тюменской (16 место) областям [5].

На втором месте по остроте – проблема бедности: 60% респондентов на данный момент не ощущают себя защищенными от этой опасности. Так, 16% респондентов, характеризуя материальное положение свое и своей семьи, отмечают, что денег не хватает на повседневные затраты; у 20% на повседневные затраты уходит вся зарплата; покупка одежды затруднительна для 22%. У остальных 42% материальное положение лучше, в том числе 2% – практически ни в чем себе не отказывают.

Сказывается и влияние финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. Опрос показал: порядка 70% опрошенных юж-

Существенную опасность представляет и экологическая ситуация на Южном Урале, о чем мы уже упоминали. В области функционирует около 15 тыс. промышленных предприятий и организаций, негативно влияющих на окружающую среду [8]. К промышленному загрязнению окружающей среды в Челябинской области добавилось радиоактивное воздействие в 50-е–60-е годы, произошедшее в результате деятельности производственного объединения «Маяк». Вполне понятно, почему 58,4% южноуральцев считают себя незащищенными от экологической угрозы. К примеру, состояние воздуха и воды в области большинство опрошенных оценивают негативно (табл. 3).

Южноуральцы считают себя в целом защищенными от таких социальных опасностей, как ущемления из-за национальной принадлежности (59,7%) и притеснения за религиозные убеждения (57,6%). Челябинская область является многонациональным регионом, на ее территории проживают представители более чем 130 национальностей: русские, татары, башкиры, немцы, евреи, азербайджанцы и др. [3]. На территории области работают несколько национальных культурных центров: «Русский культурный центр», «Немецкий культурный

Таблица 3.

Жители области о состоянии воздуха и воды (в % от числа опрошенных)

<i>Состояние воздуха</i>		<i>Состояние воды</i>	
Обычно воздух достаточно чистый	30,6	Вода достаточно чистая	34,8
Воздух часто бывает загрязнен	43,9	Вода загрязнена	50,8
Обычно воздух сильно загрязнен, страдают больные люди	20,4	Вода сильно загрязнена	7,4
Затрудняюсь ответить	4,6	Затрудняюсь ответить	6,3
Отказ от ответа	0,4	Отказ от ответа	0,7

центр», «Еврейский общинный дом», «Конгресс татар Челябинской области», «Курултай башкир Челябинской области», Азербайджанский культурный центр «Озан» и др. Ведется работа как по укреплению межнациональных отношений, так и по сохранению культурного наследия различных народов.

Более половины опрошенных южноуральцев – 54% – полностью или частично удовлетворены своей жизнью. Почти треть (31,4%) придерживается противоположной точки зрения. Среди горожан доля тех, кто удовлетворен своей жизнью, на 10% меньше, чем среди жителей сельской местности (соответственно – 44,7% и 55,4%). Городская среда, с одной стороны, дает больше возможностей, чем сельская, удовлетворить потребности человека в создании комфортных условий жизни, в самореализации, в проведении досуга и т.д. С другой стороны, по мере удовлетворения одних потребностей возникают новые, для реализации которых не сразу появляются объективные и субъективные условия. В этом смысле в городе разрыв между потребностью и воз-

можностью ее удовлетворить ощущается более остро, чем в не богатой возможностями сельской местности.

По сравнению с прошлым годом, каждый третий респондент – житель области (32,2%) отметил, что стал жить лучше, почти каждый пятый (22,1%) отметил ухудшения. Надежду на улучшения в жизни в следующем году высказали в общей сложности 28,7% опрошенных южноуральцев. В 3 раза меньше (9,5%) доля тех, кто ожидает ухудшений от предстоящего года.

Уровень оптимизма населения измерялся и ответами на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» (см.табл.6). Среди южноуральцев в 2011 году доля оптимистов (вполне уверены в будущем + скорее уверены, чем нет) на 12% меньше, чем в среднем по России в 2010 году. А количество пессимистов (скорее не уверены в будущем, чем уверены + совершенно не уверены) совпадает с общероссийским значением (табл. 4).

Некоторая разница в уровне оптимизма наблюдается между жителями городов и сел Челябинской области. Среди опрошенных

Таблица 4

Уверенность южноуральцев в своем будущем (в % от числа опрошенных)

	Челябинская область, 2011			РФ, 2010 [6]
	в целом	города	села	
Вполне уверен	13,1	14,4	6,3	50,0
Скорее уверен, чем нет	24,9	24,5	27,0	
Не могу сказать точно	32,6	32,8	31,4	21,0
Скорее не уверен, чем уверен	19,5	18,5	24,5	28,0
Совершенно не уверен	8,5	8,5	8,8	
Отказ от ответа	1,4	1,3	1,9	1,0

горожан выше процент уверенных в будущем, чем среди селян (в целом на 6%), что опять же, на наш взгляд, связано с большими возможностями, которые предоставляет город.

Социальное самочувствие жителей региона отражается и в степени самостоятельности индивида в решении вопросов улучшения собственной жизни: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от...?» (табл. 5).

Таблица 5.

Коэффициент зависимости южноуральцев от различных групп людей в вопросах улучшения своей жизни*

Независимость/зависимость от:	Кзав. (5 – полная независимость, 1 – полная зависимость)
Вас самих	1,64
Блиzkих родственников	2,76
Общероссийской власти	2,79
Районной, городской властей	2,89
Областной власти	2,93
Начальника по работе	3,06
Друзей, земляков	3,33

Решение южноуральцами жизненно важных вопросов, по самооценкам, в большей степени зависит от них самих. На втором месте – значимость влияния на жизнь, с одной стороны, ближайшего окружения – семьи, родственников, с другой – власти всех уровней. В меньшей степени улучшение жизни жителей области зависит от начальства и друзей, земляков.

Таким образом, в целом среднестатистический южноуралец берет на себя ответственность за собственную жизнь, проявляя гражданскую самостоятельность, но при этом демонстрирует и определенное «иждивенчество», считая, что улучшение его жизни, пожалуй, зависит и от государства.

Дополнить и разнообразить эти выводы позволяет выявление особенностей трудовой мотивации южноуральцев, которая представляется значимым фактором личного и общественного благосостояния. Трудовая мотива-

ция, по мнению ряда исследователей, – это, прежде всего, совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают её границы и формы, придают ей направленность, ориентированную на достижение определённых целей [1, с. 146]. Трудовая мотивация граждан во многом является рефлексивным показателем их отношения к происходящим в стране и регионе политическим, экономическим, социальным и другим изменениям, адаптированности к ним и в этом смысле отражает социальное самочувствие населения.

Жителям области был задан закрытый вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?». Ответы на него позволяют зафиксировать ведущие мотивы трудовой деятельности южноуральцев (самостоятельность, стабильность, высокий доход, стремление рисковать, свободное время, легкая работа и т.д.) и понять степень их рыночной ориентированности.

Из пяти суждений (исключаем вариант «не знаю») три характеризуют традиционные, рыночные мотивы трудовой деятельности («иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне», «иметь пусть небольшой, но твердый заработок», «иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу»), другие два – ориентации на трудовую деятельность в условиях рынка («много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск»).

Данные нашего исследования показали, что в Челябинской области только 13,8% от числа опрошенных готовы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. Для этих людей важна самостоятельность в организации своей трудовой деятельности. Их относительная немногочисленность обычно объясняется наличием административных барьеров на пути развития бизнеса, значительными экономическими и институциональными рисками ведения малого бизнеса.

В прожективной ситуации, которая моделирует выбор между высоким заработком и гарантиями стабильности, на первый план выходит уверенность в завтрашнем дне: 40,6% опрошенных предпочли пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне. К небольшому, но твердому заработку без уверенности в завтрашнем дне готовы только 5%.

* Коэффициент зависимости оценивается как средневзвешенное значение по следующей шкале: 1 – полностью зависит, 2 – пожалуй, зависит, 3 – не знаю, трудно сказать, 4 – пожалуй, не зависит, 5 – совсем не зависит.

Ориентация же на высокий заработок, пусть даже без особых гарантий на будущее характерна лишь для 21,2% жителей региона. Небольшой заработок, больше свободного времени и более легкую работу ищут 3,7% опрошенных.

В Челябинской области доля респондентов с нерыночными мотивами трудовой деятельности составляет 49,4% против доли респондентов с ориентацией на труд в условиях рынка – 34%. Характерно, что подавляющее большинство среди респондентов, ориентирующихся на рыночные ценности, проживают в крупных населенных пунктах региона. Желание стабильности и небольшого заработка чаще демонстрируют жители малых и средних городов области.

Нерыночная трудовая мотивация, безусловно, препятствует активному развитию рыночной экономики и росту производительности труда. Поскольку приоритет рыночных отношений уже сложился в стране и регионе, превалирование носителей традиционной нерыночной мотивации труда является источником социально-экономической напряженности в регионе: требования модернизации экономических отношений наталкиваются на ценность стабильности.

Однако потенциал дальнейшего развития рыночных отношений в Челябинской области стоит оценить как вполне реальный, поскольку на рыночные трудовые ценности ориентируется более трети респондентов. Одной из основных макроэкономических причин изменений в мотивации трудовой деятельности является трансформация отношений собственности (прежде всего, появление частной собственности), которые обуславливают формирования качественно нового состояния мотивации труда, ее основы, структуры, содержания, под воздействием чего формируется и сам тип личности с определенной структурой трудовых ценностей.

На основе типовой методики ЦИСИ РАН с опорой на ряд обозначенных выше

показателей был рассчитан интегральный индекс социального самочувствия населения Челябинской области [4, с. 792–793]. Отдельные коэффициенты, характеризующие социальное самочувствие населения Челябинской области, и интегральный индекс социального самочувствия превышают пороговое значение в 0,51 балла (табл. 6).

Таблица 6.

Индекс социального самочувствия населения Челябинской области

Компоненты самочувствия, его индекс	Челябинская область, 2011	РФ, 2010 [6]
Защищенность от опасностей (Кз)	0,57	0,59
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,66	0,68
Оптимизм (Ко)	0,64	0,63
Индекс социального самочувствия (Исс)	0,62	0,63

Полученный индекс социального самочувствия населения Челябинской области – 0,62 – и другие представленные данные говорят о том, что региональное общество обладает определённым запасом социальной устойчивости, и его социальное самочувствие представляется в целом удовлетворительным на общероссийском фоне. С одной стороны, можно отметить в социальном самочувствии региона общие для страны тенденции (динамика демографических показателей), с другой стороны, субъективные оценки южноуральцев, настроения, ориентации отражают специфическое восприятие меняющихся условий жизнедеятельности области.

1. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник. – М.: Высш. шк., 2006. 670 с.

2. Доклад Губернатора Челябинской области П.И.Сумина на заседании Законодательного Собрания «Об итогах социально-экономического развития Челябинской области в 2009 году и задачах на 2010 год» (26.02.2009)

3. Национальный состав населения Челябинской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 года // Интернет-ресурс: <http://chelstat.gks.ru/System/vpn-2002.htm>

4. Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Под общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. – М.: Academia, 2009.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 2. 2010: Стат.сб./Росстат. – М., 2010 // Интернет-ресурс: www.gks.ru

6. Результаты шестой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН в 2010 году // Интернет-ресурс: www.intelros.ru

7. Статистический ежегодник по Челябинской области, 2010. Раздел «Население».

8. Справочник промышленных предприятий Челябинской области // Интернет-ресурс: <http://www.promfirm74.ru>

ГОТОВЫ ЛИ К «ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ» «ЭЛЕКТРОННЫЕ ГРАЖДАНЕ»?

УДК 363.637

Е.Г. ДЬЯКОВА

В рейтинге готовности к «электронному правительству», подготовленному ООН в 2010 году, Россия занимает 59 место – см. таблицу 1 (подготовлена на основе [13] и [14]).

В то время как позиции в рейтинге по сравнению с 2008 г. сильно поменялись: страны Скандинавии уступили лидерство Южной Корее, США и Канаде, Россия поднялась в рейтинге только на один пункт.

ми являются статистические данные, на основе которых рассчитываются телекоммуникационный индекс и индекс развития человеческого капитала. Не следует также забывать, что рейтинг 2010 г. реально отражает ситуацию 2009 г., когда проводилась экспертиза. Однако в целом индекс ООН указывает на основные проблемы российского информационного общества. Главной причиной, по

Таблица 1.

**Рейтинг развития/готовности к «электронному правительству»
(версия ООН, 2008 – 2010 гг.)**

Страна	2008 г.		2010 г.	
	место в рейтинге	баллы	место в рейтинге	баллы
Швеция	1	0,9157	12	0,7476
Дания	2	0,9134	7	0,7872
Норвегия	3	0,8921	6	0,8020
Соединенные Штаты Америки	4	0,8644	2	0,8510
Нидерланды	5	0,8631	5	0,8097
Южная Корея	6	0,8317	1	0,8785
Канада	7	0,8172	3	0,8448
Австралия	8	0,8108	8	0,7863
Франция	9	0,8038	10	0,7510
Великобритания	10	0,7872	4	0,8147
Эстония	13	0,7626	20	0,6965
Испания	20	0,7228	9	0,7516
Литва	28	0,6617	28	0,6259
Украина	41	0,5728	54	0,5181
Белоруссия	56	0,5213	64	0,4900
Российская Федерация	60	0,5120	59	0,5136

Безусловно, формирование рейтингов ООН является сложным бюрократизированным процессом, где итоговый результат представляет собой десятичную дробь с четырьмя цифрами после запятой (подробнее о принципах расчета рейтинга см. [2]). Надежность получившихся результатов определяется как добросовестностью международной команды экспертов, так и тем, насколько достоверны

которой рейтинг готовности России к «электронному правительству» остается невысоким, несмотря на значительные усилия по развитию нормативно-правовой базы и развитию инфраструктуры, является уровень развития электронных услуг (web-measure index).

Согласно классификации ООН существуют пять стадий оказания государственных услуг в электронном виде [13].

Стадия 1. Возникновение «электронного правительства» – появление электронных страниц или официальных сайтов органов власти с минимальным набором официальной информации.

Стадия 2. «Повышенная» – создание архивов, появление ленты новостей, размещение образцов официальных документов.

Стадия 3. «Интерактивная» – оказание государственных услуг неполного цикла (напр., отправка налоговых деклараций или заявлений на выдачу документов в электронном виде).

Стадия 4. «Транзакционная» – переход к оказанию государственных услуг полного цикла в режиме «24 часа в сутки 7 дней в неделю».

Стадия 5. «Сетевое государство» – взаимодействие по типу «много ведомств – одно государство», основанное на интеграции административных структур.

Большинство развитых стран находятся на стадии перехода от третьей стадии к четвертой, а ряд (в первую очередь скандинавские страны) перешли на четвертую стадию и вступили в пятую. Наша страна долгое время находилась на первой стадии, и только в последние несколько лет, благодаря политической воле первых руководителей страны в этой области, были достигнуты значительные сдвиги.

В ноябре 2008 года был создан Совет при Президенте РФ по развитию информационного общества, чьи регулярные заседания сделали переход к «электронному правительству» одним из важнейших пунктов политической повестки. В ноябре 2009 г. был утвержден «План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде», в который включены 73 базовые государственные услуги, которые к 2015 году планируется перевести в электронный вид [17]. Завершена работа над долгосрочной целевой федеральной программой «Информационное общество 2011 – 2018», которая сменила федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» в качестве основного механизма финансирования процессов перехода к «электронному правительству». Вносятся изменения в законодательство, направленные на приведение его в соответствие с требованиями «электронного правительства». Были приняты два важнейших федеральных закона – федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации

о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», которыми регулируются предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Однако это не означает, что необходимая для функционирования «электронного правительства» законодательная база окончательно сформирована. Например, в отечественном законодательстве до сих пор отсутствует базовое понятие «электронный документ». Работа по формированию «электронного правительства», безусловно, движется вперед. В ближайшее время должен разрешиться вопрос о приведении в рабочее состояние закона «Об электронной цифровой подписи» (на это особо обратил внимание премьер-министр Правительства РФ В.В. Путин, выступая на заседании президиума совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, которое прошло в Оренбурге 28 января 2011 г. – [9]), а 28 февраля 2011 г. На заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России Президент России Д.А. Медведев поручил резко активизировать работу по внедрению универсальной электронной карты (УЭК) гражданина РФ, заявив, что она «станет вторым по важности идентификационным документом в стране» [6].

Параллельно с формированием нормативно-правовой базы ведется работа по созданию структур «электронного правительства». С декабря 2009 г. действует портал государственных услуг www.gosuslugi.ru, позволяющий через «Личный кабинет» получать государственные услуги неполного цикла. Порталы государственных услуг формируются и на региональном уровне, хотя в основном они оказывают услуги на уровне первой и второй стадии перехода к «электронному правительству». Переход к третьей стадии пока только начинается. Так, единый портал государственных и муниципальных услуг Свердловской области первым на территории Уральского федерального округа приступил к предоставлению таких услуг неполного цикла, как запись на прием к врачу, прием заявлений, постановка на учет и зачисление детей в детские сады, предоставление компенсаций расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг.

Таким образом, в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде наметился опре-

деленный прогресс. Однако, как показывает мировой опыт, недостаточно обеспечить предложение электронных услуг: нужно, чтобы был сформирован соответствующий спрос со стороны граждан. Как показывает мировой опыт, подход «дайте им и они возьмут» в сфере «электронного правительства» не работает. Поэтому необходимо четкое понимание того, какие сегменты населения уже сейчас готовы к использованию электронных услуг, а какие рассматривают «электронное правительство» как не имеющую отношения к ним перспективу. Мы проанализируем ответ на этот вопрос на основе материалов комплексного социологического исследования, проведенного под руководством Е.Г. Дьяковой и А.Д. Трахтенберг, в Уральском федеральном округе в июне 2010 г.* (более подробно результаты первого этапа исследования представлены в [3]).

В ходе исследования были зафиксированы три основные группы пользователей, различающихся по их отношению к «электронному правительству»:

1. «Активные сторонники»: в эту группу вошли респонденты, заявившие, что они уже сейчас готовы взаимодействовать с органами власти только в электронном виде.

2. «Последователи»: респонденты, которые сообщили, что готовы взаимодействовать с органами власти как в электронном виде, так и лично – в зависимости от конкретной ситуации.

3. «Противники» – респонденты, которые указали, что предпочитают взаимодействовать с органами власти только лично.

Распределение пользователей по основным группам представлено в таблице 2:

Таблица 2.

Распределение пользователей по отношению к «электронному правительству» (Уральский федеральный округ, июнь 2010 г.)

Основные группы:	% от числа опрошенных
активные сторонники	16,5
последователи	30,3
противники	48,2
не определившиеся респонденты	5,0

Как видим, пока активные сторонники перехода к «электронному правительству» составляют явное меньшинство.

Чем моложе респонденты, тем выше у них уровень образования и дохода, тем выше вероятность, что они хотели бы получать государственные услуги в электронном виде. Отметим также, что мужчины являлись большими сторонниками использования Интернета для взаимодействия с органами власти, чем женщины.

Особый интерес представляет распределение сторонников и противников перехода к «электронному правительству» по социальным группам – см. таблицу 3.

Как видно из таблицы 3, наибольшая готовность к переходу на получение государственных услуг в электронном виде характерна для руководителей. В данной группе доля активных сторонников составила около трети от общего числа опрошенных, еще две пятых – последователи, в то время как противники находятся в подавляющем меньшинстве. Достаточно высокий уровень готовности был также зафиксирован в группах специалистов, занятых умственным трудом (пятая часть активных сторонников и две пятых последователей). К этим двум группам примыкают студенты: в данном сегменте пользователей доля активных сторонников и последователей также превышает долю противников «электронного правительства».

Наоборот, в группе пенсионеров явно доминируют противники перехода к оказанию государственных услуг в электронном виде: их доля составляет около четверти от общего числа опрошенных, в то время как активных сторонников в данной группе оказалось чуть более 5%. Еще одна группа, где активных противников явно больше, чем активных сторонников и последователей – это группа лиц, занятых физическим трудом. Свыше половины опрошенных в данной группе заявили, что предпочитают обращаться в органы власти лично, не используя никаких технологических изобретений.

Особую тревогу вызывает низкий уровень готовности к «электронному правительству» служащих, выполняющих канцелярскую работу, так как именно им предстоит в ближайшем будущем стать «электронными чиновниками»: в этой

* Опрос состоялся в шести субъектах Федерации, входящих в состав УФО: Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областях, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Ямало-Ненецком автономном округе. Объем выборки – 1 500 человек. Территориальная многоступенчатая выборка была реализована методом стандартизованного телефонного интервью.

Таблица 3.

Распределение сторонников и противников перехода к «электронному правительству» по социальным группам

Основные группы	Социальное положение						
	руководители	специалисты	служащие	работчие	пенсионеры	студенты	безработные
активные сторонники	34,7	22,6	17,9	14,3	5,8	16,3	14,1
последователи	45,3	42,7	31,3	25,7	7,5	40,7	30,8
противники	18,9	32,6	46,8	54,3	78,8	38,2	46,2
не определившиеся респонденты	1,1	2,1	4,0	5,7	7,9	4,9	8,9

группе являются активными сторонниками «электронного правительства» менее пятой части опрошенных, а противниками – почти половина (46,8%).

Таким образом, высокий уровень готовности к «электронному правительству» продемонстрировали наиболее социально адаптированные и успешные члены общества – мужчины с высшим образованием и высокими доходами, занимающие руководящие должности или являющиеся работниками умственного труда. Самый низкий уровень готовности характерен для представителей социально незащищенных слоев населения: пожилых, малообразованных пенсионеров с низкими доходами.

Такая ситуация типична для так называемого «цифрового раскола» – деления общества на «информационно богатых» и «информационно бедных» и формирующегося «информационного неравенства». При переходе к «электронному правительству» наблюдается тенденция, неоднократно описанная при изучении освоения любых технологических нововведений: они распространяются в обществе «сверху вниз», от представителей элиты (образованных и обеспеченных слоев общества) ко всем остальным (применительно к ИКТ данный феномен еще в 2000 году был подробно описан Пиппой Норрис [12]). Однако это не означает, что формирующийся спрос на электронные услуги не нуждается в направленной коррекции со стороны того, кто эти услуги предлагает, т.е. со стороны государства.

Представители социально незащищенных слоев населения объективно нуждаются в государственных услугах не меньше, чем представители элитных групп. Чтобы

изменить ситуацию, необходима целенаправленная работа по вовлечению в сферу «электронного правительства» пенсионеров, лиц, занятых физическим трудом и т.п. Данный вывод подтверждает положение, высказанное Президентом РФ Д.А. Медведевым в ходе заседания Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. Президент России особо подчеркнул, что необходимо работать со страхами и неуверенностью граждан, вовлекая их в сферу «электронного правительства» [3].

Определенная работа в этом направлении в Уральском федеральном округе уже ведется. Так, с 2006 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре реализуется проект «Электронный гражданин», направленный на обучение социально незащищенных слоев населения основам компьютерной грамотности по стандарту Европейского Союза². В Тюменской области с начала 2010 г. работает социальная программа губернатора по повышению компьютерной грамотности «Расширяя горизонты», главной целью которой является успешное функционирование программы «Электронное правительство». Подготовка аналогичных программ ведется в других субъектах Федерации, входящих в состав УФО.

Однако очевидно, что одних региональных инициатив недостаточно: необходима общедоменная программа подготовки граждан к переходу к «электронному правительству». Такая программа должна быть ориентирована не только на ликвидацию компьютерной неграмотности, но и на активное разъяснение преимуществ «электронного правительства», а также

² Данный проект реализуется также в Нижегородской области и Республике Мордовия.

постоянную экспертизу применяемых решений с учетом потребностей граждан. Как показывает мировой опыт, по-настоящему эффективной такая программа становится только в случае объединения усилий государства, бизнеса и институтов гражданского общества. Отсутствие такого объединения чревато хроническим расхождением государственного предложения и общественного спроса (ср. [10]). В мире можно

найти множество примеров дорогостоящих проектов в сфере электронных государственных услуг, которые не сработали, потому что не соответствовали существующему уровню компьютерной грамотности, уровню административной компетентности и стратегиям граждан при взаимодействии с органами власти. Хотелось бы надеяться, что российское «электронное правительство» не войдет в их число.

1. Дьякова, Е.Г. Основные модели перехода к «электронному правительству»: анализ мирового опыта [Текст] / Е.Г. Дьякова // Труды XIII Всероссийской конференции «Интернет и современное общество», Санкт-Петербург, 19–22 октября 2010 г. – СПб, 2010. С. 184–191.

2. Дьякова, Е.Г. «Электронное правительство» и граждане: результаты комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе [Текст] / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. – Екатеринбург, 2010.

3. Медведев, Д.А. Выступление на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. Москва, Кремль, 28 февраля 2011 г. [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/10453>. Проверено 05.03.2011 (дата обращения: 11.03.2011 г.).

4. Путин, В.В. Вступительное слово на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления по вопросу «О мерах по повышению качества предоставления государственных и муниципальных услуг населению». Оренбург, 28 января 2011 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – Режим доступа: <http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=35616> (дата обращения: 05.03.2011 г.).

5. Трахтенберг, А.Д. Переход к «электронному правительству»: государственное предложение и общественный запрос (по материалам социологических исследований) [Текст] / А.Д. Трахтенберг // Труды XIII Всероссийской конференции «Интернет и современное общество», Санкт-Петербург, 19–22 октября 2010 г. – СПб, 2010. С. 238–242.

6. Norris P. A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies [Text] / P. Norris. – Cambridge, 2000.

7. United Nations E-Government Survey 2008: from E-Government to Connected Governance. UN Department of Economic and Social Affairs. 2008. 172 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan028607.pdf>. (дата обращения: 15.07.2010 г.).

8. United Nations E-Government Survey 2010: Leveraging E-Government at a Time of Financial and Economic Crisis. UN Department of Economic and Social Affairs. 2010. 126 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan038851.pdf>. (дата обращения 15.07.2010 г.).

9. Концепция формирования в Российской Федерации «электронного правительства» до 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/egovconc.pdf> (дата обращения 15.07.2010 г.).

10. План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде. Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 1555-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.fso.gov.ru/cms/per_uopi/per_uopi/acts/1002_0.html. (дата обращения: 15.11.2009 г.).

11. Постановление Правительства РФ № 98 от 12 февраля 2003 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительных органов государственной власти» (в ред. Постановления Правительства РФ от 26 декабря 2008 №884) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_law/detail.php?ID=39270&SECTION_ID=685 (дата обращения: 15.07.2010 г.).

12. Приказ Министерства юстиции РФ № 470 от 16 ноября 2009 г. «О требованиях к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/01/27/saity-dok.html> (дата обращения: 15.07.2010 г.).

13. Стратегия развития информационного общества в России. Утверждена распоряжением Президента РФ № Пр-212 от 07 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 15.07.2010 г.).

ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ КАК ПРЕДМЕТ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 316.344.42

В.Г. ПОПОВ, С.Ф. ИДРИСОВА

Рассмотрение значимости элитных групп как важнейших субъектов социально-политической деятельности в условиях общественных преобразований в современных российских регионах представляется проблемой, имеющей существенный теоретический и практический смысл. В рамках отечественной социологии элит к этой проблеме в последнее десятилетие формируется устойчивый интерес. От ее решения зависит во многом четкое понимание и выбор адекватной стратегии регионального развития России, поиск реальных источников и ресурсов этого развития.

Цель нашей статьи – выявить основные особенности восприятия населением элитных групп на региональном уровне (на примере Республики Удмуртия), что позволяет выявить их социально-политический потенциал и направления развития в условиях общественной трансформации в современной России. Для этого важно охарактеризовать понимание специфики элиты и на этой основе раскрыть степень значимости ее основных групп для населения, в сравнении с экспертными оценками. Принципиальная научная новизна материалов, представленных в статье, связана в первую очередь с предпринятой попыткой на основе сложившихся в социологии элит теоретических позиций эмпирическим путем выявить особенности позиционирования и идентификации элитных групп в российском обществе на региональном уровне.

Понятие «элита», вошедшее в круг устойчивых социологических терминов в Европе в конце XIX – начале XX вв., после появления работ В.Парето; в США – в 1930-х гг., всегда занимало существенное место в социологических, политологических и правовых теориях и концепциях. М.А. Фролова отмечает, что при всей нынешней всеупотребительности термина «элита» и интуитивной постигаемости его семантики стремление дать ему приемлемое толкование обычно сопровождается выработкой множества позиций, нередко существенно

расходящихся даже в рамках общих посылок анализа [5, с. 51–52]. Одной из главных причин этих затруднений является то, что большинство научных подходов к определению понятия «элита» выходят за пределы традиционных схем социальной стратификации или функциональной структуризации, подчеркивают его реляционную, соотносительную природу.

В современных словарях, как правило, указывается на французское происхождение данного понятия: *élite* (франц.) – лучшее (отборное) [см., например: 3; 4 и др.]. Однако следует учесть изначальное влияние на современный французский язык фразеологии и семантики латинского языка. Поэтому целесообразно подчеркнуть, что анализируемое понятие имеет прямое отношение к латинскому термину «*eligere*» – выбирать и латинского слова «*Eligo*», что обозначает лучшее, отборное [2].

Глубокое научное содержание понятия «элита» придается в современных энциклопедических изданиях. Так, в Большом энциклопедическом словаре под элитой понимается высший слой (или слои) социальной структуры, осуществляющий в обществе важнейшие культурные функции. Различают как по признакам выделения элиты – политической (В. Парето, Р. Михельс), технологической (Дж. Бернхем), социально-психологической (Х. Ортега-и-Гасет, И. Шумпетер), так и по направленности – от антидемократических до либеральных. В современной социологии выдвинуты концепции множества элит (политической, экономической, административной, военной, религиозной, научной, культурной), уравнивающих друг друга и предотвращающих установление тоталитаризма (К. Манхейм). Важнейшими являются проблемы формирования, отбора, смены и вознаграждения элиты [1].

Аналогичный смысл понятию «элита» придается в Современной энциклопедии. Под элитой здесь понимается высший слой (или слои) социальной структуры об-

щества, осуществляющий функции управления, развития науки и культуры. Элитарность как социальное качество выделяет по различным основаниям – политическим, экономическим, интеллектуальным и др. В современной социологии выдвинуты концепции множества элит (политической, экономической, административной, военной, религиозной, научной, культурной), уравнивающих друг друга и предотвращающих установление тоталитаризма [3].

Видообразование элит в зависимости от территориально-региональной дифференциации предполагает выделение понятия «региональная элита». Под региональными элитами в современной России следует понимать совокупность элитарных групп, сформировавшихся в рамках исторически данного и существующего в настоящий момент регионального социума, свойственного конкретному субъекту Российской Федерации. Региональная элита, изучаемая в рамках нашего исследования на примере Республики Удмуртия, является достаточно типичной для большинства относительно устойчивых провинциальных форм урало-поволжских региональных элит. Она возникает как результат, с одной стороны, современного процесса глубокой общественной трансформации существовавших в данном регионе с советских времен высших социальных страт, а также социальных групп и классов, зародившихся и развившихся в классы и слои в ходе передела собственности и сфер властных отношений. Высшие социальные слои в рамках региональной элиты мы рассматриваем в качестве ее важнейших элементов – элитных групп.

Исходя из вариативности и традиционности понимания и восприятия элитных групп, выделим наиболее существенные их характеристики, которые могут служить интегративными эмпирическими индикаторами (критериями) выделения из массы:

- аристократическая манера поведения;
- высокая культура, духовность, интеллигентность;
- высокая честность, порядочность, уважение к простым людям;
- здоровье, долголетие;
- лидерские качества, умение влиять на массу;
- наиболее высокий уровень доходов, богатство;

- престижное образование;
- реальная власть над людьми;
- родственные связи, элитарное происхождение;
- связи с влиятельными людьми, органами власти;
- связи с теневыми, криминальными структурами;
- физическая развитость, сила, спортивность.

Представленные характеристики наиболее часто отмечаются в эмпирических исследованиях элит, в том числе и российских. Такой подход поиска особенностей идентификации элиты населением методически правомерен и предполагает проведение исследования в несколько этапов. Прежде всего, пилотажное массовое и экспертное неформализованное исследование, что позволяет выявить самые распространенные признаки элитарности. В дальнейшем эти признаки (характеристики) как «матрица» накладываются на содержание восприятия реципиентами региональной элиты и ее наиболее значимых групп.

В нашей статье представлены данные социологического исследования проведенного авторами в Удмуртской республике в 2010 г. Исследование носило комплексный характер и охватило по квотной выборке 1100 респондентов из числа основных групп населения и 150 экспертов из числа руководителей и ведущих специалистов органов государственной власти и местного самоуправления, которые постоянно общаются с различными группами региональной элиты и населением, способны в наиболее полном виде оценить особенности идентификации и позиционирования элитарных общностей. Выбор данной экспертной группы в нашем исследовании позволяет особо оттенить наиболее значимые для системы властных отношений особенности восприятия массовым сознанием специфики региональной элиты.

Рассмотрим в первую очередь, каким образом население воспринимает признаки элитарности применительно к региональным элитам (см. таблицу 1).

Из таблицы 1 видно, что представление о реальных российских элитах в сознании населения в трех главных компонентах – «связи с влиятельными людьми, органами власти», «наиболее высокий уровень доходов, богатство», «родственные связи, элитарное происхождение».

Таблица 1.

Отличия представителей «элиты» от обычных людей и их совпадение в оценке современных российских элит (в %% от числа ответов)*

	Свойственны современным российским элитам	Ранг	Отличия элиты	Ранг
Нет ответа	5,37		0,66	
Связи с влиятельными людьми, органами власти	44,23	1	42,64	1
Наиболее высокий уровень доходов, богатство	43,44	2	42,55	2
Родственные связи, элитарное происхождение	28,73	3	41,50	3
Связи с теневыми, криминальными структурами	27,24	4	19,47	10
Реальная власть над людьми	25,05	5	27,07	8
Престижное образование в лучших вузах	24,75	6	40,55	4
Лидерские качества, умение влиять на массу	18,69	7	30,86	7
Аристократическая манера поведения, внешний вид	14,31	8	37,04	6
Высокая культура, духовность, интеллигентность	13,22	9	37,51	5
Высокая честность, порядочность, уважение к простым людям	9,64	10	26,02	9
Здоровье, долголетие	5,96	11	9,31	11
Физическая развитость, сила, спортивность	3,98	12	6,55	12
Затрудняюсь ответить	2,09		1,90	
Итого:	261,33		362,96	

В отношении связей с криминальными структурами мнения респондентов разделились. В варианте идеальных качеств представителей элит эти связи в ранговом ряду только на десятом месте, среди реальных качеств – на четвертом.

Подобного рода разночтения свойственны оценкам места престижного образования, духовной культуры, интеллигентности в рейтинге важнейших отличий элит от массы обычных людей. Эти качества в реальности не столь значимы для населения, в сравнении с идеалом элиты.

Практически не имеют существенного влияния на реальное представление об элитах такие их свойства, как аристократическое происхождение, высокая честность, порядочность, уважение к простым людям, здоровье, долголетие, физическая развитость, сила, спортивность.

Взгляды населения о качествах элит существенно отличаются от понимания сущности элит самими представителями элитарных групп. Высокая культура, духовность, интеллигентность, высокая честность, порядочность, уважение к простым людям, аристократическая манера поведе-

* **Примечание:** сумма ответов в столбцах больше 100 %, поскольку варианты ответов не альтернативны.

ния, престижное образование и лидерские качества – вот главное, что отличает, по мнению представителей элитных групп, эти группы от человеческой массы. Связи с теневыми, криминальными структурами для тех, кто отнес себя к представителям элитных групп, не воспринимаются в качестве существенных идеальных свойств данных групп. Обращает внимание, что современным российским элитам, с точки зрения их представителей, признак высокого уровня доходов и богатства не имеет сегодня большого значения. Тем не менее, в реальности этот признак оказывается весьма существенным, поскольку для реальных элит он является необходимым средством обретения других ключевых характеристик, включая престижное образование, аристократизм, возможность влиять на массы.

Выводы, вытекающие из таблицы 1, позволяют предположить, что к элитам в современной России должны быть отнесены социальные группы, включенные в первую очередь в систему властных отношений и бизнеса. Это в полной мере подтверждают данные, помещенные в таблице 2, в которой выделены эмпирически представленные в массовом сознании оценки значимости в современном российском обществе политической, экономической, административной, военной, религиозной, научной, культурной и иных групп региональной элиты.

В отличие от рядовых граждан лица, относящие себя к представителям элитных групп, помимо бизнес-элиты, к такого рода группам отнесли культурную элиту – наиболее выдающихся представителей интеллигенции, академической науки, образования, здравоохранения, искусства, культуры и др. Среди наиболее важных элитных групп выделяются лидеры партийно-политических групп, депутатского корпуса, представители административной элиты, крупное чиновничество. Практически не воспринимаются в качестве элитных групп общественные деятели, лидеры общественных формирований, профсоюзных, религиозные иерархи и др. Их невысокий авторитет может рассматриваться в качестве и причины и, одновременно, следствия неразвитости институтов гражданского общества.

Какие качества элит свойственны, по мнению населения, реальным российским элитам? Полученные данные позволяют выявить следующую картину

● «Олигархи» – с точки зрения обыденного понимания большинства населения, небольшая группа в обществе сверхбогатых людей, достигших своего элитарного положения в результате российских экономических реформ 90-х гг. XX века, в первую очередь приватизации государственной собственности, связаны с теневыми, криминальными структурами, с влиятельными

Таблица 2.

Рейтинг элитных групп в регионе в оценках населения (в% от числа ответов)*

1. «Олигархи»	60,29
2. Бизнес-элита	44,69
3. Депутаты	44,5
4. Крупные чиновники	35,6
5. Выдающиеся ученые, врачи, деятели искусства и др.	20,19
6. Партийные лидеры	19,9
7. Директора	19,04
8. Прокуроры, судьи	18,85
9. Криминальные авторитеты	15,89
10. Генералы, маршалы, старшие офицеры	13,97
11. Известные спортсмены	13,49
12. Религиозные деятели	8,71
13. Общественные деятели	8,13
14. Профсоюзные лидеры	1,91
15. Известные представители «шоу-бизнеса»	1,05
Затрудняюсь ответить	2,97

* **Примечание:** сумма ответов в столбцах больше 100 %, поскольку варианты ответов не альтернативны.

людьми, органами власти, обладают реальной властью над людьми, имеют родственные связи и элитарное происхождение.

- Бизнес-элита – в меньшей степени, чем «олигархи», по мнению населения, однако также связана с теневыми, криминальными структурами, обладает возможностями получить престижное образование в лучших вузах, стремление приобрести аристократическую манеру поведения, имеет реальную власть над людьми, обладает лидерскими качествами, умением влиять на массу.

- Директорский корпус – это в первую очередь высоко профессионально подготовленные, образованные люди, обладают аристократической манерой поведения. В то же время, они, так или иначе, с точки зрения рядовых граждан, не могут быть не связаны с теневыми, криминальными структурами, опираются на родственные связи, свое элитарное происхождение.

- Крупные чиновники как элитная группа опираются, по мнению населения, на теневые, криминальные структуры, обладают реальной властью над людьми, высокими доходами, связаны с влиятельными людьми, органами власти, имеют родственные связи, элитарное происхождение.

- Депутаты также связаны с теневыми, криминальными структурами, обладают реальной властью над людьми, родственными связями, имеют элитарное происхождение, престижное образование в лучших вузах, связаны с влиятельными людьми, органами власти и могут отнести себя к достаточно состоятельным слоям общества.

- Партийные лидеры – лица, которые должны иметь власть над людьми, имеющие, с точки зрения населения, определенные отношения и связи с теневыми, криминальными структурами, обладают лидерскими качествами, умеют влиять на массу, связаны с влиятельными людьми, органами власти, достаточно хорошо образованы, многие закончили престижные высшие учебные заведения.

- Прокуроры, судьи – особая элитная группа. Она должна состоять, по мнению населения, из высоко нравственных лиц, уважающих простых людей, должны быть физически крепкими, спортивными, здоровыми, высокообразованными и культурными людьми, обладающими лидерскими качествами, умением влиять на массу.

- Религиозные деятели – это, по представлениям населения, люди почтенного возраста, обладающие крепким здоровьем, такими высокими нравственными качествами, как честность, порядочность,

уважение к простым людям, высокой культурой, духовностью, интеллигентностью, престижным образованием.

- Генералы, маршалы, старшие офицеры – представляются в первую очередь физически развитыми, сильными, спортивными, здоровыми людьми, имеющими несомненные лидерские качества, умеющими влиять на массу. Военная элита обладает престижным образованием, высокой культурой, честностью, порядочностью, уважением к простым людям.

- Известные спортсмены – физически развитые, сильные люди, обладающими лидерскими качествами, умением влиять на массу, высокой честностью, порядочностью, уважением к простым людям, аристократической манерой поведения, наиболее высоким уровнем доходов.

- Криминальные авторитеты – элитная группа, влияние которой вытекает исключительно из властных ресурсов теневых, криминальных структур, обладает крупными доходами. Для населения, несомненно, это богатые люди, имеющие связи с влиятельными людьми, органами власти, обладающие реальной властью над людьми, родственными связями. Многие в данной группе имеют, по мнению рядовых людей, элитарное происхождение.

- Выдающиеся представители интеллигенции – элитарная группа, обладающая, с точки зрения обычного массового сознания, в первую очередь стабильностью своего социального статуса, основанном на физической крепости, здоровье и долголетию, высокими нравственными качествами (честность, порядочность, уважение к простым людям), высокой культурой, духовностью, интеллигентностью, спортивностью, престижным образованием.

- Профсоюзные лидеры также воспринимаются людьми более возрастными, чем иные элитные группы, обладающими лидерскими качествами, умеющими влиять на массу, проявляющими аристократическую манеру поведения, имеющими родственные связи, элитарное происхождение, высокую честность, порядочность, уважение к простым людям.

- Общественные деятели – это лидеры, высоко честные, порядочные, уважающие простых людей, обладающие высокой культурой, духовностью, интеллигентностью, здоровьем, долголетием, аристократической манерой поведения.

- Известные представители «шоу-бизнеса» – группа, которую в ходе массового опроса населения выделили сами респон-

денты. Они нередко в эту группу относят и выдающихся деятелей искусства, прежде всего, эстрадного, песенного жанра, и наиболее «знаменитых» современных исполнителей в стиле поп-, рок-музыки и других. К ключевым характеристикам данной элитной группы были нашими респондентами отнесены творческое долголетие, высокие нравственные качества (честность, порядочность, уважение к простым людям), а также связи с влиятельными людьми, органами власти, аристократическая манера поведения, высокий уровень доходов.

Из отмеченных групп характеристик можно отметить в оценках населения несомненную общность, с одной стороны, «олигархов», представителей бизнес-элиты, партийных лидеров и криминальных авторитетов, с другой стороны, – военной и правоохранительной элит, религиозных деятелей и выдающихся представителей ин-

телигенции, профсоюзных лидеров и общественных деятелей, спортивной элиты и известных представителей «шоу-бизнеса».

Характеристики элитных групп в восприятии населения во многом объясняются его слабой информированностью, интересом к жизни элит, наконец, отношением к ним и желанием идентифицировать себя с ними.

Анализ полученных данных убеждает в том, что население не проявляет интереса к жизни российских элит, что в значительной мере связано с нежеланием идентифицировать себя с элитарными группами. При этом отношение к элитам в оценках населения не носит негативного характера.

Обратим внимание на ответы тех респондентов, кто не возражал бы войти в состав каких-либо элит. При этом особо важно подчеркнуть их восприятие конкретных российских элит с их достоинствами и недостатками (см. таблицу 3).

Таблица 3.

**В какую группу региональной элиты хотели бы войти россияне
(в % от числа ответов)***

	Да (+2)	Скорее да, чем нет (+1)	Скорее нет, чем да (-1)	Нет (-2)	Затрудняются ответить	Разность +, -	Сумма
«Олигархи»	18,34	25,32	20,29	25,81	10,23	-9,91	100,00
Бизнес-элита	16,45	26,54	21,49	26,75	8,77	-15,67	100,00
Директора	13,99	26,42	21,76	27,98	9,84	-23,32	100,00
Крупные чиновники	18,96	26,10	18,13	26,10	10,71	-6,31	100,00
Депутаты	16,52	27,31	22,91	24,89	8,37	-12,34	100,00
Партийные лидеры	16,24	28,93	22,84	21,83	10,15	-5,09	100,00
Прокуроры, судьи	13,99	24,35	22,28	25,91	13,47	-21,77	100,00
Религиозные деятели	16,46	20,25	21,52	35,44	6,33	-39,23	100,00
Генералы, маршалы, старшие офицеры	19,86	21,99	22,70	26,95	8,51	-14,89	100,00
Известные спортсмены	18,25	31,39	23,36	21,17	5,84	+2,19	100,00
Криминальные авторитеты	21,74	27,33	18,01	25,47	7,45	+1,86	100,00
Выдающиеся представители интеллигенции	15,42	33,83	19,90	21,89	8,96	+0,99	100,00
Профсоюзные лидеры	22,22	11,11	16,67	22,22	27,78	-5,56	100,00
Общественные деятели	24,39	19,51	17,07	23,17	15,85	+4,88	100,00
Известные представители «шоу-бизнеса»	0,00	36,36	0,00	54,55	9,09	-72,74	100,00
Затрудняются ответить	28,57	7,14	7,14	25,00	32,14	+7,14	100,00
Сумма:	18,25	26,12	20,04	25,22	10,37	-0,08	100,00

* Примечание. Хотели бы Вы быть представителем элит? Кого Вы отнесли бы в первую очередь к российской элите? (в % по строкам).

Из таблицы 3 видно, что самыми престижными для тех, кто реально хотел бы войти в состав элит, являются следующие элитные группы:

1. Общественные деятели.
2. Известные спортсмены.
3. Криминальные авторитеты.
4. Выдающиеся представители интеллигенции.

Не видят себя наши респонденты, прежде всего, среди представителей таких элит, как:

1. Представители «шоу-бизнеса».
2. Религиозные деятели.
3. Директора.
4. Прокуроры, судьи.
5. Бизнес-элиты.
6. Генералы, маршалы, старшие офицеры.
7. Депутаты.
8. «Олигархи».
9. Чиновники.
10. Профсоюзные лидеры.
11. Партийные лидеры.

Полученные данные убеждают в том, что рейтинг (уровень значимости и авторитетности) элитных групп в регионе в восприятии населения не совпадает со степенью желанности войти в состав одной из этих групп. Это, с одной стороны, может расцениваться как понимание недостижимости населением стать представителем элиты, а с другой, – содержание ответов, несмотря на высокую статистическую значимость их парных распределений, отличается очевидной противоречивостью, неоднозначностью и недостаточной уверенностью.

Такие результаты указывают на несформированность региональной элиты. В условиях маргинализации населения процесс

становления элит замедляется. Массовые стереотипы относительно критериев элиты подвергаются эрозии. Население не в полной мере готово признать наличие элитных качеств у тех высших слоев и классов, которые стремятся занять «нишу» новых элит. Последнее, тем самым, оказываются в маргинальном положении. Их легитимация, получается, еще не состоялась.

Следовательно, циркуляция элитных групп в России на уровне регионов не завершена. Общественная трансформация опирается не на глубокую модернизацию элитных групп, их самоопределение и качественный рост, а на конкуренцию и соперничество, которые для основной массы населения носят латентный и совершенно непонятный смысл.

Современный элитогенез в значительной мере теряет конструктивное начало при сохранении влияния на него девиантных, а нередко (глубоко укоренившаяся и агрессивно проявляющаяся коррупциогенность элит – Авт.) – делинквентных факторов и векторов развития, что типично для периодов затянувшихся острых социально-политических и экономических кризисов.

Тогда, когда население не воспринимает новые высшие слои общества в качестве элитных групп и не может демократическим путем повлиять на их селекцию, особенно в регионах, сами высшие страты теряют должную для него легитимность. Возникает условно называемая «псевдореволюционная ситуация»: «низы» не хотят новых элит («верхов»), а последние не способны быть «верхами». Эта ситуация нуждается в серьезных исследованиях и выработке на их основе эффективного механизма модернизации региональных элит.

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/encЗр/335638> (дата обращения: 17.05.2011 г.).

2. Резаков, Р.Г. Социально-педагогические условия формирования интеллектуальной элиты в системе непрерывного образования [Текст] / Р.Г. Резаков: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2002.

3. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/53654> (дата обращения: 17.05.2011 г.).

4. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1097078> (дата обращения: 17.05.2011 г.).

5. Фролова, М.А. Политическая стратификация [Текст] / М.А. Фролова. – М., 1995.

ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

УДК 323.22 + 316.3/. 4

С.Н. ЧИРУН

Известно, что проблемы экстремальных идентичностей в политике часто имеют исток в особенностях политической социализации [10].

В условиях неэффективной поддержки массового и физкультурного движения со стороны государства радикальные организации создают спортивные секции, проводят военизированные походы и сборы. В рамках такого рода бесплатных мероприятий деятельные молодые люди помимо спортивных навыков получают идеологическую обработку, и в сознании молодежи формируется мировоззренческая основа политической контркультуры экстремизма. Российская политическая элита пытается выработать общегосударственную идеологию, легитимирующую экономическое положение и власть, находящуюся сегодня в руках политического класса. Это ведёт к «трансформации партийно-политического пространства от многополюсной к моноцентричной модели». Это находится в противоречии с закономерностями эпохи постмодерна [4, с.17].

В условиях насильственного вовлечения в политическую деятельность у молодых людей часто возникает чувство протеста. Выход из данного положения, по мнению А. Турена, – в новой постановке проблемы субъекта [14, р.13].

Как пишут Д. И. Аминов и Р. Э. Оганян: «Молодёжь приходит уже не в тот мир, к которому её готовили в процессе социализации» [1, с. 53]. Опыт старших уже не годится. Молодёжь готовили к занятию одних позиций в социальной структуре, а структура уже другая и прежних позиций в ней нет. Новое поколение вступает в пустоту. Поэтому, можно сказать, что не они выходят из социальной структуры, а сама структура ускользает у них из-под ног.

Известные нам теории модерна претендуют на исключительность и имеют тотальный радикально-системный характер. Это относится ко всем модернистским идеологиям, и либерализм не является исключением. К. Мангейм связывает такого рода идеологии

с утопией, которой «...удаётся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив её к своим представлениям» [6, с. 167].

В 2009 году Кузбасским отделением Центра консервативных исследований под научным руководством профессора В.В. Желтова проводилось исследование региональной модели политического участия студенческой молодёжи. Использовалась стратифицированная выборка среди студентов семи кузбасских высших учебных заведений с общей выборочной совокупностью 1205 человек. Опрос проходил в октябре – декабре 2009 года.

Наше исследование показало, что кузбасские студенты демонстрируют высокую солидарность в самом факте неприятия навязывания им радикальных идеологий.

Наиболее критично студентами оцениваются: пропаганда идей русофобии (57,7%), «оранжевой революции» (55,5% считают её недопустимой), а также национал-социализма (47,5%) (см. таблицу 1).

Исследование показывает, что студенты, чьё материальное положение с начала мирового экономического кризиса улучшилось, достаточно толерантно относятся к возможности пропаганды национал-социализма.

Любопытно, что в группах, чьё материальное положение осталось без изменений или ухудшилось, сторонников пропаганды цветных революций совсем немного, хотя в группе, чьё материальное положение «значительно ухудшилось», их немного больше, но не существенно.

А вот в категории студентов, чьё материальное положение «улучшилось», выделяются две принципиально противоположные позиции по отношению к возможности пропаганды цветных революций.

Доминирующей является позиция, согласно которой пропаганда цветных революций недопустима (60,9%). Однако есть и другая позиция, которая заключается в утверждении допустимости «в большинстве

Таблица 1.

Оценка студентами допустимости следующих действий в % к числу опрошенных

	Недопустимы	В исключительных случаях допустимы	Иногда допустимы, иногда нет	В большинстве случаев допустимы	Допустимы в любой ситуации
Пропаганда идей национал-социализма	47,5	22,5	18,5	5,2	5,8
Пропаганда идей коммунизма	44,3	24,0	19,9	5,8	0,2
Пропаганда идей «оранжевой революции»	55,5	21,8	14,1	4,7	4,0
Пропаганда идей «суверенной демократии»	43,6	20,0	18,1	10,5	7,8
Пропаганда идей русофобии	57,7	22,2	12,1	3,9	4,1

случаев» или даже в «любой ситуации» пропаганды цветных революций.

подавляющее большинство студентов считают недопустимой пропаганду русофобии.

Однако сторонники пропаганды русофобии также имеются, причём сосредоточены они преимущественно в группах, чьё материальное положение в условиях кризиса либо улучшилось, либо, наоборот, значительно ухудшилось.

Российская правящая элита уделяет крайне мало внимания вопросам профилактики молодёжного экстремизма, предпочитая силовые методы нейтрализации периодически возникающей в обществе напряжённости.

Нежелание организовывать социальные лифты для представителей всех слоёв общества, а не только для своих сторонников, неизбежно провоцирует экстремистское поведение у молодых людей, «выпавших» из дискурса власти. Устойчивость экстремистских молодёжных групп обеспечивается общностью разделяемых взглядов и политических целей, коллективной историей и перманентным участием в протестной деятельности. При этом заинтересованными в акциях радикальных (экстремистских) молодёжных групп нередко оказываются институциональные политические структуры, что ещё более усложняет понимание происходящих в обществе политических процессов. Политические представления современной молодёжи и её отношение к политическим институтам достаточно неоднородны. В российской молодёжной среде достаточно высок потенциал как традиционалистских, евразийских, националистских, авторитарных, так и либеральных, мондиалистских ценностей и ориентаций.

К социально-экономическим факторам распространения молодёжного экстремизма

можно отнести: депрессию во многих отраслях народного хозяйства, падение жизненного уровня населения, как следствие мирового кризиса, особенно в депрессивных регионах, рост безработицы, особенно у молодых людей, не обладающих высокой квалификацией.

К сожалению, современная российская власть не имеет настолько широкой поддержки граждан, чтобы не беспокоиться об угрозе её существования. Рост численности молодёжи в экстремистских организациях прежде всего угрожает безопасности власти, поэтому она и стремится воспрепятствовать развитию политического радикализма.

Становление и формирование личности, занимающей протестную политическую позицию, обусловлены и внешними и внутренними факторами. Участие молодого человека в массовых политических акциях обусловлено не только сложившейся политической ситуацией, но и психологической потребностью в протестном самовыражении, желании привлечь внимание общественности к значению своей роли в политической жизни общества. Исследования показывают, что значительная часть российской молодёжи по-прежнему не идентифицирует себя с активными участниками политической жизни общества, тем не менее, это не препятствует формированию негативных стереотипов восприятия власти и легитимных методов управления, что создаёт благоприятные условия для развития форм уличного протеста. Исследование, проведённое нами в 2009 г., показало, что мнение студентов Кемеровской области относительно допустимости участия в деятельности запрещённых организаций испытывает влияние гендерного фактора. Девушки чаще выбирают промежуточные, обтекаемые ответы, позиция же мужской подвыборки по

этому вопросу характеризуется большей откровенностью и прямолинейностью. Так, больший процент мужчин, в сравнении с женской подвыборкой, уверены в недопустимости участия в деятельности запрещённых организаций (42,5% против 36%), однако и количество мужчин, считающих, что участие в деятельности запрещённых организаций «в большинстве случаев» или даже «всегда» допустимо, также существенно превосходит аналогичный показатель для женской подвыборки (17,4% против 10,3%).

За период обучения в вузах области происходит существенное сокращение студентов, уверенных в недопустимости участия студентов в деятельности запрещённых организаций почти в 2 раза (с 58,1% – на первом курсе до 32,9% – на пятом курсе).

Снижение уровня жизни и особенно значительное его падение стимулирует усиление лояльности студентов к участию в деятельности запрещённых организаций.

Но и в категории студентов, чьё материальное положение с начала мирового экономического кризиса улучшилось, присутствует значительная группа, одобрительно относящаяся к участию в деятельности запрещённых организаций.

Сегодня институционализованный политический процесс и конвенциональные формы политического участия не стали привлекательными для большинства молодёжи. С чем связана, в частности, и низкая электоральная активность молодёжи.

Множественность нерешаемых в одночасье экономических и социальных проблем подталкивает власть к поиску «врагов», мешающих реализовать заявленные в рамках избирательного процесса цели, и молодёжные радикальные организации используют для формирования в обществе «образа врага», бинарной дихотомии по принципу «общество – экстремизм». Часто в процессе анализа выявляется феномен «подталкивания» изначально не экстремистски настроенных акторов к экстремальным политическим действиям. Поэтому экстремизация молодёжной политики может быть следствием интолерантности политического режима.

Политические интересы современной молодёжи амбивалентны и зависят от степени гражданской активности личности: большая масса молодых людей политически пассивна, безынициативна, невнимательна к происходящим политическим процессам, ей противопоставлена меньшая по численности, но предельно политизированная молодёжь, отличающаяся склонностью к крайним мерам политической борьбы независимо от партийной идентификации, владеющая технологиями манипуляции и умеющая моби-

лизовать молодёжный ресурс политически пассивного большинства в условиях определённой политической ситуации.

Сегодня в России отсутствуют каналы, по которым молодёжь могла бы вести эффективный диалог с властью, участвовать в процессе принятия государственных решений, поэтому своё негативное отношение к существующей власти молодёжь демонстрирует либо апатией, низким электоральным поведением, абсентизмом, либо, напротив, участием в акциях политического протеста.

К политическим детерминантам роста молодёжного экстремизма относится политика власти, проявляющаяся, с одной стороны, в росте нетерпимости к политическому инакомыслию и культивированию в общественном сознании образа «врага», с другой – в неспособности последовательно и профессионально обеспечить политический порядок в обществе. Непоследовательность и избирательность, конъюнктурность в применении норм закона способствуют нарастанию в сознании молодёжи аномии, следствием чего является рост политического экстремизма. Попытка власти насильственно вовлечения в политическую деятельность порождает у молодёжи чувство протеста. Этот протест нередко трансформируется в экстремистские формы поведения.

Один из идеологов телеканала russia.ru Ю. Гусаков опубликовал «message». По мнению Ю. Гусакова, в России не может быть взаимопонимания между верхами и низами, поскольку русский народ – это «...звероподобный сброд...», который недостоин права выбирать себе политическую власть [3]. Ещё раньше показательный случай произошёл весной 2009 года, когда на одной из петербургских телепередач советник губернатора СПб по промышленной политике С. Бодрунов, разозленный тем, что в передачу звонили граждане и жаловались на жизнь, назвал их «элементарным быдлом» [11]. Подобное отношение проецируется в политическую плоскость, когда властные элиты проповедуют демократию для избранных, не стесняясь заявлять, что подлинная демократия для России опасна. Однако сегодня «...российский социум заметно изменился...» [2]. В новых условиях молодые люди трактуют экстремистские акции как форму ответа на существующую в обществе социальную несправедливость, а контркультура политического экстрима играет для них роль механизма адаптации к окружающему миру. Потребность в выделении из серой массы сверстников, самоутверждения и самореализации, реализуется в рамках формирования коллективной идентичности участниками

молодёжных объединений экстремистской направленности.

Именно официальная культура, преподаваемая через всевозможные СМИ, утверждает А.Ю. Плетников, ответственна за процветание среди молодёжи аморальности, политической инфальтильности, элементарной безграмотности, неразборчивости и всеядности [7, с. 132]. Потом были молодёжные шахтёрские волнения и перекрытие ж/д путей, последовавшие за аварией на шахте Распадская г. Междуреченск Кемеровской области, за этим последовали события июня 2010 г. в Приморье, названные в СМИ «партизанской войной». Между тем, проведённый нами контент-анализ блогосферы показал, что большинство пользователей Интернета поддерживают «партизан», а некоторые даже заявили о своей готовности влиться в их ряды.

Как свидетельствуют данные репрезентативного опроса, проведённого Левада-центром, одобрение и сочувствие к действиям «партизан» испытывают чаще всего мужчины, россияне в возрасте 25–54 лет, с высшим и средним специальным образованием, высоким потребительским статусом.

Осуждают их больше других респонденты в возрасте 18–24 лет и в возрастной категории старше 55 лет, со средним образованием и низким потребительским статусом [8]. Косвенно позитивное отношение общества к феномену «приморских партизан» подтверждает и то, что такой политический популист, неплохо ориентирующийся в изменениях настроения электората, как В. Жириновский, счёл для себя возможным в преддверии выборов заявить с трибуны ГД о своей поддержке действий «приморских партизан».

Отметим, что приморские радикалы использовали не только методы, традиционные для «партизан», но и постсовременные сетевые технологии.

Как пишет политолог О.Ю. Малинова, сегодня «возможности утверждения правильной точки зрения с помощью властных ресурсов вообще не стоит преувеличивать: политические запреты способствуют «двоемыслию», а «официальная точка зрения» нередко внушает недоверие» [5].

А. Шмулевич утверждает, что российские спецслужбы создают «фантомы экстремизма» [12], подменяя при этом реальную борьбу с экстремизмом борьбой с его искусственными фантомами.

Сегодня сам постмодерн становится локомотивом экстремальных инноваций. Как подметил М. Хайдеггер, в «эту перемену входит то, что не просто все прежние ценности падают жертвой обесценивания, но что,

прежде всего, лишается корней сама система потребностей в ценностях прежнего рода и на прежнем месте» [9, с. 83].

В условиях транзитивных обществ остро стоит проблема легитимации действующей власти. Множественность нерешаемых в одночасье экономических и социальных проблем подталкивает политиков к поиску «врагов», мешающих реализовать заявленные в процессе прихода к власти цели, и молодёжные экстремистские сообщества нередко оказываются важным инструментом в демонстрации псевдополитического противостояния по принципу «общество-экстремизм».

Проблема легитимизации власти в постмодерне актуализируется по мере перехода к либеральной модели отношений между институтами и субъектами политики. Например, согласно исследованиям американского политолога М. Сейджмана [13], группа, из которой международные экстремистские и террористические организации рекрутируют своих членов, состоит в основном из людей, имеющих мало общего с религиозными фанатиками. Увеличение каналов политической партиципации маскирует демократичность политического дискурса, но и в то же время создаёт дополнительные проблемы правящему режиму. Легитимность национальных правящих элит начинает оспариваться ввиду глобализации и усложнения политической конкуренции.

Однако правящие режимы заинтересованы в сохранении монопольного права на использование власти и минимизацию делегитимированных рисков в условиях активизации деятельности оппозиционных групп.

Непоследовательность и избирательность в применении норм закона, как показали уроки «Манежной 2010» способствует нарастанию в сознании молодёжи аномии и как следствие политического экстремизма. Только при учёте всех факторов, влияющих на формирование паттернов экстремистского поведения, изучение общественного мнения, а также исследования индивидуальных установок, ценностей и норм, появляется возможность выработать эффективные меры по профилактике молодёжного политического экстремизма.

Итак, подведём итоги.

● Причинами роста проявлений политического экстремизма молодёжи являются: неравномерность регионального развития, несоответствующее ресурсам страны качество жизни большинства граждан. Основная часть молодёжи политически инертна, но в ней также присутствует меньшая по численности высокопассионарная, политически активная молодёжь, отличающаяся склонностью к не-

конвенциональным формам политического участия, экстремистским формам политической борьбы, владеющая технологиями манипулирования и умеющая мобилизовывать молодёжный ресурс.

● Молодые радикалы, как правило, более ортодоксальны, непримиримы в отстаивании своих позиций и менее склонны к политическим компромиссам с оппонентами. Молодёжный экстремизм чаще облекается в постмодернистские формы, характеризуется использованием сетевых технологий.

● В российских регионах получает распространение избирательная стигматизация властью отдельных молодёжных групп, организаций, движений, отдельных молодёжных лидеров (часто не представляющих реальной угрозы общественной безопасности) в качестве экстремистов, с целью создания образа врагов общества для последующего списания на них своей вины за просчеты (неэффективность) во внутренней, а иногда и внешней политике.

● В современном обществе, вступившем в эпоху нелинейного развития, границы толерантности и экстремизма становятся весьма динамичными и амбивалентными, что

исключает возможности для их однозначной фиксации и определения их с использованием модернистской методологии. Так, в современном мире для превенции экстремизма решающее значение приобретает не нейтральная толерантность по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ, а активная, заинтересованная позиция, основанная на рефлексивном отношении к собственной позиции, взаимодействию с представителями других молодёжных организаций и движений.

● Многие члены молодёжных организаций (движений), сформированных властью с целью предотвращения постмодернистской революции, имеют ярко выраженную экстремальную политическую идентичность и при определённых обстоятельствах (оказавшись не у дел, будучи не востребованы властью, испытывая фрустрацию вследствие невозможности реализации декларируемых целей и удовлетворения потребностей высшего приоритета), могут, сохраняя присущий им радикализм, превратиться из горячих приверженцев режима в его непримиримых и радикальных противников – экстремистов.

1. Аминов, Д.И. Молодёжный экстремизм [Текст] / Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян. – М.: Изд-во: Триада., 2005.
2. Беляева, Н. Не деритесь с ОМОНОм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.specletter.com/obcshestvo/2009-12-21/ne-derites-s-omonom.html> (дата обращения: 17.08.2010 г.).
3. Ласточкин, В. Вы звери, господа! И, к сожалению, у вас нет выбора / [Электронный ресурс] / Информационное агентство UralDaily.ru. – Режим доступа: <http://uraldaily.ru/politika/1541.html> (дата обращения: 17.08.2010 г.).
4. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
5. Малинова, О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения [Текст] / О.Ю. Малинова // Pro et Contra. – 2007. – №3.
6. Мангейм К. Диагноз нашего времени. / Пер. М.И. Левиной и др.; ред.-сост. Я. М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994.
7. Плетников, А.Ю. Молодёжь России как объект «чёрного пиара» [Текст] / А.Ю. Плетников // Политическое просвещение. – 2005. № 3 (27).
8. Россияне о нападениях на милиционеров в Приморье // Левада-центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010062900.html> (дата обращения: 17.08.2011 г.).
9. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм [Текст] / М. Хайдеггер // Ницше и пустота. – М.: Алгоритм, 2006. С. 83.
10. Черкасова, Т.В. Молодёжь о конфликтогенных факторах в молодёжной политике [Текст] / Т.В. Черкасова // Социс. – 2004. № 3.
11. Шендерович, В. Бодронов был прав? Вы быдло или вы граждане? АПН Северо-запад [Электронный ресурс] / В. Шендерович. – Режим доступа: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article5268.htm> (дата обращения: 17.08.2010 г.).
12. Шмулевич, А. Спецслужбы создают фантомы [Электронный ресурс] / А. Шмулевич. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/news/article10783.htm> (дата обращения: 17.08.2010 г.).
13. Sageman, M. Understanding Terror Networks [Text] / M. Sageman. – University of Pennsylvania Press, 2004.
14. Touraine, A. Can we live together? Equality and difference [Text] / A. Touraine. – Cambridge: Polity, 2000.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ УЧАЩИХСЯ ТЕХНИКУМОВ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

УДК 316.74

С.И. ПАНЬКИН

Профессиональные ориентации являются одним из важнейших компонентов самоопределения личности, оканчивающей школу и стоящей перед выбором дальнейшего жизненного пути. Возникает необходимость поиска той трудовой деятельности, которая обеспечит как определенный материальный достаток, так и реализовать природные склонности человека. Современная ситуация, связанная с выбором будущей профессии выпускниками 9-х и 11-х классов, характеризуется острыми противоречиями. Они вызваны совокупностью объективных и субъективных факторов, которые раскрываются в процессе социологического анализа данной проблемы.

Теоретическое рассмотрение сущности и содержания процесса становления профессиональных ориентаций личности показывает, что они являются одним из элементов системы детерминации поведения человека в процессе его социализации. Уже в дошкольном возрасте взрослые указывают ребенку на ценность тех или иных видов трудовой деятельности. Наблюдаются попытки подражать действиям тех работников, которые вызвали интерес у детей, что указывает на природную склонность к определенным профессиям.

Однако какое-либо систематическое представление о различных профессиях, требованиях, предъявляемых к работнику, условиях труда, возможных заработках, человек в период обучения в современной школе чаще всего не получает. В этом и состоит одно из базовых противоречий становления и развития профессиональных ориентаций. С одной стороны, система образования заинтересована в том, чтобы школьник максимально полно осваивал содержание специальных знаний. С другой стороны, отсутствует целостная система выработки у школьников представлений, позволяющих обоснованно выбирать конкретную профессию. Можно говорить о том, что данная ситуация отражает не противоречие, а лишь некое несоответствие между потребностями социума и ориентациями на профессиональное образование у учащихся школ. Однако такая трактовка ведет к

тому, что не требуется искать те глубокие социально-экономические и социокультурные причины, которые порождают данное явление.

Следует отметить, что за рубежом уделяется большое внимание организации специальной работы со школьниками для того, чтобы они имели четкие представления о содержании той или иной профессиональной деятельности, условиях труда, возможных заработках, условиях трудоустройства. Так, например, профессиональной ориентацией школьников в Германии занимаются муниципальные отделы трудоустройства населения.

Для обоснованного выбора конкретной трудовой деятельности, соответствующей общественным потребностям и личным склонностям индивида, необходима целая совокупность специальных знаний, которые он в систематической и развернутой форме должен получить от учителей, родителей, представителей различных предприятий, учреждений.

Существует представление о том, в настоящее время молодые люди после окончания школы выбирают не профессию, а учебное заведение. Однако возникает вопрос о смысле такого выбора. Если человек не получает те знания, которые обеспечивают его будущую трудовую деятельность, то ценность образования сводится лишь к диплому. Работодателю же нужен человек, способный выполнить определенные обязанности, а не владелец документа о некоем образовании. Конечно, полученные в техникуме, вузе знания, навыки в условиях быстрой смены технологий требуют постоянно обновления. Возникает ситуация непрерывного профессионального роста, успешного для людей, сумевших еще при окончании школы найти ту профессию, которая позволяет им максимально раскрыть индивидуальные способности [2, с. 31].

Большинство людей в период обучения в школе не обнаруживают в себе явные склонности к конкретной трудовой деятельности или определенным занятиям, а школьное образование не ориентировано сегодня на выявление и развитие методами

способностей детей к тем или иным типам профессий. Поэтому значительная часть выпускников школ сталкивается с проблемой выбора конкретной профессии и места ее получения, исходя из престижа разных работ, представлений о возможных заработках, карьерном росте.

Практика показывает, что в последние 20 лет ведущим фактором этого выбора стала не та специальность, которая соответствует способностям индивида, а ступень получаемой профессиональной подготовки. Резко упала ценность начального профобразования, снизился престиж рабочих специальностей. Появилась возможность для родителей на платной основе учить в вузах, техникумах тех детей, которые раньше по уровню своих знаний могли учиться только в ПТУ. Поэтому выпускники школ, родители сначала выбирают ступень профессионального образования, а затем ту специальность, соответствующую по целой совокупности признаков их потребностям [3, с. 579].

Проведенные в 2011 году социологические исследования подтвердили высказанные нами положения о факторах становления ориентаций на получение выпускниками школ профессии в техникумах (колледжах). Было опрошено 300 студентов, специальностей менеджмент, дизайн, гостиничный сервис, правоведение, а также 300 студентов, обучающихся на электриков, программистов, теплотехников в разных техникумах (колледжах) Челябинска.

Учреждения СПО возникли в начале прошлого века для того, чтобы обеспечить в первую очередь промышленность специалистами, разбирающимися в устройстве механизмов, способные осуществлять их ремонт. Само же наличие более высокого образования считалось основанием для выполнения работником управленческих функций. Поэтому не только людей с высшим, но и средним специальным образованием назначали руководителями участков, отделов и даже небольших предприятий, но специальное обучение студентов менеджменту не осуществлялось ни в вузах, ни в техникумах. Следует отметить, что существовала подготовка специалистов среднего звена также в системе педагогического, медицинского образования и искусства в учреждениях, именуемых училищами. В целом количество выпускников учреждений СПО в разы превосходило число людей с дипломом вуза.

Переход к рынку изменил ситуацию. Для того чтобы сохранить себя на рынке

образовательных услуг, часть техникумов переименовали в колледжи, готовя специалистов как технического, так и гуманитарного профиля, ставших востребованными на рынке труда, хотя многие абитуриенты, поступая в колледж, не имеют четких представлений о том, чем же они будут заниматься после окончания учебы [4, с. 38].

Социологические исследования обучающихся на специальностях гуманитарного и технического профиля выявили основные противоречия в профессиональных ориентациях тех, кто в настоящее время поступает в техникумы (колледжи). Рассмотрим мнение о факторах, которые побудили выпускников 9 и 11 классов поступать в учреждения СПО.

Прежде всего, отметим, что на технических специальностях учатся 79% тех, кто окончил только 9 классов. Этим обусловлено мнение каждого третьего респондента о том, что он не хотел продолжать учебу в школе. Она, видимо, давалась нелегко. Так 53% опрошенных из этой группы в школе учились в основном на «удовлетворительно». Такими «средними» по знаниям являются представители мужского пола, доля которых в группах технической направленности составляет 82% в возрасте 15–16 лет. Среди тех, кто учится на специальностях гуманитарного профиля, только 7% окончили 9 классов, а остальные имеют полное среднее образование. У половины опрошенных средний балл аттестата составляет 4,5, а у 30% – 4 балла. Среди обучающихся 89% составляют девушки в возрасте 17–18 лет.

Следовательно, на разных специальностях в одном учебном заведении учатся отличающиеся по возрасту, полу, уровню образования и культуры молодые люди. Однако мотивы выбора получения профессии у них оказались по ряду позиций схожими. Как в 15, так и в 17 лет молодые люди стремятся быстрее стать самостоятельными и не зависеть от родителей при реализации своих материальных потребностей. Недостаток финансовых средств в семье – ведущий, но не главный фактор получения профессии в техникуме, а не вузе для половины из тех, кто учится на гуманитарных специальностях. Доля обучающихся на технических специальностях, отметивших роль материального фактора в мотивах своего выбора ниже только потому, что для выпускников 9 класса не актуальна проблема поступления в вуз. Другим фактором, побуждающим быстрее покинуть школу, является неспособность

успешно завершить в ней учебу и претендовать на бюджетные места в вузе.

Существует противоречие между нацеленностью учащихся на получение высшего образования и реальным уровнем подготовки к освоению предъявляемых им требований. Молодые люди, имея низкие результаты освоения школьных предметов, считают себя способными успешно поступить на бюджетные места в вуз. Подавляющее большинство первокурсников не считают достаточным для себя среднего специального образования, хотя 15 % опрошенных понимают трудности обучения в университете.

Данные опроса показывают, что лишь каждый третий первокурсник колледжа приобретает профессию, которая ему нравится. Остальные, видимо, учатся ради документа об образовании, указывающим на достижение определенного социального статуса. Сразу можно предположить уровень активности таких студентов в освоении профессиональных знаний. Они будут получать их только для того, чтобы не быть отчисленными в процессе учебы.

Данная ситуация указывает на одно из острых противоречий в ориентациях школьников на получение профессии в учреждениях СПО, что выражается в несоответствии личных представлений о значимости того или иного уровня специальных знаний их социальной направленности. Государство создает систему профессионального образования в первую очередь для того, чтобы обеспечить промышленность, социальную сферу подготовленными для успешного решения производственных задач специалистами. Но те, кто учится в техникуме, считают для себя главным не достижение определенного уровня профессионализма, а повышение своей значимости среди родственников, знакомых. Важно сделать первый шаг в повышении своего статуса, а после получения диплома СПО осуществить попытку подняться еще на одну ступеньку социальной лестницы, поступив в вуз.

Такой вывод возникает при анализе намерений учащихся после окончания учебы в техникуме. 48% студентов, получающих профессии гуманитарного профиля и 52% – технического, хотя сразу пытаются продолжить учебу в вузе. При этом не обязательно по приобретенной специальности. Если не удастся сразу попасть в вуз, то 17% выпускников гуманитарных специальностей через 1–2 года будут обязательно повторять попытки, а среди представителей

технических специальностей так намерены действовать уже 26% опрошенных.

Работать по специальности ориентированы только 32% будущих менеджеров, правоведов и 27% – из числа программистов, электриков. Работать и одновременно учиться намерены только 12% из первой группы обучающихся и 5% – из второй. Следствием низкой ориентированности на работу по специальности является сохранение дефицита востребованных на предприятиях работников, несмотря на то, что многие учебные учреждения их готовят.

При этом значительная часть первокурсников вообще не задумывается о том, в какой степени полученное образование обеспечит им успешное трудоустройство. Учитывают потребность рынка труда в тех специалистах, которых готовит конкретный техникум, только 2% обучающихся на гуманитарных специальностях и 8% – технических. В этом заключается еще одно из противоречий в системе профессиональных ориентаций учащихся. Молодые люди часто ориентируются на мифы, существующие в общественном сознании по поводу ценности той или иной профессии. Поэтому необходимо при профориентации школьников сразу информировать их о востребованности той или иной специальности на различных предприятиях, учреждениях.

Мониторинг мотиваций на обучение в СПО не позволяет согласиться с мнением, что «среднее профобразование сегодня – своего рода ниша для выходцев из низов...» [1; 2].

Анализ представлений поступающих в техникумы о будущей специальности выявляет еще ряд противоречий в их профессиональных ориентациях.

Выявляется противоречие между содержанием общественной потребности в работниках, имеющих знания, навыки, необходимые для работы на сложных механизмах, и ориентацией значительной части студентов СПО на управленческую работу. Только каждый пятый опрошенный, независимо от получаемой профессии, знает о тех требованиях, которая она предъявляет к работнику. О технической оснащенности труда информирована незначительная часть первокурсников. Они не интересовались этими знаниями и мечтают о должности начальника, не сознавая степень востребованности на предприятиях руководителей разного уровня и соотношения количества рабочих и начальников в

**Содержание знаний о будущей профессии во время поступления
(в % к числу опрошенных)**

Показатели	Гуманитарный профиль	Технический профиль
Возможный карьерный рост	42	44
Возможные заработки	28	47
Предприятия, на которых можно работать	28	44
Ничего не знал	22	12
Содержание требований к работнику	18	20
Условия труда	17	30
Техническая оснащенность труда	3	13

эффективно работающих организациях. Об этом их не информируют ни учителя школ, ни те представители техникумов, которые проводят профориентационную работу в школах.

В результате возникает противоречие между общественной потребностью в рядовых работниках и ориентациями учащихся на обязательный карьерный рост. Поскольку таковой произойдет только у небольшой части выпускников СПО, у остальных будет сохраняться постоянная неудовлетворенность трудом или присутствовать зависть к занявшим более высокую должность. Высокого уровня профессионализма от таких специалистов ожидать не следует.

Проведенные социологические исследования профессиональных ориентаций обучающихся в учреждениях СПО показывают наличие ряда противоречий, вы-

званных отсутствием эффективной системы работы со школьниками, собирающимися после 9 или 11 класса поступать в колледжи. Только 6% опрошенных указали на то, что в школе велась постоянная профориентационная работа, 18% отметили, что были лишь редкие встречи, где велась речь о содержании профессионального обучения в конкретных учреждениях СПО. В этом плане, как мы уже отмечали, наша страна пока не использует ценный опыт развитых стран Запада.

Необходимо также активно преодолевать стереотипы по поводу ценности СПО, предоставляемых им возможностей, которые превалируют в сознании многих школьников и их родителей. Ведущая роль в решении этой задач, на наш взгляд, должна принадлежать учителям, представителям предприятий, организаций, на которых востребованы специалисты данного уровня.

1. Гильмитдинов, Д.Я. Ценностные ориентации студентов учреждений среднего профессионального образования и их реализация в условиях современной России [Текст] / Д.Я. Гильмитдинов: Дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 2006. 18 с.

2. Калугина, Д.А. Представления студентов о качестве содержания, процесса и результата образования [Текст] / Д.А. Калугина // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2010. – Вып. № 2 (11). 143 с.

3. Киселев, В.И. Факторы, определяющие выбор молодежью рабочих профессий [Текст] / В.И. Киселев // Материалы XIV Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблёва Г.Б., Комлева Н.А., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В. – Екатеринбург, УрГУ, 2011. 820 с.

4. Панькин, С.И. Факторы, влияющие на выбор получения профессии в учреждения среднего специального образования [Текст] / С.И. Панькин // Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Материалы Международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2010. 336 с.

МОШЕННИЧЕСТВО С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ

УДК 316.28

Ю.О. ОБУХОВА

Современное социальное бытие характеризуется постоянными трансформациями и появлением новых практик в повседневном взаимодействии людей, которые возникают, в том числе, и в результате развития всевозможных коммуникативных технологий – современных СМИ, Интернета, пейджеров и, наконец, сотовых телефонов. В частности, мобильный телефон, став одним из важнейших средств дистанцированной коммуникации, привел к возникновению как позитивных, так и негативных последствий для межличностной коммуникации [1, с. 81–101]. Одним из таких негативных коммуникативных феноменов является феномен мошенничества с помощью мобильного телефона.

По сути дела, феномен мошенничества можно рассматривать с различных точек зрения, начиная с обыденного взгляда (включающего, как правило, обозначение аморальной сущности мошенничества и самих мошенников) и заканчивая рассмотрением мошенничества с правовой точки зрения (то есть в терминах Уголовного кодекса). Целью же данной статьи является представить социологический взгляд на мошенничество нового типа, который пока еще не разработан в должной мере в современной научной литературе соответствующего направления и озвучить некоторые гипотезы. А именно, задачи статьи заключаются в том, чтобы вскрыть механизм осуществления мошенничества, которое происходит при участии сотового телефона и описать практики мошенничества, определить, благодаря каким факторам эти практики успешно реализуются, и дать этому социологическое объяснение, а также выявить отличительные особенности данного вида мошенничества.

Анализ информации по данной теме является предварительной теоретической проработкой материалов прессы и, отчасти, результатов неструктурированных наблюдений. В дальнейшем возможно развитие данной темы и проведение собственного эмпирического исследования с целью подтвердить изложенные гипотезы и выявить статистически значимые закономерности,

свойственные данному социальному явлению (для чего планируется использовать широкий спектр социологических методов, начиная с количественных опросов и глубинных интервью и заканчивая проведением экспериментов, моделирующих некоторые ситуации мошенничества). В рамках же данной статьи предлагается рассмотреть феномен мошенничества как социальное явление, которое наилучшим образом вписывается в рамки концепции фреймов И. Гофмана.

Под термином «фреймы» И. Гофман обозначает формирующиеся в сознании каждого индивида представления о конкретных ситуациях (а также о правилах поведения в конкретных ситуациях) [3, с. 8–82].

Дело в том, что как бы ни была разнообразна современная социальная жизнь, все равно, все эти ситуации (и способы реагирования на них) в итоге можно свести к определенному перечню, который известен каждому человеку, социализированному в данном обществе. Таким образом, понятие фрейма сочетает в себе конкретную жизненную ситуацию с ее трактовкой в сознании индивида. Фрейм – это ситуация, которая была воспринята и, пусть неосознанно, проинтерпретирована индивидом определенным образом в соответствии с существующими в каждом фрейме стандартными негласными требованиями, регулирующими исполнение роли того или иного персонажа, его поведение.

Получается, с одной стороны, индивид свободен в своем восприятии ситуации, но с другой стороны есть объективно существующие схемы типизации действительности, которые существенно облегчают восприятие и анализ множества ситуаций взаимодействия в повседневности [3, с. 101, 106, 109–110]. Люди в повседневных взаимодействиях легко определяют для себя тип фрейма (ситуации) и, в соответствии с ним, выстраивают свою линию коммуникативного поведения с другими индивидами, которые оказались включены в тот же фрейм [3, с. 82–87].

Мошенники, создавая лишь видимость привычной ситуации и вводя индивида в

зablуждение, используют его ожидания в своих целях. По сути дела, успешные действия фабрикаторов включают в себя два важных элемента: во-первых, фабрикаторы знают о том, как будет себя вести человек в определенном фрейме и основывают свои собственные действия на этом знании, во-вторых, мошенники знают, какое поведение человек ожидает от них и могут частично следовать данной модели до определенного момента, не вызывая никаких подозрений у жертвы [3, с. 145–147].

Иными словами, *мошенничество, представляет собой эксплуатацию существующих в обществе правил поведения для фабрикации стандартных фреймов с целью дать окружающим ложное представление о ситуации взаимодействия, которое, в свою очередь, позволит использовать неосведомленность жертв фабрикации об истинном положении дел для обогащения фабрикаторов за счет обманутых.*

И здесь мы приходим к очень значимой гипотезе, касающейся механизма осуществления мошенничества. *Можно предположить, что в качестве объяснения того, как именно возможна успешная реализация мошенничества, можно назвать три объективно существующих социальных феномена: наличие стандартных и общеизвестных схем социальных ситуаций (фреймов), склонность индивидов к типизации социальных ситуаций, и существование такого социального феномена, как доверие.*

Доверие – это одна из основ существования общества, как такового, именно оно позволяет людям успешно взаимодействовать друг с другом. Как отмечают социологи (например, Г. Гарфинкель или Р. Коллинз), в обществе существует определенный набор социальных норм и правил поведения, которые регулируют повседневное взаимодействие людей. Каждый член общества знает эти правила и действует в соответствии с ними, а также ожидает и что другие индивиды также будут следовать установленному порядку. Иными словами, люди доверяют друг другу, ожидая, что те поведут себя так, как должно [2; 5]. Например, спрашивая время на улице у прохожего, мы ожидаем в ответ получить правдивую информацию; когда мы подаем продавцу крупную купюру, превышающую стоимость купленного нами товара, то ожидаем, что продавец вернет нам сдачу и так далее. Почти любое наше взаимодействие предполагает наличие определенных ожиданий в отношении поведения тех, с кем мы вступаем в кон-

такт, и веру в то, что ожидания наши не будут обмануты.

Попытаемся рассмотреть, каким образом действуют мошенники и как можно с социологической точки зрения интерпретировать специфическую коммуникативную ситуацию – мошенничество с помощью сотового телефона. Сразу следует отметить, что мошенничество, с нашей точки зрения, является одной из разновидностей практик самопрезентации. Иными словами, *ключевыми факторами успешности или неуспешности действий мошенников будет их способность овладеть приемами создания и презентации определенного социального образа.*

Сразу оговоримся, что нами было выделены два типа ситуаций мошенничества, различающихся тем, какие самопрезентационные практики наиболее значимы для успешности создания ложного фрейма.

I. Ситуация, когда сотовый телефон выступает объектом мошенничества (цель мошенников – заполучить чужой телефон, как некую материальную ценность). В этом случае мошенник вынужден осуществлять взаимодействие лицом-к-лицу с жертвой обмана, что накладывает на его фабрикации определенные ограничения и вынуждает формировать ложный фрейм путем использования «личного переднего плана» (внешний вид, видимые манеры поведения) [4, с. 32]. Мошенник должен разыграть перед окружающим роль, в которой все будет учтено и оценено – и внешний вид, и мимика, и жесты, и тон, и манера речи. Каждый элемент должен служить созданию общего образа – человека, который вызывает доверие и желание помочь. В этом заключается сложность данного типа мошенничества, но, с другой стороны, он по-своему прост. Дело в том, что, как пишет И. Гофман, люди склонны оценивать друг друга именно на основании своих впечатлений о внешнем виде, что действует на руку мошенникам [3, с. 557; 4, с. 31–35].

II. Ситуация, когда сотовый телефон и мобильная связь представляют собой *инструменты* мошенничества (мошенники используют функциональные свойства мобильного телефона с целью обмана). В этом случае отсутствует контакт лицом-к-лицу между фабрикатором и жертвой, поэтому методы фабрикации ситуации часто смещаются на вербальную составляющую общения, а поскольку отсутствует визуальный контакт с жертвой (которая не видит фабрикатора), такие ситуации позволяют фабриковать широкий спектр

разнообразных фреймов. Мошенничество подобного рода опасно именно потому, что фабрикатеры постоянно совершенствуют свои методы, эксплуатирующие коммуникативную специфику дистанцированной голосовой коммуникации: невозможность своими глазами убедиться в «неистинности», сфабрикованности того фрейма, в который попадает жертва. В отличие от первого типа ситуации мошеннику нет необходимости заботиться о внешнем антураже и тщательно следить за точностью исполнения роли, так как такое мошенничество часто даже не использует голосовую коммуникацию, предпочитая вербальное воздействие с помощью sms-сообщений.

I. Первый тип ситуации представлен, как правило, *похищением сотового телефона*. Формально отнести данную ситуацию к категории мошенничества позволяет тот факт, что жертва сама и без принуждения отдает в руки мошеннику свой телефон. В ряде случаев мошенник просто просит позвонить по чужому телефону, садиться с чужим телефоном в машину и уезжает. Возможны, правда, и более сложные схемы, когда преступник, сославшись на разряженную батарею телефона, просит вставить в ваш аппарат свою сим-карту, чтобы сделать срочный звонок, а свой телефон оставляет вам в залог (спустя какое-то время жертва обнаруживает, что это искусный муляж [6]).

В этой ситуации для успеха мошенника очень важно предстать перед жертвой в образе честного, добропорядочного, «благонадежного» человека, поскольку люди склонны оценивать других на основании внешнего антуража – манеры держаться и говорить, внешнего вида, аксессуаров [4]. Выстраивая образ другого, люди склонны основываться на предыдущем опыте общения, ибо «суждения о нравственном облике и характере человека, основанные на сведениях, заимствованных из прошлого опыта, – одна из наших главных забот в повседневной жизни. И самое коварное свойство этого занятия состоит в уверенности, что «вопрос можно решить», и в то же время нет никакого надежного способа установить, правильно ли решен вопрос» [3, с. 557].

Соответственно, если индивид ранее встречал людей в классическом костюме и с мягкими интонациями речи, и это были «надежные люди», то так же он будет относиться ко всем, кто выглядит так же. Особенность человеческого восприятия такова, что он будет обращать внимание на внешние аспекты и сравнивать их с предыдущим опытом, а на содержа-

ние общения и на смысл просьбы обратит значительно меньше внимания, если первое впечатление от незнакомца оказалось позитивным.

II. Второй тип мошенничества основан на использовании функциональных свойств сотового телефона, на выстраивании ложного фрейма на основании привычных рамок ситуации разговора по сотовому телефону:

1. Первый вид подобного мошенничества можно условно назвать – *просьба о помощи от близкого человека*. Мошенничество этого типа основано на ситуации, когда абоненту звонит незнакомый человек, сообщает о том, что с родственником абонента случилась неприятность, а его телефон недоступен (пострадал при аварии и т.д.). Далее следует просьба положить деньги на счет телефонного номера, с которого звонит мошенник, так как необходимо совершить еще много звонков.

Для понимания причин эффективности подобного мошенничества важен тот факт, что информация о событии индивиды вынуждены устанавливать исключительно на основе сведений, передаваемых посторонним человеком, который является единственным источником информации для жертвы, а это «порождает ситуацию ложной тревоги», ведет к нервозности, беспокойству, а следовательно, необдуманному поступкам [3, с. 533].

2. Еще один случай мошенничества путем фабрикации привычного людям фрейма, связанного с использованием сотового телефона, – *предложение спасти от компьютерного вируса путем отправки платного sms-сообщения*. Здесь мошенники используют и Интернет, и мобильные технологии: вирус, попадая в компьютер, полностью блокирует его работу, а на экран выводится сообщение о том, что для избавления от вируса владелец может послать сообщение на короткий номер. Мошенничество подобного рода разыгрывает привычность ситуации с отправкой платных sms-сообщений (которые представляют собой запрос на получение какого-либо информационного товара путем (например, картинок и музыки). Люди привыкли, что такого рода сообщения приводят к получению определенного блага, поэтому жертвы могут с большим доверием отнестись к ложному обещанию.

3. Еще один вид мошенничества связан с ситуацией, когда человеку звонят или отправляют *sms-сообщение о выигрыше в лотерее или конкурсе*, например на известной радиостанции. В этом случае

мошенники тщательным образом воссоздают привычный любому радиослушателю фрейм звонка с радио: с абонентом разговаривает веселый диджей, он передает приветы близким, заказывает песню, и, когда человек твердо уверился в том, что он находится в рамках фрейма «звонок с радио», ему сообщают, что он стал победителем розыгрыша и может не только получить новую модель сотового телефона, но и бесплатно подключиться, сообщив операторам код карты экспресс-оплаты [6]. Такого рода мошенничество требует, пожалуй, значительных усилий по фабрикация рамок привычной для людей ситуации. Так, звонок из радиостудии должен сопровождаться определенным звуковым и музыкальным оформлением, что требует определенной подготовки.

Итак, подводя итоги, можно отметить, что с превращением сотового телефона в элемент повседневности для мошенников открылся целый пласт возможных махинаций. Это связано, в первую очередь, *со спецификой коммуникации с помощью сотового телефона*.

Во-первых, это средство удаленной коммуникации, со всеми вытекающими последствиями: индивид не отслеживает большинство невербальных сигналов, которые могли бы дать информацию о том, говорит собеседник правду или ложь. Поэтому сам процесс разговора по сотовому телефону дает массу возможностей для махинаций – собеседник является для нас в процессе разговора зачастую единственным источником информации, которую мы, ввиду нашей физической удаленности от «места событий», не можем проверить.

И, во-вторых, привычность некоторых видов коммуникации с помощью сотового телефона, таких, например, как сервисные sms-сообщения и sms-реклама, приводит к тому, что индивиды начинают использовать стереотипное мышление при обработке информации, поступающей через этот коммуникативный канал. В результате часто становится легко пропустить ложную информацию, оформленную по стандартным коммуникативным правилам (например, подложное письмо с информацией о зачислении средств на счет, которого в реальности не было).

Таким образом, привычность и естественность коммуникации с помощью сотового телефона легко становится основанием для мошенничества со стороны недобросовестных членов социума, которые эксплуатируют привычные ежедневные фреймы, заманивая пользователей мобильных телефонов в ловушку злонамеренных фабрикаций. Такие последствия вполне естественны, поскольку появление любого нового феномена оказывает воздействие на общество – как положительное, так и отрицательное; в ответ на новые возможности в коммуникации появляются новые социальные вызовы. Мошенничество с помощью мобильного телефона представляет собой как раз один из таких вызовов, возникших как реакция недобросовестных членов социума на появление новых видов фреймов, которые относительно легко сфабриковать. Соответственно, остается только понять, каким образом мошенники добиваются результата в своей деятельности, и постоянно отслеживать новые формы мошенничества, чтобы быть готовым противостать фабрикациям.

1. Василькова, В.В. Коммуникативные функции и дисфункции мобильной связи в современном обществе [Текст] / В.В. Василькова, Ю.О. Обухова // Общество знания: от идеи к практике. Коллективная монография в 3-х частях. Ч. 2 Социальные коммуникации в обществах знания. Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. – СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 81–101.

2. Гарфинкель, Г. Понятие «доверия»: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение [Текст] / Г. Гарфинкель / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. – Серия 11: Социология. – 1999. № 4. С. 126–166.

3. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [Текст] / И. Гофман. – М.: Ин-т социологии РАН, Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004.

4. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.

5. Коллинз, Р., Бергер Б., Бергер П. Личностно-ориентированная социология [Текст] / Р. Коллинз, Б. Бергер, П. Бергер. – М.: Академический проект, 2004.

6. Наиболее распространенные обманы мобильных абонентов // Российский бизнес. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb.ru/inform/135917.html> (дата обращения 20.06.2011 г.).

7. Телефонное мошенничество: будьте бдительны! [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Билайн». – Режим доступа: <http://mobile.beeline.ru/msk/news/news.wbp?id=9ec78130-971a-41f2-8e7e-ca53db982f60&p=47> (дата обращения 11.04.2009 г.).

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 327:321.01

А.В. ШУКЛИН

1.

На протяжении всей своей истории Россия принимала во внимание внешнее окружение, та или иная схема взаимоотношений с ним отражалась и на ее внутриполитическом курсе. Долгое время определяющим фактором являлась религиозная идентичность, принадлежность к восточной ветви христианства, что автоматически подразумевало под собой общую цивилизационную принадлежность. Отношения же с представителями иных религий и конфессий зачастую были антагонистическими. Особенно отчетливо это проявилось после освобождения от ордынского ига, падения Константинополя и Флорентийской унии греков с турками, которую на Руси трактовали как предательство.

В этот период уже формируются мессианские идеи исключительности и богоизбранности, что во многом оказало существенное влияние на общественно-политическую мысль той эпохи и формирование апокалиптических настроений. Концепция «Москва – Третий Рим» наглядно показывает, что уже тогда Московское царство осознает себя частью мирового пространства, хотя бы и представляемого в то время в искаженной, мифологической форме.

Послание монаха Филофея не только утверждало главенствующее положение Москвы в христианском мире (концепция «Москва – Третий Рим»), но и провоцировало нетерпимость ко всему иностранному, влияло на выбор стратегии самоизоляции, вело к закоснелости общественного развития и неприятию инакомыслия. Это хоронило надежды на появление в стране социального и политического плюрализма, несмотря на трактовки данной концепции как мессианской идеи мирового спасения [4, с. 79].

Религиозная нетерпимость была настолько сильна, что спустя примерно полтора века потребовался указ Петра I, чтобы разрешить въезд иностранцев в Россию. Концепция «Третьего Рима» означала православную универсализацию, религиозную избранность и требовала военных побед над иноверцами (Казань, Астрахань, Ливонская война). Но для этого нужны зна-

ния и технологии, отсюда и вынужденная вестернизация, смягчить которую было призвано административное насаждение православия [6, с. 119].

При Петре Великом ощущается необходимость сближения со странами Европы с целью технологических заимствований, в первую очередь, вооружения. Тогда же значительно расширяется география контактов российских элитарных кругов, укрепляются связи с представителями западной цивилизации, начинается заимствование ее ценностей. Слишком очевидной была невозможность выполнения своей миссии в условиях отсталости и закрытости. Именно в петровский период Россия целенаправленно вышла из изоляции и приобщилась к круговороту мировой жизни. С того момента русская аристократия стала видеть себя частью европейской элиты, а в России началось культурное раздвоение, о котором впоследствии будут говорить Н.А. Бердяев, С. Хантингтон и А.Г. Дугин.

В советскую эпоху существовало свое идеологически обусловленное видение мировой политики, тогда были противопоставлены друг другу космополитизм и интернационализм. В эти два понятия, не смотря на их кажущееся сходство, вкладывалось различное содержание. Так, под космополитизмом понималась не его изначальная идея мирового гражданства, но реакционная буржуазная (т.е. относящаяся к капиталистическим странам) идеология, утверждающая национальный нигилизм, отрицающая государство и национальный суверенитет и служащая силам империализма. Идеологии космополитизма противостоял интернационализм, предполагающий наличие патриотизма, сотрудничества, равноправия и солидарности всех народов, вставших на путь социализма [11, с. 10–11]. В данных определениях налицо дифференцированный подход и ангажированность, предполагающие оценку проводимой политики в зависимости от идеологических предпочтений. В Советском Союзе представления о космополитизме и интернационализме как о двух версиях мирового устройства были результатом сложивше-

гося противоборства двух мировых систем – капитализма и социализма.

Интернациональное мировосприятие советской эпохи и связанный с ним стиль внешней политики были производными от осознания своего исторического предназначения, миссии, продиктованной наличием сильной идеологии, ее экспортом. На сегодняшний день проблема современной России заключается в том, что таковой идеологии у нее нет, символический капитал отсутствует, и в этом плане ей попросту нечего предложить миру, другим обществам и культурам. Взаимодействие же между ними в настоящее время настолько интенсивно, что они попросту начинают «вдавливаться» друг в друга.

2.

Это и есть *глобализация*, исторически и духовно обусловленное взаимопроникновение *цивилизаций*, она затрагивает все стороны жизни общественной жизнедеятельности. Системно ее можно представить как развитие интеграционных процессов, углубление и усложнение контактов, появление в мировой структуре новых связей и отношений. Глобализация проявляется в создании наднациональных политических и военных блоков, региональных и межрегиональных объединений, различных коалиций. В экономике тоже наблюдаются координация и интеграция, глобальное разделение труда, усиление роли и влияния транснациональных компаний, которые неизбежно проявляют себя и как политические акторы, глобализация идет и в сфере культуры [14, с. 121].

Но при системном рассмотрении во всех, – экономическом, политическом и культурном, – отношениях одновременно, неизбежно обнаруживается сложность, и порой даже разнонаправленность глобализационных процессов. Так, экономическая интеграция, вовлечение в мировое разделение труда, участие в качестве крупного игрока на рынке товаров и услуг вовсе не означает интеграции политической, не говоря уже об интеграции культурной. Напротив, налицо тенденция к усилению традиционализма, культурный сепаратизм, обособление, сопровождаемое широким экономическим и политическим сотрудничеством.

Глобализация создает среду для *межкультурного диалога* и взаимодействия. В современном мире она интегрирующий фактор. Если ранее цивилизации рассматривались как разнородные и изолированные друг от друга общества, то сейчас их мож-

но представить элементами одной мировой системы. При этом связи и отношения между ними асимметричны, то есть разные цивилизации имеют различную величину получаемых извне и исходящих импульсов.

Таким образом, глобализация сама выступает сложно организованной, динамичной и развивающейся системой цивилизаций, культур, социальных общностей. Она дает им возможность продемонстрировать свои импульсы, стимулирует их к дальнейшему развитию. Глобализация подразумевает объединение мира, но никто точно не может ответить, на каких началах. Попросту мир в ней подразумевается как единая система с какими-то консолидированными интересами. Она создает проблему соотношения общих и местных интересов, будь то экономическое развитие, выживание или даже антикарбонное движение. Что характерно, эта проблема острее всего там, где присутствуют этнический и конфессиональный аспекты.

На существование данной проблемы указывал Э. Геллнер, говоря о том, что при решении вопросов, выходящих за пределы юрисдикции нынешней утилитарной и бюрократической рациональности, то есть тех, основания которых следует искать не в разуме, а в «крови», страсти и преданности, политические деятели утрачивают привычную и надежную опору [3, с. 206–208]. Помимо экономических факторов, на ее решении сказываются исторический опыт, религия, язык, национальное самосознание. К тому же вступление в наднациональное объединение всегда влечет за собой потерю суверенитета, пусть даже и частичную. А с потерей суверенитета многие связывают и потенциальную утрату своей идентичности, что провоцирует усиление традиционализма и регионализацию общественной жизни. Отсюда и возник термин «глокализация», подчеркивающий амбивалентность и противоречивость глобализационных процессов [1, с. 98]. Если желание участвовать в экономическом наднациональном объединении и бывает велико, то политический блок создать уже гораздо сложнее, особенно когда существуют различия между политическим устройством партнеров.

Как уже было сказано выше, вся логика глобализации направлена на единение, интеграцию мира. В то же время, с другой стороны наблюдается и формирование новых контуров исторических цивилизаций.

К причинам такой реорганизации можно отнести то, что разные этносы включились в этот процесс с различных социально-экономических и культурных позиций, зачастую из разных исторических времен, у

них различные возможности и способности к освоению основополагающих ценностей друг друга. Это усиливает роль архаичной политики государственных, национальных и религиозных приоритетов. Отсюда и стремление многих обществ встроиться в глобальный мир по своим правилам [8, с. 106–107].

Межкультурный диалог и взаимодействие цивилизаций вместе со всеми проблемами идет не только в международном масштабе, что зачастую подразумевает под собой глобализация, но и в пределах одной страны или культурного региона. Внутри них можно найти субцивилизации, имеющие в своей основе определенный тип культуры.

3.

Особенно это актуально для такого географически протяженного, мультикультурного, полиэтнического и поликонфессионального государства, как Россия. Так, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, идеологии Запада (социал-демократия и либерализм) уходят корнями в протестантизм, а коммунизм – в раннее христианство, ближе к которому православие. Русский коммунизм, бывший идеологией народничества и славянофильства, нашел отклик в мировоззренческих основах широких масс, в основном крестьянства. В начале XX века в среде православных крестьян казалась самоочевидной идея «всеобщего предназначения имеющегося добра», а частная собственность трактовалась как небогоугодное настроение [7, с. 107].

О подобных вещах задолго до Кара-Мурзы писал русский философ Н.А. Бердяев. Он в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» называет практически те же самые идейные истоки Октября и нового политического режима, что и названные выше. Причем Бердяев указывает на то, что Россия развивалась через прерывность и изменение типа цивилизации, но всегда одинаковой оставалась «структура души», менталитет и, что немаловажно, мессианская составляющая. Менялись лишь идеологический базис государственности и направленность миссии, но не само мессианское сознание.

Россия является, согласно теории С. Хантингтона, «разорванной страной», то есть она имеет у себя одну господствующую культуру, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации [13, с. 209]. В то же время Россия является стержневым государством православной цивилизации, ее доминирование здесь бесспорно. И в случае если она действительно примкнет к иной цивилизации или же сменит свой цивилизационный тип, существует

опасность, что и вся православная цивилизация попросту исчезнет. Думается, что прав А.С. Панарин, по мнению которого российская цивилизация, коренящаяся в православном архетипе, должна активно участвовать в создании будущего облика мироустройства [10, с. 13–15].

Н.А. Бердяев, задолго до С. Хантингтона считавший Россию разорванной страной, указывал на то, что в ней существует столкновение между сознанием империи, выражаемом властью, и самосознанием населения. При этом в недрах последнего утверждались революционные настроения, а во власти – консервативные. Разорванность России, по Бердяеву, заключается в сочетании внешнего принудительного единства с отсутствием внутреннего ментального единства [2, с. 35]. Актуальность слов Бердяева и сегодня подтверждается большей распространенностью протестных настроений с высокой степенью оппозиционности, чем желания вести диалог с инакомыслием; ростом религиозного экстремизма, усилением традиционализма и разных форм нетерпимости, прежним отсутствием единства и цельности культуры.

Данная дифференциация может выступать в виде культурной «многоярусности», своеобразного внутрисударственного отображения многоярусности глобальной. Она представлена множеством разнонаправленных социальных практик, задающих правила социокультурного взаимодействия, которые, с одной стороны, могут обогащать и взаимодополнять друг друга при условиях движения к единой цели и диалога, о значимости которых говорил Ю. Хабермас [12, с. 92–93]. С другой стороны, равновесия между общекультурным прогрессом и регрессом быть не может, эти тенденции антагонистичны, и судьба страны, ее целостность зависит от того, какая из них окажется сильнее. Сегодня же наблюдаются, во-первых, надкультурные призывы к единству, а во-вторых, усиление этнокультурного и региональнокультурного разнообразия на мифологической основе.

Россия во многом напоминает глобализирующийся мир, тем, что наряду с процессами интеграции (в России централизации) наблюдаются асимметричность развития и фрагментация пространства. При этом разрыв между центром и периферией проявляется во всех сферах жизни общества, от экономики (построенной по образцам современного западного типа в крупных городах и полунатурального хозяйства в «глубинке») до культуры (инновационной и инерционной).

Российский политолог Д.Н. Замятин говорит о том, что разрыв между Москвой и Россией даже не пространственный, а временной: Москва живет уже по законам современного постиндустриального общества, регионы, вроде Урала, «застряли» где-то на мировом уровне индустриальных 1930-х годов, а отдаленные районы и вовсе живут еще по законам доиндустриального общества [5, с. 221].

По мнению современного исследователя А.В. Павлова, Россия не является культурой, существующей обособленно, она вписана в мировой процесс и содержит в себе в качестве русских явлений огромное число культурных напластований, имеющих внешнее для нее происхождение: китайское, арабское, западноевропейское, североамериканское и т.д. [9; 87]. При этом некоторые крупные регионы России, которые порой можно рассматривать как субцивилизации, подвергаются воздействию со стороны других цивилизаций (условно, южные регионы – исламская цивилизация, столичные города – западная и т.п.).

Можно говорить о том, что в России сейчас протекают подобные процессы, что и в современном мире в целом. Не оставляет никаких сомнений тот факт, что Россия сегодня втянута в глобализационные процессы, проблема ее существования в глобальном мире уже начала оказывать влияние и на внутреннюю политику. Однако на первый план пока выходят имен-

но экономические проблемы по причине их наибольшей очевидности и остроты. Глобализационный контекст, в котором сейчас находится Россия, требует критического анализа экономического, социального и политического порядка. При этом здесь более необходима не столько сама теория, которая смогла бы дать ответы на основополагающие вопросы и указать способы решения проблем, сколько создание условий для споров теоретиков.

Проблема заключается в том, что Россия как Россия сможет существовать, если расширит свое цивилизационное пространство, главным капиталом в котором будет капитал символический. И от того, как сама российская цивилизация будет консолидирована, от того, способна ли культура стать более интегративной, нежели дезинтегративной, в конечном счете будет зависеть и способность сохранения ее цивилизационного пространства. Влияние внешних факторов, возникающих в настоящее время в контексте глобализации, будет определять и внутреннюю структуру цивилизаций, придавать импульсы для развития их культур, диктовать те или иные закономерности общественного развития. В конечном итоге, от того, каким образом будет консолидирована российская цивилизация, будет зависеть и то, как Россия впишется в сложное, противоречивое, диалектическое единство глобального мира.

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества [Текст] / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. 188 с.
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. 220 с.
3. Геллнер, Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма [Текст] / Э. Геллнер. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. 252 с.
4. Дугин, А.Г. Проект «Евразия» [Текст] / А.Г. Дугин. – М.: Эксмо, 2004. 512 с.
5. Замятин, Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях [Текст] / Д.Н. Замятин. – М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
6. Имгатулин, Р.С. Социальный идеал: формирование и развитие цивилизационных стратегий Российской империи [Текст] / Р.С. Имгатулин // Философия и общество. – № 2 (54). Апрель – июнь. – 2009. С. 119–137.
7. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007. 640 с.
8. Мельник, В.И. Цивилизованность как мера развития индивида и общества [Текст] В.И. Мельник. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 168 с.
9. Павлов, А.В. Российский сюжет [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. – 2004. – № 4. С. 87–96; 2005. № 1. С. 86–91.
10. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Эксмо, 2003. 544 с.
11. Троицкий, Е.С. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление: социально-философские очерки [Текст] / Е.С. Троицкий. – М.: Сов. Россия, 1989. 272 с.
12. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Академия, 1995. 245 с.
13. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. 571 с.
14. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

РИТОРИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНА: КОМУ ВЫГОДНО?

УДК 32

В.С. МАРТЬЯНОВ

Понятие «идентичность» введенное в научный оборот в последние десятилетия пока весьма далеко от категориальной ясности. Находясь в ряду таких терминов, как «дискурс» и «менталитет», оно может обозначать в различных контекстах практически все что угодно. Содержание понятия «идентичность» пересекается с таким смысловым рядом, как аутентичность, подлинность, самость, само-удостоверяемость, самоопределение, тождественность самому себе. На латыни исходное понятие «*identitas*» и означало «тождественность».

Представляется, что идентичность в теории призвана являться одним из механизмов упорядочения многообразного содержания социальной реальности. В основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения Я и Другого, Мы и Они. При этом Другой может определяться и как Враг, и как Друг. Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и метафизическом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я. Когда сам процесс идентификации одновременно является и функцией самоописания.

Идентичность как проблема возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и начинается, как нечто самостоятельное, отслаиваться от неизменных сущностей и социальных ролей людей, характерных для статичного традиционного общества. Идентичность в современном понимании возникает путем проведения мыслительных границ, которые затем становятся реальностью и часто продолжают жить собственной, автономной от первоначальных денотатов жизнью. Актуальное состояние Модерна обнаружило факт разрыва между привычными социокультурными ролями людей, представлявшимися в традиционном обществе неизменными и вечными, и социальными идентичностями. Сущность из универсальной становится контекстуальной, коннотация часто определяет денотат. Более того, субъективно-ролевая по своей сути идентичность в условиях Модерна претендует на место сущности. Данная тенденция иллюстрирует тот факт,

что неизменные сущности в современном быстротекущем мире становятся все большим дефицитом. Идентичность оказывается не тем, чем является субъект на самом деле, но лишь ролью, тем, чем он хочет казаться. Отсюда возникает возможность произвольной смены идентичности, которая больше не тождественна сущности.

Идентичность представляет динамический субститут христианской модели человека в состоянии Модерна. Идентичности отрываются от своих привычных материй и получают автономное существование. Из подобного отрыва, например, вырастает вся современная гендерная проблематика, когда сущность пола превращается в идентичность гендерного конструкта, сущность этноса – в национальную идентичность, а классовая сущность трансформируется в нечто вроде «стиля жизни». При этом идентичности, заменив собой сущности, отсылающие к душе, вере, сословию, оказывают не меньшее влияние на представления о социальной реальности. Достаточно вспомнить о настойчивых поисках «среднего класса» в России. В целенаправленном конструировании «должного общества» идентичность «среднего класса» настойчиво приписывается всем, кому только возможно, всем, кто согласен (или молчаливо «не против») примерить на себя эту роль-идентичность. Отсюда и эффект гипостазирования, когда политическим «универсалиям» умозрительного порядка приписывается реальное существование. Таким образом, опираясь на «объективную самооценку», «свободу выбора» и аморфные критерии, человек охотно приписывает себя к престижной (нормальной) в его глазах идентичности. В результате идеологический фантом становится статистически весомым и репрезентативным.

Человек эпохи Модерна мультиидентичен. У него отсутствует одна идентичность, за исключением того, что он человек. Он меняет идентичности в зависимости от возраста, ситуации, культурного контекста, строения, гражданства. Государство может лишь установить правильную иерархию существующих идентичностей, с тем, чтобы минимизировать конфликтность и на-

пряженность, не более того. Идентичность превращается в проблему именно тогда, когда становится возможным ее выбирать. Ведь в сословном обществе, не говоря уже об обществе кастовом, идентичность передавалась из поколения в поколение в условиях «статичной» социальной реальности. На месте четко стратифицированных исторических общностей, сохраняющих устойчивое единство образа жизни, взглядов, целей и ценностей, возникло новое общество Модерна, описываемое сквозь призму концептов «гибридной», множественной, смешанной идентичности, теории «среднего слоя», «общества потребления», «информационного общества» с весьма размытыми и условными механизмами идентичности.

Идентичность как проблема возникает во время перемен, в ситуации, когда требуется объединить новой синтетической идентичностью традиционные «самоочевидные» идентичности, создать новое социокультурное коллективное Я, например нацию-государство. С другой стороны, переход от традиционного общества к обществу современному сопровождается взрывом новых идентичностей, которые фрагментируют общество, акцентируясь на частных и особенных интересах в противовес всеобщему. В результате современные синтетические идентичности, как правило, многосоставны. Например, идеальная «российская идентичность» опирается на целый комплекс критериев и символов, таких, как язык, история, территория, культурная традиция, общая мифология, религиозная картина мира, общность происхождения, обычаи и т.д. Соответственно определение достаточного набора признаков, а также выделение базовых и второстепенных параметров «российской идентичности», превращается в отдельную проблему.

В современном сложно устроенном обществе возникают не менее сложные иерархии идентичностей. Д. Драгунский выделяет пять уровней национальной идентичности: инфраструктурный уровень (уровень быта – пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система, розничная торговля – все то, что создает повседневный динамический стереотип); институциональный уровень (право, нормы поведения, образование, церковь и т.д.); уровень повседневности (устоявшиеся социальные, семейные, индивидуальные практики); ценностный (идеологический) уровень и, наконец, ментальный (духовный) уровень [1]. Комплексная идентичность распростра-

няется на все сферы человеческого существования, охватывая закономерности в индивидуальном и социальном действии, поведении и мышлении.

Подвижность и изменчивость социального кода идентичности облегчает ее целенаправленное конструирование, создание новых идентичностей. Сама возможность выбирать идентичность опирается на апологию освобождения, используемую, в первую очередь, как средство легитимации интересов меньшинств. Освобождение часто предстает как реализация или восстановление социальной справедливости. Но свобода и освобождение – не одно и то же. Если все граждане могут быть одинаково свободны в рамках нацигосударства, то освобождение, как правило, выливается в требование компенсации одним (пострадавшему меньшинству) за счет других (виновного большинства), порождая неравенство в виде так называемой «позитивной дискриминации» (квоты для меньшинств), политических привилегий «коренным народам» и т.п. Освобождение здесь трактуется как приобретение независимости от «принудительных» идентичностей высокого порядка, якобы закрепощающих и ограничивающих свободу, в пользу идентичностей более низкого порядка, основанных на частных и особенных интересах. Соответственно тотализирующие идентичности, предполагающие универсальность применения и равенство всех людей, рассматриваются в негативном ключе. В этическом аспекте ассимилирующие идентичности вообще трактуются как принцип зла. Апология новых «мультикультурных» идентичностей обычно опирается на религиозную идею спасения, переинтерпретированную Просвещением в идею свободы (эмансипации), которая связана с вполне посюсторонними коллективными интересами, ценностями и институциями.

С другой стороны риторику идентичности к своей выгоде пытается освоить и большинство. Как правило, она выливается в попытку властвующей элиты заигрывать с меньшинствами, смягчать реальные социально-политические конфликты и противоречия в обществе. Здесь очевидные политические претензии и интересы новых меньшинств обычно сводятся к абстрактным теориям толерантного сосуществования разных групп, идеологии мультикультурализма, поиску консенсуса как главной ценности, демагогическому удержанию «различий внутри единства» (А. Этциони). Тем не менее, «благие пожелания» элит не

только не препятствуют, но скорее способствуют тому, что групповые идентичности меньшинств в современных обществах постоянно размывают общую идентичность, то есть базовое социокультурное ядро наций-государств. Опыт стран ЕС, США и России доказывает практическую несостоятельность идеологии «плавильного котла». Ассимиляция меньшинств остается недостижимой мечтой стран «первого мира», а борьба субкультур в мультикультурном обществе за нормативность, наоборот, становится все острее.

Более того, в политической сфере проблема идентичности сегодня используется как первый шаг в легализации социально-политических проблем и конфликтов, которые пока не могут быть высказаны в силу тех или иных причин на приемлемом в данном обществе политическом языке. Речь идет о признании прав и привилегий различного рода меньшинств (иммигранты, языковые, конфессиональные, сексуальные и нацменьшинства), для которых дискуссии об идентичности являются пробным камнем последующих политических претензий. Синтетические идентичности высокого порядка оказываются неспособны подчинить идентичности более частного порядка, разрушающие их изнутри. Общие смыслы, институты, структуры и практики, составляющие социокультурное ядро общества все чаще не без помощи постмодернистских теорий, отрицающих универсальное, попираются частными интересами.

В целом дискредитация теорий современных обществ как «классовых» обусловила необходимость поиска новых структурно-ролевых идентичностей. Очевидным трендом является кризис синтетических идентичностей нация-государство, класс, идеология и эффективность идентичностей более мелкого порядка. Актуальный конфликт идентичностей обостряется на общем фоне принципиальных споров ассимиляционистов и мультикультуралистов. Ассимиляционисты пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня, в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным выходом из ситуации борьбы идентичностей может стать лишь «правильная» иерархия идентичностей. Соответственно ахиллесовой пятой ассимиляционизма является проблема законодателей: неясно, «кто» будет составлять эту правильную иерархию, определять главное и второстепенное, всеобщее и частное, не будучи

ангажирован теми или иными социальными интересами.

Идея мультикультурализма исходит из аксиомы плюрализма, то есть возможности максимально полного выражения интересов всех общественных групп. Правда, при этом мультикультуралисты часто совершают подмену понятий, облекая политические претензии меньшинств не в политическую, но в культурологическую и моралистическую риторику. Начиная с требований культурного плюрализма, адепты мультикультурализма неизменно приходят в финале к политическим требованиям. Проблема в том, что новые идентичности выделяются и конструируются, как правило, вовсе не с благой целью их последующего включения в «правильную иерархию интересов». Новые идентичности создаются не для последующего консенсуса или слияния, наоборот, идентичности связаны: а) с обособлением и отстаиванием коллективных интересов тех или иных групп (этнических, религиозных, иммигрантских, языковых и т.д.); б) с претензиями на право участия в политике, которое является следствием признания мультикультурным обществом их «особой» идентичности. Актуальный мультикультурализм, акцентируя значимость и ценность групповых отличий, теоретически выстраивает себя на внутренней противоречивости Модерна.

Мультикультурализм претендовал на построение системы глобальной политической идентификации, однако так и не смог решить проблему сосуществования интересов и различных групповых идентичностей в рамках политической демократии, предполагающей реальную конкуренцию и иерархию различий и интересов. Оказалось, что на практике мультикультурализм мгновенно оборачивается этнонационализмом, а различия – борьбой за основанные на них привилегии и нормы. В результате требования равнозначности, плюрализма и толерантности остаются лишь абстрактными императивами. Тем более, что значимость различий для социальных субъектов в интересубъективном общественном пространстве не может проявляться лишь в теоретических пожеланиях по поводу способов их толерантного сосуществования, но только через волю к определению реальной значимости отличий, их закреплению в законах, подчеркивания их асимметрии, исключительности, привилегированности.

В результате, вместо интеграции групп интересов на основе «общечеловеческих» ценностей и институтов шел процесс раз-

рушения суверенитета и идентичности наций-государств как изнутри, так и снаружи. Это привело к закономерному падению уровня самоидентификации индивидов и их общностей к догосударственному и донациональному. Таким образом, претензия на глобальность обернулась архаизацией, разрушением единства просвещенческого проекта. Ситуация «взрыва» новых идентичностей будет иметь серьезные политические последствия. Не исключено, что размывание исторического социокультурного и этноконфессионального ядра сложившейся ранее национально-государственной идентичности стран ЕС, США и России станет в среднесрочной перспективе необратимым.

Вместе с тем, в плюрализме идентичностей и мультикультурализме нет ничего априорно плохого, они объективны в современных обществах. Плюрализм идентичностей превращается в проблему именно тогда, когда переводится в политическую плоскость. В результате набор устойчивых, базовых политических идентичностей начинает разваливаться на множество фрагментирующих идентичностей, претендующих на статус политических. На наш взгляд, единственным выходом из подобной ситуации являются практика де-политизации мультикультурализма, запрет на политизацию идентичностей, основанных на расе, этносе, религии или поле. Например, из признания языковой, этнической и других видов идентичности не могут вытекать политические права, а сама идентичность использоваться как механизм достижения этих прав.

Множественные идентичности в современных обществах практически невозможно ассимилировать. Возможности регулирования нарастающих конфликтов заключены в иерархизации идентичностей и определении общих правил игры, которые, естественно, никогда не удовлетворят все заинтересованные стороны. Для этого требуется: а) определить набор базовых ценностей, принципов и институтов, которые всегда будут иметь преимущество в спорных ситуациях; б) определить формы, методы, условия и границы лоббирования коллективных интересов, то есть четко определить сферы политического и неполитического. Как замечает А.Этциони «... в каждом обществе общее ядро идентичности и культуры изменялось с течением времени и будет изменяться дальше. Следовательно, меньшинства, которые заявляют, что это ядро не отражает те ценности, которые им дороги, могут свободно предпринимать попытки его изменить — посредством тех де-

мократических и общественных процедур, которые предназначены для реализации этих целей во всех свободных обществах...» [2]. В противном случае без попыток определения «общих правил игры» плюрализм идентичностей, как показывает практика, неизбежно обернется борьбой всех против всех, борьбой за нормативность в политике частного и особенного.

В настоящее время, наиболее благоприятную среду для конструирования новых идентичностей являют собой переходные общества, переживающие социальные и интеллектуальные трансформации. Где политика стала своего рода конструктором новых идентичностей. Очевидно, что политическая риторика элиты в трансформирующемся обществе призвана заполнить тот вакуум, который возникает из разрыва вчерашних теоретико-идеологических моделей описаний общества и новой действительности, того, что «было», «есть» и «должно быть». Ситуация усугубляется тем, что трансформации российского общества накладываются в России на адаптацию к глобальному обществу «радикального Модерна» (Гидденс). Переходный характер российского общества, надлом прежних институтов и коллективных политических практик, дискредитация модернистских идеологий обуславливают выдвижение на первый план неустойчивых механизмов политической идентификации. Например, в области политики постепенно уходят в прошлое программно-идеологические партии и сами идеологии как способы идентификации. Идеологии превратились в материал для постидеологических конструкторов идентичности. Популизм смешивает антагонистичные аксиомы классических идеологий, что было бы невозможно, если бы эти идеологии были значимы, если бы с ними идентифицировались реальные социальные группы.

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем», вместо рационализирующих политику идеологий Модерна, становится архаизирующая модель политического мифа. Начинают активно формироваться новые идентичности, противостоящие идентичностям, связанным с государством-нацией, гражданским обществом, классами и модернистскими идеологиями. Наиболее яркие образцы этой негативной политической идентичности принадлежат крайним частям политического спектра. Экстремистская риторика в рамках архетипического для политики кода «мы-чужие» создает

новые виртуальные общности, связанные с мифологемами земли, крови, религии, расы. Вместо идеологических картин мира предлагается логика мифа, увлекающая своей метонимически-метафорической формой. Политическая действительность из монолитно-идеологической становится лоскутной, причем эти лоскуты реальностей, историй, идей не «сшиты» между собой. Логика отдельных лоскутов, актуализация их как микромоделей всего «одеяла» как раз и являет собой технику рождения новых идентичностей. Создателям новых идентичностей не нужно легитимировать себя универсальными критериями Просвещения, не нужны неизменные социальные истины и сущности. Общность идентичности создается в определенном контексте и даже в определенной точке пространства-времени, чтобы затем так же быстро раствориться, исчерпав разовую проблему.

По сути, речь идет о гражданской либерализации государства, когда политическое тождественно гражданскому. Все прочие идентичности нуждаются в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим пространствам. Создание политической нации заключается, прежде всего, в «постройке» легитимной и справедливой в глазах большинства иерархии идентичностей. Очевидно, что эта универсальная иерархия идентичностей, отделяющая политическое и неполитическое, вряд ли удовлетворит все группы интересов. Тем не менее, отсутствие универсальных критериев и общепризнанных ценностей провоцирует лишь войну идентичностей, где проигравшими станут все.

Например, не является ли взрывной рост внутренних Других после советской империи просто свидетельством кризиса политического режима, который так и не смог предложить все более неодновременному российскому обществу интегративную политическую идентичность нации-государства? И вследствие этого, как ни парадоксально, не является ли самой эффективной национальной политикой в современном полиэтничном государстве ее отсутствие? Здесь для государства и его представителей согласно императиву классического либерального индивидуализма все жители страны являются только гражд-

данами, равными перед законом. Все прочие идентичности как различия – половые, этнические, конфессиональные – являются частным делом граждан и их корпораций, которые государство не должно регулировать: не разрешать, но и не запрещать. То есть, не вмешиваться до тех пор, пока подобные организации не преступят права и свободы прочих граждан. Именно как граждан, а не бурят, либералов или католиков.

Когда-то на заре человечества «человеком» считался только представитель локальной группы-племени, затем этноса, нации и расы. Не настало ли время признать человеком любого представителя человечества? И на основе этой единой идентичности строить глобальную социально-политическую этику. Поскольку любая более частная теория идентичности в своей изнанке является расистской и разделяющей. Единственная неконфликтная идентичность в политике – это идентичность человека и гражданина. Манипулирование идентичностями, приписывание человеку и отдельным группам людей разнообразных идентичностей в то же время возводит границы между этой виртуальной группой и прочим человечеством. Будь то классовая, этническая, цивилизационная, конфессиональная и любая иная идентичность, разделяющая людей, во имя которой они готовы отдать многое, в том числе и жизнь. И чем более самоочевидный и естественный статус приписывают идентичности (на генетическом, культурном, классовом уровне), тем труднее от нее абстрагироваться. Хотя часто вера в свою идентичность является не более чем сконструированным идеологическим идолом вдобавок к известным идолам Бэкона, который оборачивается неуниверсальной, архаической идентичностью.

Представляется, что политическое регулирование механизмов идентичности в условиях дрящезага Модерна требует отдавать предпочтение иерархическим, а не плюралистическим стратегиям. Это предполагает отказ от политики мультикультурализма, которая в благих целях на самом деле создает все новые разделенные воображаемые общности. И не все из них конструируются во благо людей.

1. Драгунский, Д. Пять уровней идентичности [Электронный ресурс] / Д. Драгунский. – Режим доступа: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm> (дата обращения: 13.07.2010 г.).

2. Этциони, А. Различие внутри единства [Электронный ресурс] / А. Этциони // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a057.htm> (дата обращения: 13.07.2010 г.).

СПЕЦИФИКА ПОЗИТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 323

А.Г. ЖУКОВСКИЙ

В XX веке перед учеными, работавшими в спектре политической теории, неизбежно вставал вопрос, возможно ли рациональное разрешение важнейших политических проблем, таких, в частности, как определение наиболее подходящей формы правления, государственного устройства, собственно роли государства в обществе. Для европейской политической философии, начиная с мыслителей античности, таких, как Платон и Аристотель, и заканчивая виднейшими философами Нового времени, такими, как Гегель или Маркс, была присуща убежденность в возможности и необходимости рационального рассмотрения политики и политической морали.

Именно рациональный подход к политике и послужил основанием для возникновения политической теории как науки, в противном же случае, если бы вопросы политической морали были бы признаны личным делом, индивидуальным выбором каждого конкретного человека, то сам смысл существования политической теории был бы потерян.

Представители классической политической мысли, стремившиеся рационально обосновать правоту своих теоретических выкладок, справедливость провозглашаемого ими идеального политического строя, наилучшей формы правления и т.д., были убеждены, что существует некая истина, подтверждение которой возможно путем обращения к разуму, к эмпирическому опыту или к какому-либо иному авторитету. При этом каждое направление классической политической мысли претендовало на объективность и универсальность, однако, как показывала практика, различные политические теории не только различались в содержании, но и прямо противоречили друг другу, что не могло не вызывать вопроса относительно критериев их достоверности.

Как пишет исследователь политической теории Т.А. Алексеева, сам факт, что выводы политических теорий находились в противоречии друг с другом, наталкивал на серьезные размышления о верности самих эпистемологических принципов, на которых строились данные политические теории [1,

с. 78]. В самом деле, как можно говорить о статусе политической теории как науки, когда положения ее различных направлений прямо опровергают друг друга: одни политические исследователи работают в марксистском направлении, определяя в качестве главного направления политологического исследования изучение классов и классовой борьбы, другие заостряют внимание на политических институтах, третьих волнует влияние поведения индивидов на политическую жизнь общества в целом.

Можно говорить о том, что в «развенчании» классической политической науки ведущую роль сыграло такое философское направление, как логический позитивизм. Строго говоря, логический позитивизм непосредственно как философское направление имел весьма опосредованное отношение к политике, хотя и развивался в один из наиболее политизированных периодов в истории Европы – в 1930-е гг. То, что на основании логического позитивизма оказалось возможным подвергнуть критике претензию на истинность различных политических теорий, обуславливалось, в первую очередь, эпистемологическими представлениями мыслителей, которых принято относить к логическому позитивизму.

Представителями позитивизма был принят на вооружение принцип верификации. Следовательно, политические концепции, опирающиеся на метафизические построения, в действительности не представляют собой ничего, кроме субъективных высказываний их носителей, т.е. практически не имеют смысла и ценности. Теряют смысл суждения о надлежащей природе государства, проекты наилучшего государственного строя и формы правления, иные предложения, выдвигавшиеся представителями классической политической мысли.

Как известно, классическая политическая теория нормативна, поскольку она предлагает те или иные ценности, нормы и модели поведения. При этом широко используются такие абстрактные понятия, как «добро» и «зло», «справедливость», «благо» и т.п., однако подтвердить правоту нормативных теорий эмпирическим путем невозможно, не существует и каких-либо эмпирических кри-

териев реальности существования используемых политической теорией отвлеченных понятий. Нормативная политическая теория была истолкована представителями позитивизма как проявление выражения эмоций, следовательно – как субъективное, а не как объективное явление.

Между фактическими аргументами и провозглашаемыми ценностями отсутствует логическая связь, поэтому отношение не может происходить из убеждений. Именно этот вывод, как отмечает Т.А. Алексеева, «нанес мощнейший удар по «классической» традиции политической мысли, поскольку обычно она пыталась определять благо, опираясь на то, что считала фактами об условиях человеческого существования» [1, с. 87–88].

И все же логический позитивизм не до конца разрушал основания политической теории. В частности, позитивизм подтверждал, во-первых, возможность политического исследования, осуществляемого эмпирическим путем, а во-вторых, – возможность подвергнуть логическому анализу определенные политические теории [1, с. 88].

Эмпиризм позитивистов привел к выдвиганию ими двух основных подходов к изучению политики – индивидуалистического и бихевиоралистического. И индивидуализм, и бихевиорализм в наибольшей степени отвечали позитивистской концепции, поскольку рассматривали общество и политику через призму отдельных индивидов и их поведения. Именно использование индивидуалистического подхода позволяло позитивистам определить эмпирическое содержание ключевых политических понятий, которые в данном контексте рассматривались как проявление личных убеждений и поведения конкретных личностей.

Поскольку социальное, по сути, есть совокупность проявлений поведения индивидов, можно говорить о том, что политическая теория имеет под собой эмпирические основания. Именно основанной на эмпирических фактах и видели позитивисты политическую теорию, при этом полностью отвергая ее нормативное содержание. Т.е., политическая теория должна была приобрести, с точки зрения представителей позитивизма, сходство с естественными науками, также опирающимися на эмпирические факты.

Как пишет исследователь Барбара Крауз-Мозер в своей работе, посвященной теории и методологии политики, «принятие аналитически-эмпирической модели склоняет нас к признанию существования принципа единства науки. Последствия этого утверждения имеют довольно серьезное значение для методологического статуса

общественных наук, тем более, что вместе с естественными науками они входят в состав прикладных наук, отличительной чертой которых является свойственная им эмпиричность» [7, с. 61].

Если прежде политическая теория играла роль генератора предложений и рекомендаций для сферы реальной политики, то с точки зрения позитивистов, ей предстояло отказаться от прямой вовлеченности в политическую жизнь и споры различных политических доктрин и обратить свое внимание не столько на выработку идеальных форм государственного и общественного устройства, сколько на изучение политики со стороны.

Надо сказать, что во второй половине XX века эта точка зрения, культивируемая представителями позитивизма, получила широкое распространение в западной политической мысли и нашла многочисленных сторонников, что, разумеется, отнюдь не означало прекращения существования классической политической теории. Скорее можно говорить о том, что наметилась тенденция к установлению диалога между позитивистской парадигмой и классической политической теорией, чему, во многом, способствовало появление такого направления политического исследования как бихевиорализм, ориентированного на изучение политики через призму поведения индивидов и завоевавшего прочные позиции в зарубежной, в первую очередь, американской политической науке в 1920-е – 1940-е гг. и в послевоенный период.

Отметим, что поведение и особенности психологии индивидов и их групп изучались с целью получения более полных знаний о политическом мире на всех предыдущих этапах развития политической теории. Ч. Мэрриам [8] отмечает, что попытки изучения политического поведения человека и выявления его основных политических характеристик имели место и прежде, отдельные подтверждения чему можно обнаружить в трудах таких философов, как Аристотель, Макиавелли и Локк. Представители натуралистической школы естественного права обращались к рассмотрению «естественного состояния» человека, однако рассмотрение это происходило в произвольном порядке воображения, который не поддается верификации, необходимой научному знанию. И лишь с развитием бихевиоралистского направления в политологии изучение политического поведения человека приобрело научный характер, основываясь на эмпирическом наблюдении, а не на абстрактных умозаключениях.

Объектом изучения политического поведения в рамках бихевиоризма выступает

поведение реальных, конкретных людей, конкретные стимулы и ситуации, побуждающие их (людей) к определенному поведению и решению. Задачей исследования политического поведения является не только изучение реального поведения людей, его причин и целей, но и выработка определенных ориентиров в практической политике с целью корреляции политического поведения людей. В данном контексте главной задачей бихевиористов является систематическое наблюдение за политическими процессами и повседневное воплощение реальных социальных и политических практик в политической жизни общества.

Несомненно, что бихевиорализм развивался под сильным влиянием позитивистской парадигмы, хотя он и не является полностью тождественным позитивизму. Существующие точки соприкосновения между позитивизмом и бихевиорализмом сводятся к определению критериев верности политической теории. От адекватной политической теории ожидается, прежде всего, эмпирическая проверяемость, возможность создания таких предложений, которые могли бы быть впоследствии доказуемы эмпирическим путем, внутренняя логичность и возможность соотносимости и взаимодействия с другими политическими теориями.

Таким образом, выносятся предложение передать морально-этические вопросы политики в компетенцию философов, а собственно политологическое исследование сосредоточить на изучении особенностей политического поведения людей [9].

Политический процесс основывается на естественном поведении человека, в первую очередь на присущей человеку воле к власти, которая для любой политической доктрины выступает конечной целью и, в то же время, ключевым средством для воплощения в жизнь пропагандируемых программных установок. Здесь представители бихевиорализма сходятся с М. Вебером, писавшим, что «политика – это борьба за власть или влияние на тех, кто обладает властью, она охватывает борьбу между государствами самими по себе и борьбу между организованными группами в рамках государства» [3, с. 646]. Однако в понимании бихевиоралистов, власть обладает гораздо более широким содержанием. Все политические отношения можно свести к одному знаменателю – стремлению к власти. Не всегда и не везде это стремление к власти осознается людьми, которые проявляют его на деле, но в действительности, по мнению бихевиоралистов, именно оно является

главной мотивацией любых действий, направленных на завоевание формального или неформального авторитета в какой-либо сфере жизнедеятельности общества, достижение карьерного роста и т.д.

Если представители классической политической теории мыслили власть в непосредственной связи с государством, то для бихевиорализма власть существует также и вне государственного поля, скорее государство представляет собой выражение «воли к власти» отдельных индивидов. «Единственное, что присуще всем типам отношений власти и влияния, – писал Г. Лассуэлл, – это воздействие на политику. То, как проявляется воздействие и на какой основе оно осуществляется, суть преходящие моменты, конкретное содержание которых в определенной ситуации можно установить, лишь изучая реальные воздействия находящихся в этой ситуации субъектов» [1, с. 94; 10, с. 92].

Исследователи, работавшие в бихевиоралистском направлении, в первую очередь, Г. Лассуэлл, внесли значительный вклад в модернизацию понимания власти и ее взаимосвязанности с естественным поведением человека. Политическая теория получила новое прочтение за счет соединения с элементами психологии, изучающими поведение людей, чему была посвящена работа Лассуэлла «Психопатология и политика». Как пишет Ч. Мэрриам, «политика предполагает глубокое изучение основных привычек, черт, предрасположенностей индивидов, от которых зависит политическое действие» [8, с. 171].

Таким образом, политическая система представляет собой некий установившийся баланс этих стремлений к власти, который одним стремлениям дает развиваться, другие уравнивает, не допуская перекошен в ту или иную сторону. В случае нарушения баланса политическая система деформируется, в ней начинают преобладать либо чересчур жесткие, централистские и диктаторские, тенденции, либо же власть распадается, и общество децентрализуется и дезорганизуется, после чего происходит крушение политической системы. Лассуэлл рисовал политическую систему как своеобразный «рынок властей», где происходит конкуренция между различными стремлениями к власти конкретных индивидов. Кстати, такой подход к изучению власти сквозь призму дифференциации и интеграции политических элит, где основной акцент делается на изучении политических институтов, избирательных кампаний, отношений внутри господствующих групп

до сих пор является доминирующим в политической науке [2, с. 78].

Задачей государственной власти в данном случае оказывается поддержание баланса в обществе, предохранение его от возможного разрушения в результате столкновения различных стремлений к власти. Таким образом, государство выполняет роль арбитра в игре «воль к власти», при этом оно находится над всеми властями и обладает полномочиями по их распределению.

Политическая наука Лассуэллом и его последователями рассматривалась как исследование формирования и распределения власти, или же, выражаясь словами Дж. Катлина, феномена власти, «принимая во внимание временную гипотезу об основных, но неверно осмысленных порывах к власти как определяющую» [6, с. 118]. Политика всегда заключается в изучении власти, конкретизируемом применительно к любому обществу [5, с. 172], поэтому ее можно, в принципе, определить как «исследование правительства», разумеется, понимая под термином «правительство» не кабинет министров, а сам процесс управления [6, с. 113].

Как утверждают сторонники бихевиоралистского подхода, именно на поведенческих особенностях индивидов, выраженных в стремлении к власти, основывается общественная организация в целом и ее отдельные институциональные проявления, в частности, государство, религия и т.д.

Вслед за З. Фрейдом можно допустить утверждение, что человеческая природа не только не противится, не только нуждается, но буквально требует создания властных структур. Однако, как и любое другое, это утверждение необходимо эмпирически подтвердить. Ведь очевидно не только то, что люди нуждаются во властных структурах, но и то, что одновременно они выража-

ют стремление к свободе от этих властных структур, которое на практическом уровне выражается в бунтах против власти. Стремление к свободе столь же присуще человеческой природе, как и стремление к власти, поэтому подавление стремления к свободе может привести к дисбалансу в обществе и к катастрофическим последствиям, нивелировать которые возможно только при помощи государственного насилия. Однако и максимизация свободы приводит к последствиям, которые Гоббс окрестил «войной всех против всех». Как пишет Р. Даль, максимизация свободы вызовет рост нестабильности в обществе, т.е. приведет к тем же последствиям, что и ее подавление [4, с. 143].

Между властью и свободой устанавливаются своего рода рыночные отношения, тот самый «политический рынок». Взамен на удовлетворение определенного желания индивид должен выполнить предъявляемые к нему требования. Иными словами, для сохранения свободы, желаемой индивидом, следует продемонстрировать лояльность к власти, поддержать ее.

По мере развития бихевиоралистского подхода укрепилась точка зрения о том, что политологическое исследование все же следует начинать с теоретического анализа, дополняя его эмпирическими данными, что сможет обезопасить исследование от чрезмерного увлечения деталями. Кроме того, теория осуществляет координацию направлений эмпирического исследования, определяя, что именно и каким образом должно быть исследовано, на что следует делать определенный упор. В современном пост-бихевиорализме теории отводится главная и центральная роль в политологическом исследовании, хотя важность эмпирических наблюдений при этом, естественно, не умаляется.

1. Алексеева, Т.А. Современные политические теории [Текст] / Т.А. Алексеева. – М., 2001.
2. Анипкин, М.А. Социальная и системная интеграция власти: конструирование показателей для социологического анализа [Текст] / М.А. Анипкин // Власть. – 2008. № 11.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
4. Даль, Р. Политическая теория: истина и последствия // Политическая теория в XX веке [Текст] / Р. Даль. – М., 2008.
5. Дойч, К. О политической теории и политическом действии [Текст] / К. Дойч // Политическая теория в XX веке. – М., 2008.
6. Катлин, Дж. Политическая теория: что это такое? [Текст] / Дж. Катлин // Политическая теория в XX веке. – М., 2008.
7. Крауз-Мозер, Б. Теории политики: методологические принципы [Текст] / Б. Крауз-Мозер. – Харьков, 2008.
8. Мерриам Ч. Новые аспекты политики (отрывки) // Социально-политический журнал. – 1996. № 5.
9. Павлов, А. Гражданская война политической теории [Текст] / А. Павлов // Политическая теория в XX веке. – М., 2008.
10. Lassel, H. Power and Society: A Framework for Political Inquiry [Text] / H. Lassel, F. Kaplan. – New Haven (Conn.), 1962.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ИТОГИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 323

К.А. АЛЬБЕКОВ

Одним из условий эффективности публичной власти является воспроизводство позитивных факторов развития государства и общества, имеющих под собой конституционные основания, которые в правовом государстве обеспечивают стабильность государства, общества, согласование публичных и частных интересов. При этом должны быть нейтрализованы негативные тенденции, которые неизбежны в силу внутреннего конфликтного потенциала самой публичной власти, отражающей состояние конфликтности, противоречивости общественных процессов, особенно в условиях постоянных реформ. Для нашей страны проблема государственного управления в настоящее время является одной из самых актуальных. В процессе реформирования государства ставилась задача овладеть наукой управления, создать эффективный управленческий аппарат, совершенствовать систему органов управления, формы и методы их деятельности.

Реформирование государственного управления является одним из направлений оптимизации структуры органов исполнительной власти. Система и структура органов исполнительной власти на федеральном уровне за период с 1992 по 2005 г. изменялась неоднократно, с периодичностью один раз в 2 – 4 года [6; 7].

При всем сходстве причин, целей и характера мероприятий по реформированию институциональной структуры государственной власти и управления, проводимых в предшествующие годы и в настоящее время, важно отметить качественно новый подход к решению проблемы. Основной акцент сделан на тщательном анализе и всесторонней оценке функций исполнительного аппарата, их адекватности требованиям развития рыночной экономики. Одним из направлений реформы системы государственного управления являлась его децентрализация. Эффективное функционирование единой системы невозможно

без решения проблем, связанных с перегруженностью федерального центра различными управленческими функциями; наличием громоздкого управленческого аппарата на всех уровнях власти; вмешательством федерального центра в компетенцию органов государственной власти субъектов Федерации. Отсутствие законодательно закрепленной взаимной ответственности (в законодательстве установлена ответственность субъекта Федерации) за неисполнение обязанностей также не способствует созданию и функционированию единой системы. Существование подобных проблем не может не сказаться на эффективности государственного управления в целом, предопределяет необходимость дальнейшего поиска оптимальных форм проведения административной реформы. Для преодоления подобного состояния необходима концептуальная реформа государственного управления, охватывающая все его области [1, с. 262].

Одной из главных проблем системы государственного управления на современном этапе было преобладание типичного над уникальным, а также прямых вертикальных связей над горизонтальными взаимосвязями и обратными связями. В итоге сложилось управление, характерными чертами которого были «единообразие, центризм, унифицированность, безответственность первых лиц, формализм» [2, с. 198].

Подобная неравновесность приводит к неспособности системы государственного управления реагировать на внешние и внутренние вызовы. Использование мирового опыта построения равновесных систем государственного управления подразумевает «признание системы государственного управления в качестве органической системы, составные части и элементы которой многообразны и способны к непрерывному саморазвитию» [1, с. 70].

Модернизация публичной власти, в том числе в рамках формирования ее инс-

титucionalной структуры в рамках проведения административной реформы, имеет свои параметры, которые устанавливаются законодательством, прежде всего Конституцией. Это диктуется необходимостью предотвратить злоупотребление властью, не допустить использование ее возможностей для несанкционированного удовлетворения частных, корпоративных интересов в ущерб общим. Кроме того, модернизация публичной власти основывается на объективных предпосылках – экономических, социальных, духовных, поскольку политическая жизнь находится в диалектической связи с указанными сферами. Более того, публичная власть детерминируется социально-экономическими и духовными факторами жизни гражданского общества (даже если гражданское общество находится на начальной стадии формирования) [5, с. 65].

Модернизация власти должна основываться на сохранении традиционных политических ценностей, учете конфессионального, национально-этнического, половозрастного, профессионального состава населения, идеологических воззрений и т.д., что весьма важно для обеспечения представительного характера выборных органов публичной власти. Субъекты модернизации должны учитывать степень покоя и возбуждения национальной, конфессиональной и иной доминанты в жизни общества. Уважение указанных обстоятельств вытекает из принципа автономии гражданского общества. Почти все названные факторы имеют конституционные параметры реализации, зафиксированные в принципе равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ).

В рамках административной реформы также особое значение придается функции оказания государственных услуг гражданам и юридическим лицам.

Сущность государства и его социальное назначение являются решающими в определении направленности его деятельности, целей и задач. В свою очередь, функции государства зависят от тех задач, которые стоят перед обществом на данном этапе развития. И задачи, и вытекающие из них функции не являются произвольными, они зависят от уровня развития общества, его экономических возможностей, потребностей и интересов населения и пр. Патерналистскому государству, которое «опекает» все сферы жизни, нет места в гражданском обществе, оно преобразуется в «слугу», выполняющего только необходимые и полезные для общества функции. В таком соот-

ношении государства и общества именно гражданское общество должно определять, что является для него социально значимым, что оно поручает государству, какие функции на него возлагает. Только тогда «государственные услуги» станут действительной системой отношений личности и юридических лиц с государственными структурами.

В последнее время в публикациях достаточно часто поднимается вопрос о формах государственного управления. Интерес к формам государственного управления обусловлен признанием того, что государство осуществляет не только властное, обязывающее государственное управление, но и позитивное государственное управление, в том числе предоставляя гражданам государственные услуги [3, с. 145].

Обсуждение вопроса о формах государственно-управленческой деятельности непосредственно связано с двумя серьезными проблемами. Во-первых, это вопрос о двух видах государственного управления (властном воздействии и организационно-предоставляющем управлении), во-вторых, вопрос о том, каким образом (способом) последний вид управления, т.е. позитивная государственно-управленческая деятельность, может осуществляться, а именно возможно ли использование не только публично-правовых, но и частноправовых форм.

Среди десяти целей Программы административной реформы на 2005–2010 гг. [4] можно выделить те, которые непосредственно отражают рост качества государственного и муниципального управления: повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг; повышение общественного доверия к государству, обеспечение ориентации деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления на потребности общества и конкретных клиентов, оптимизацию и модернизацию административно-управленческих процессов за счет внедрения стандартов государственных и муниципальных услуг, а также административных регламентов, включая электронные административные регламенты; внедрение механизмов досудебного обжалования и административной юстиции; обеспечение внедрения механизмов прозрачности и эффективного взаимодействия органов исполнительной власти со структурами гражданского общества.

Среди всех планируемых результатов предполагалось, что реализация Програм-

мы позволит достичь следующих социально-экономических результатов: обеспечит рост качества жизни за счет повышения качества и доступности государственных услуг; упрочит общественное согласие за счет развития активного участия граждан и организаций, структур гражданского общества и делового сообщества в разработке и принятии решений исполнительных органов государственной власти. Таким образом, качество управления как цель административной реформы представляло собой, прежде всего, качество взаимодействия органов исполнительной власти и управления и граждан (организаций граждан).

Главный, но почти не обсуждаемый вопрос любой административной реформы – целевое изменение власти как важнейшего института государства, наиболее полно воплощающего саму идею государственности. Любая административная реформа, целенаправленно изменяя меру, качество и силу исполнительной власти, одновременно изменяет суть государства, поскольку мера власти есть степень присутствия государства в жизни общества, качество власти – способность государства рационально и только в интересах общества использовать законодательно закрепленные за ним огромные общественные ресурсы (административные, бюджетно-налоговые, собственности и др.) и сила власти – возможность государства обеспечивать правопорядок и проводить в неразрушающем режиме адаптационные и реформационные преобразования общественных отношений. Поэтому проведение любой административной реформы неизбежно становится способом придания нового облика государству.

Системный анализ эффективности организации управленческой деятельности органов публичной власти свидетельствует, что на настоящее время в России население является объектом управления, а не потребителем государственных услуг. С учетом данных обстоятельств проблемы эффективности управленческой деятельности органов публичной власти заключаются в необходимости выстраивания отношений с внешней средой, в данном случае – с населением. Государственная организация должна стать более очевидной, прозрачной для населения. Главная цель государства, а соответственно и управленческой деятельности органов публичной власти, в современных условиях – повышение благосостояния, уровня жизни его граждан.

Современная структура государственной власти в нашей стране отражает потребности населения, но не развивается, не изменяется вместе с ними.

Условием качественного функционирования аппарата государства вне зависимости от формы государства является его признание и поддержка населением страны, что обеспечивает легитимность власти. Анализ проведенных социологических опросов населения свидетельствует, что в настоящее время большинство граждан достаточно настороженно относится к возможностям государства, к административным структурам, к государственным служащим. К сожалению, существует значительный разрыв в оценках граждан, с одной стороны, и в представлении работников органов исполнительной власти об отношении к ним граждан – с другой. Довольно значительная группа населения относится к государственным служащим резко отрицательно – практически каждый пятый из опрошенных. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная информированность граждан о деятельности федеральной, региональной и местной власти и нежелание граждан вникать в деятельность органов власти.

Вместе с тем, историческая практика свидетельствует о том, что государственный аппарат не может нормально функционировать в условиях, напоминающих тоталитарное общество. Демократия, провозглашенная как основа российской государственности (преамбула Конституции Российской Федерации), подразумевает активное участие граждан в политике, в государственном управлении; веру в избранных лидеров, уверенность в том, что государство создано для народа, а не народ для государства. В настоящее время именно участие народа в управлении государством свелось к нулю. Политические партии превращаются лишь в придаток к государственному аппарату либо в корпоративные кланы, цели которых не всегда совпадают с интересами широких слоев населения.

Подводя итог проведенному анализу необходимо отметить, что проводимая в России административная реформа направлена, в первую очередь, на создание оптимальной системы государственного управления. Эффективная государственная власть необходима для решения неотложных социально-экономических проблем, для повышения уровня и качества жизни населения.

Оптимизация и упорядочение функций федеральных органов исполнительной власти; изменение их системы, структуры и режима функционирования; простота и эффективность работы государственных органов; совершенствование отношений между ними и хозяйствующими субъектами; демократизация управления, его открытость и доступность для граждан – объявлены в качестве главных целей административной реформы. Достижение этих целей требует новых соотношений, с одной стороны, между централизацией, децентрализацией и деконцентрацией, с другой – между формами и методами правового регулирования разных сфер общественной жизни. Логическим следствием упорядочения функций государственного управления стало кардинальное обновление структуры федеральной исполнительной власти.

Основной целью административной реформы являлось преодоление разрыва между состоянием государственного и муниципального управления и существующим социально-экономическим потенциалом страны путем кардинального повышения эффективности и результативности работы органов исполнительной власти и местного самоуправления, повышения качества государственного и муниципального управления.

Вместе с тем, системный анализ эффективности организации управленческой деятельности органов публичной власти в России позволяет сделать выводы о том, что население является не потребителем государственных услуг, а объектом управления. В то же время сами граждане в общем не готовы к активному взаимодействию с органами власти, к участию в мероприятиях по контролю за их деятельностью или в иных мероприятиях, связанных с обсуждением и принятием решений. Многие граж-

дане не доверяют государственному аппарату, обеспокоены его деятельностью и ее результатами, а часть населения страны испытывает страх перед действиями отдельных исполнительных структур.

Соответственно решение проблемы повышения эффективности управленческой деятельности органов публичной власти заключается в необходимости выстраивания отношений с внешней средой, в данном случае – с населением. Социальная сущность и предназначение государства предопределяют его активную роль в процессе создания необходимых и достаточных условий для свободного развития и достойного существования каждого члена общества, что обеспечивается построением и функционированием соответствующих организационно-правовых институтов. Только в этом случае обеспечивается их социальное признание и констатация дееспособности государственной власти.

Демократической основой Российской Федерации должна являться постоянная прочная связь между государственным аппаратом и людьми, на благо которых он призван работать. Нарушение прочности этих отношений, утрата доверия и даже страх перед исполнительными органами государства ведут к размыванию демократических устоев, деструктивному отношению к государственному аппарату и в результате – к нарушению гражданского мира и согласия в стране. Это перспектива, которая никого и никогда не может устроить. Если не предпринимать организационных и правовых мер, то исторические традиции сильной преданности всех граждан, независимо от национальности, российскому государству могут быть нарушены и в перспективе утрачены, что явится фатальным событием как для многонационального народа России, так и для государства.

1. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: Изд-во РАГС, 2008.

2. Атаманчук, Г.Н. Управление в жизнедеятельности людей [Текст] / Г.Н. Атаманчук. – М.: Изд-во РАГС, 2008.

3. Мицкевич, Л.А. Синергетические основы государственного управления [Текст] / Л.А. Мицкевич // Информационные проблемы в сфере административной реформы. – М., 2005.

4. О Программе административной реформы на 2005 – 2010 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csr.ru/> (дата обращения: 12.10.2011 г.).

5. Полянский, В.В. Конституционные пределы модернизации системы публичной власти в Российской Федерации [Текст] / В.В. Полянский // Конституционное и муниципальное право. – 2008. № 12.

6. Указ Президента РФ от 09.03.2004 №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945 (действ. ред.).

7. Указ Президента РФ от 20.05.2004 № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2004. № 21. Ст. 2023.

ДОСТИЖЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ГОМЕОСТАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

УДК 316, 42: 353 (470.13) (045)

Д.П. КОНДРАЛЬ, В.В. ГРИБАНОВ, Н.А. МОРОЗОВ

Современный процесс социально-политической модернизации России приводит к тому, что система регионального управления претерпевает ряд глобальных преобразований. Изменения, происходящие в различных сферах государства и общества современной России имеют неоднозначный характер. Рассмотрение происходящих социально-политических процессов на уровне регионов, с точки зрения теории модернизации, на наш взгляд, является перспективным в настоящее время. Социально-политическая модернизация призвана изменить систему общественных отношений в России и её регионах в соответствии с глобальными тенденциями развития социально-политических систем. При этом модернизационные процессы носят зачастую сложный и противоречивый характер, о чём указывает исследователь С.Н. Гавров, определяющий их как «синтез поступательной и инверсионной динамики, прогресса и регресса, хотя, при рассмотрении в достаточно длительном диахронном контексте, преобладают поступательные динамические процессы» [2].

В настоящее время существует множество теорий, механизмов и алгоритмов управления процессами социально-политического развития. Выбор методологического основания управления не в последнюю очередь определяет успешность всех преобразований. При этом условный выбор определённого основания модернизационного процесса ведёт к разработке основанных на этом основании соответствующих систем управления. Взаимосвязь основ модернизации и систем управления представлена в таблице 1.

Современная модернизация призвана поставить Россию на новый уровень социально-политического развития, основанного на сбалансированности основных сфер государства и общества [8, с. 16, 163, 26]. Важной чертой современных региональных модернизационных процессов является их ориентация на федеральный центр, причём зачастую региональные изменения инициализируются последним.

Рассматривая процесс управления социально-политической модернизацией *на*

Таблица 1.

Взаимосвязь основ модернизации и систем управления

Основы модернизации	Реализация проектов модернизации
Политические	Управление проектами политических преобразований общества
Социальные	Управление социальными проектами модернизации
Культурные	Управление проектами, направленными на трансформацию культурных основ общества
Религиозные	Проекты обновления религиозной жизни общества
Экономические	Реализация проектов экономического развития общества
Комплексные	В данном случае речь идёт о реализации проектов, основанных на учёте всех вышеперечисленных оснований модернизации.

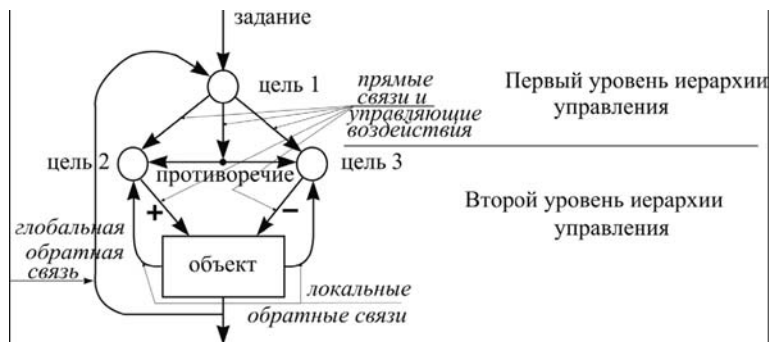

Рисунок 1. Схема гомеостатического управления, выраженная через цели и управление противоречиями.

региональном уровне, необходимо выделить три её изначально заданные характеристики: 1) основу управления процессами развития составляет принцип *сбалансированности*; 2) социально-политическая действительность рассматривается как *динамическая* система: «Политическая система России также будет предельно открытой, гибкой и внутренне сложной. Она будет адекватна динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре» [5]; 3) стратегическая направленность.

В современной теории управления было множество попыток смоделировать систему управления. В различных моделях лежали качественно отличающиеся методологические принципы. Так, для Карла Маркса основой развития системы было усиление противоречия между управляющими и управляемыми, для Дэниела Белла – уровень развития технологий, и т.д. В современной науке популярным является системный подход, *соединяющий преимущественно процессного и системно-управляющего моментов, рассматривающий процессы как систему.*

На стыке системного подхода и кибернетики совсем недавно появилось новое направление – гомеостатическая теория управления (гомеостат), которая рассматривает структуру управления материальными объектами, содержащую прямые, обратные и перекрёстные информационные связи и обеспечивающую поддержание динамического постоянства жизненно важных функций и параметров системы – гомеостаза [3, с. 334]. Данная теория более подробно рассматривает элементы и принципы системы управления. Реализация модернизационных проектов, с данной точки зрения, может рассматриваться как механизм уменьшения внутренних противоречий социально-политической системы.

При рассмотрении политической системы с точки зрения гомеостатической теории [4, с. 20–67] необходимо учитывать, что понятие гомеостатики содержит два ключевых понятия: гомеостаз – относительное динамичное постоянство состава и свойств внутренней среды, устойчивость основных функций живого организма; гомеостат – это система управления, обеспечивающая поддержание гомеостаза в объекте. Гомеостат структурно отражает закон единства и борьбы противоположностей. Гомеостатическая система содержит как минимум две противоположности и два уровня иерархии и, формируя цепь, действует на противоположности таким образом, чтобы достигался гомеостаз объекта, то есть постоянство функционирования его составных частей (рис. 1); [9, с. 168–169].

Таким образом, можно определить основную цель модернизационных процессов как достижение сбалансированности социально-политической системы. Одной из современных моделей стратегического управления, позволяющей решить проблему достижения сбалансированности, является методология сбалансированной системы показателей, которая была разработана Робертом Капланом и Дэвидом Нортеном в 1992 году [6].

Рассматривая любую систему как набор определённых взаимосвязанных показателей, разработчики сбалансированной системы показателей характеризовали её следующим образом: «Сбалансированная система показателей (ССП) – это не только тактическая или операционная оценочная система. Для инновационных компаний она служит средством стратегического управления на долгосрочной основе. Оценочная составляющая СПП используется для решения принципиальных задач процесса управления». Вот примерная последовательность составления плана менеджмента предприятия [7, с. 21]:

1. Четко сформулировать стратегию и перевести ее в плоскость конкретных стратегических задач.

2. Установить соответствие между стратегическими целями и показателями их достижения и проинформировать об этом все подразделения компании.

3. Планировать, определять цели и стратегические инициативы.

4. Расширять стратегическую обратную связь и информированность.

Применение данной системы делает возможным целенаправленный мониторинг деятельности, позволяет прогнозировать и упреждать появление проблем, сочетает органично уровни стратегического и оперативного управления, контролирует наиболее существенные показатели деятельности. На наш взгляд, данная система стратегического менеджмента в настоящее время является одной из наиболее перспективных для управления процессом социально-политической модернизации в регионах России, так как позволяет разрабатывать проекты развития на основе сбалансированных показателей и проводить постоянный мониторинг их реализации. Отдельно можно отметить, что данная система вполне укладывается в общий механизм управления современным процессом модернизации – программно-целевым управлением [8]. Сущность программно-целевого управления состоит в том, что достижение определённых результатов и целей осуществляется при помощи реализации целевых комплексных программ, под которыми подразумеваются директивные адресные документы, представляющие собой увязанные по срокам осуществления, ресурсам и исполнителям комплексы экономических, производственных, организационных и других заданий, направленных на достижение поставленных целей наиболее эффективными путями. Данное управление осуществляется следующими путями: выявляются и анализируются проблемы, формируется дерево целей, разрабатывается адекватная исполняющая программа, создаётся механизм её реализации, проектируется система последующего мониторинга исполнения программы, производится её оценка и корректировка после осуществления мониторинга [10, с. 190–193]. Модернизация политической системы, таким образом, связана с разработкой и реализацией проектов обновления политической системы общества. При этом специфика данных процессов обновления состоит в возрастании возможностей влияния гражданского общества на политические процессы.

Общациональные проекты преобразований и реформ направлены на развитие *определённых секторов политической системы*. Актуальным на сегодняшний день примером подобных реформ является административная реформа, проходящая в настоящее время в России. Результатом реформы должно стать создание эффективной сбалансированной централизованной системы управления. Вместе с тем, как считает ряд экспертов, негативным результатом реформы может стать жёсткая централизация власти, подкреплённая партийным монополизмом, вызванным, прежде всего, лидирующим положением на партийной арене страны проправительственной всероссийской политической партии «Единая Россия». Доверие граждан страны к всероссийской политической партии «Единая Россия» (ранее «Единство»), которая выступает за проводимый федеральной властью курс реформ, возрастает как на федеральном (см. диаграмму №1), так и на региональном уровнях (см. диаграмму №2) из года в год. Вместе с тем можно отметить снижение доверия населения к иным партийным образованиям на федеральном и региональном [1, с. 119, 123, 127, 131] уровнях.

Политическая модернизация в современной России осуществляется через реализацию определённых проектов. Данные проекты укладываются в общую стратегию развития страны и ее регионов, в которую закладываются параметры социально-политической системы как настоящего, так и ожидаемого будущего. При этом региональные стратегии развития в настоящее время учитывают как внутренние республиканские, так и общероссийские интересы; причём последние имеют явный перевес в аспекте дальнейшего развития региона [13, с. 137]. Эти параметры определяют основы будущей социально-политической системы страны и её регионов.

Началом планирования параметров современной российской социально-политической системы можно считать 2008 год, когда была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8]. До её принятия были разработаны региональные стратегии развития, в том числе и Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года [12]. Разработкой и реализацией этих проектов занимается Правительство Российской Федерации и Правительства регионов РФ (в том числе и Правительство Республики Коми), соответственно.

Диаграмма №1. Динамика электоральной поддержки межрегионального движения «Единство», партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу 1999–2007 гг. в Российской Федерации, в %.

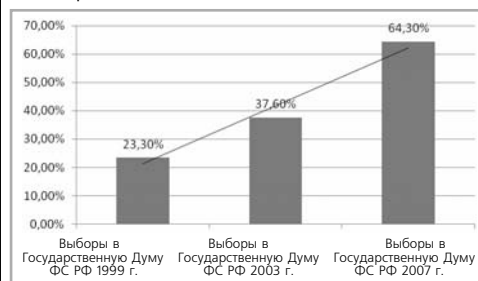
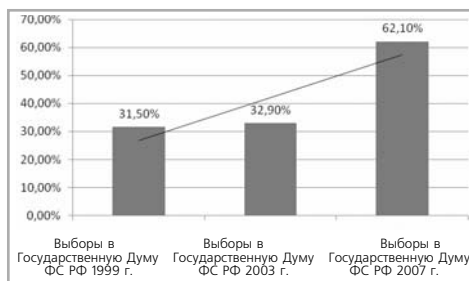

Диаграмма №2. Динамика электоральной поддержки межрегионального движения «Единство», партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу 1999–2007 гг. в Республике Коми, в %

В разработке Стратегии развития Республики Коми и некоторых других регионов принимал участие ряд квалифицированных экспертов в области стратегического развития, таких, как П.Г. Щедровицкий. Этот опыт заслуживает отдельного анализа, поскольку в нем были как положительные, так и отрицательные моменты. К числу последних можно отнести недостаточно глубокое осознание экспертами региональной специфики (Кировская область, Республика Коми), высокая цена за предоставляемые услуги (15–20 млн руб.) [14]. Возможно, организация региональных центров стратегических исследований поможет эти трудности преодолеть. Оптимизм в данном случае порождается рядом обстоятельств. Например, реализация отдельных проектов государственного масштаба (нацпроектов) осуществляется при участии специально созданных для этого совещательных органов. Ярким примером такого института может быть Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [11], который является совещательным органом в вопросах подготовки, осуществления и анализа практики реализации приоритетных национальных проектов. Для анализа проблем разработки и реализации нацпроектов в Совете созданы соответствующие рабочие группы: «Доступное и комфортное жильё – гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса», «Здоровье», «Образование».

Наличие подобного Совета, на наш взгляд, является важным элементом влияния на процесс социально-политической модернизации страны. В то же время отсутствие подобных структур на региональных уровнях приводит к утрате части потенциальных возможностей создания и осуществления специ-

фических региональных проектов в области осуществления социально-политической модернизации.

Вместе с тем, говоря о региональном уровне управления процессами модернизации, на наш взгляд, в настоящее время более эффективным и приемлемым может стать использование опыта центров стратегических исследований при полномочных представителях Президента в федеральных округах. Создание подобных центров на уровне регионов позволит создать более эффективную систему реализации модернизационных проектов, их мониторинга. В области проектирования показательной является деятельность Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО), занимающегося экспертной и проектно-аналитической деятельностью, разрабатывающего и реализующего технологии управления развитием, формирующего социальный капитал и актуализирующего инновационный потенциал округа.

Центр работает с 2000 года, являясь сетевой структурой, объединяющей ряд аналитических групп и независимых экспертов. Наряду с данным Центром в России действуют аналогичные структуры федерального и регионального уровней. Их примерами могут быть: Центр стратегических разработок Красноярского края, Тихоокеанский центр стратегических разработок, Центр стратегических разработок Северо-Запад, Центр стратегических разработок города Москвы и др. Центры стратегических исследований и разработок играют, несомненно, одну из важнейших ролей в области создания, реализации и анализа результатов проектов социально-политической модернизации регионов. В частности, Центр стратегических

разработок Северо-Запад в аспекте управления региональным развитием занимается изучением статистики пространственного развития территорий (в том числе и статистики Республики Коми) как системы показателей и параметров, которые позволяют управлять будущими ситуациями. Создание аналогичных научно-исследовательских центров стратегических исследований на уровне отдельных регионов, которые бы занимались экспертизой существующих проектов разви-

тия территории, разработкой собственных проектов и их непосредственной реализации на основе обработки данных, выборе приоритетов пространственного развития регионов и координации усилий федеральной и региональной властей по их реализации, способствовало бы более чёткому и эффективному проведению социально-политической модернизации в регионах России и, соответственно, достижению гомеостатичности системы управления в целом.

1. Выборы в Республике Коми, 2007–2008: информационный сборник [Текст] / Избирательная комиссия республики Коми. – Сыктывкар: Кировская областная типография, 2008 г. 844 с.
2. Гавров, С.Н. Модернизация России: постимперский транзит [Электронный ресурс] / С.Н. Гавров. – University of Nebraska – Lincoln, 2009. E-Book. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/2.htm> (дата обращения: 31.05.2011 г.).
3. Горский, Ю.М. Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем: коллектив. моногр. [Текст] / Ю.М. Горский, В.И. Астафьев, В.П. Казначеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. 350 с.
4. Горский, Ю.М. Гомеостатика: модели, свойства, патологии [Текст] // Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем: Коллектив. моногр. / Ю.М. Горский, В.И. Астафьев, В.П. Казначеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. 350 с.
5. Медведев, Д. Россия, вперёд! [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 31.05.2011 г.).
6. Каплан, Р.С. Сбалансированная система показателей: показатели, стимулирующие эффективность [Текст] / Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон // Harvard Business Review. – 1992. – Январь/Февраль. – Режим доступа: www.srsdocs.com/bsc/bsc_ref/artigos/BSC_DrivePerf.pdf (дата обращения: 31.05.2011 г.).
7. Каплан, Роберт С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию [Текст] / Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон. – М.: Олимп-бизнес, 2003. 210 с.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года [Электронный ресурс] // Администрации президента России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.youngscience.ru/753/820/978/index.shtml> (дата обращения: 31.05.2011 г.).
9. Морозова, Г. Третий Рим против нового мирового порядка [Текст] / Г. Морозова. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. 272 с.
10. Никулина, И.Е. Современные особенности программно-целевого управления организацией [Текст] / И.Е. Никулина, Д.В. Луков, Б.С. Мозголин // Известия Томского политехнического университета. – 2006. Т. 309. № 3. С. 190–193.
11. Совет при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике: материалы официального сайта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rost.ru/> (дата обращения: 31.05.2011 г.).
12. Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года: одобрена постановлением Правительства Республики Коми от 27 марта 2006 года, № 45 [Электронный ресурс] // Республика Коми: официальный портал. – Режим доступа: rkomi.ru/content/stats/19/Strategy.doc (дата обращения: 31.05.2011 г.).
13. Шабаев, Ю.П. Региональный парламентаризм: пути эволюции [Текст] / Ю.П. Шабаев, Л.В. Завьялова, В.А. Ковалёв // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. Т. 9. № 1. – С. 123–138.
14. Щедровицкий, П. Как разрабатывалась стратегия развития Кировской области. И что из этого получилось [Электронный ресурс] / П. Щедровицкий // Вятский наблюдатель: информационно – аналитический еженедельник. – 2006, октябрь (№ 43). – Режим доступа: <http://www.nabludatel.ru/numbers/2006/43/5.htm> (дата обращения: 31.05.2011 г.).

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ

УДК 323

А.В. КОНОНЕНКО

За последние десятилетия правящей элите удалось достаточно сильно изменить траекторию общественного сознания в отношении физкультуры и спорта, коммерциализировав в коллективном бессознательном базовые ценности. Большинство граждан, которые не сформировали ожидания или не определились с интересами в области развития физической культуры, никогда не смогут следовать распространенным в обществе алгоритмам действий по использованию спорта как социального лифта.

Для большинства россиян здоровье не является столь значимой ценностью, на поддержание которой в профилактических целях необходимо тратить часть семейного бюджета.

Если в западноевропейских опросах здоровье есть высшая ценность полноценной жизни, то для россиян здоровье ценно постольку, поскольку позволяет чего-то достичь. В ходе опросов выясняется, ради чего люди пошли бы работать на вредное производство: большинство отвечало, что ради квартиры и высокого заработка. По сравнению с западными исследованиями, это очень высокий показатель, который свидетельствует о том, что в мотивационном плане здоровье значит для россиян крайне мало [2]. По мнению автора настоящей статьи, в значительной мере отношение человека к активному занятию спортом зависит от экономико-политической ситуации в стране.

Однако государство явно в недостаточной мере, в отличие от финансирования Олимпийских игр, чемпионата мира по футболу и иных масштабных мероприятий, выделяет ресурсы для массового спорта. Такая ситуация влечет за собой появление новых проблем, а также затягивание решения старых социальных дисфункций.

В подтверждение данного тезиса приведем точку зрения одного из представителей правящей элиты, непосредственно сталкивающегося с связанными с отсутствием спортивной инфраструктуры проблемами. Так, полпред президента в СКФО Александр Хлопонин следующим образом описывает ситуацию: «Вы поймите, что такое молодежь. Если вечером после работы

некуда будет пойти и нечем будет заняться, можно только будет, извините, видеть наркотики, пиво пить, и если больше ничего мы им не предложим, то они будут уезжать с территории, потому что им неинтересно. Молодежь в XXI веке очень продвинутая, она общается между собой в информационном поле и поедет туда, где видна перспектива. Надо создавать новые спортивные комплексы, молодежные культурные центры, где было бы современное искусство, спортивные субкультуры с экстраемальными видами спорта — то, чем молодежь сегодня живет, дышит» [1]. Хлопонин затронул важную проблему, фактически выпадающую из основного направления государственной спортивной политики.

Это проблема нетрадиционных видов спорта как социально-культурных инноваций, обогащающих мир и интересы личности. В новых видах спорта, к примеру виндсерфинге, катании на роликах и иных спортивных формах, люди не только совершенствуют свои физические навыки, но и социализируются в коллективах.

Анализ таких социальных явлений, наблюдаемых вне рамок традиционной спортивной деятельности [4], способствует пересмотру устоявшихся представлений о политическом и социальном начале формирования сообществ спортивной ориентации в современном мире. В условиях разделения граждан по различным границам политического сама идея объединения социума на основе общности спортивных интересов должна поддерживаться государством, чиновники же не владеют соответствующими социальными технологиями, а также не видят материальной и политической выгоды от поддержки указанных нами спортивных сообществ.

Вопросы относительно создания социальных отношений традиционно выходят за рамки спортивной политики государства. Если термин «политическая ниша» может рассматриваться чиновниками как несовершенная метафора для явлений политической и социальной коммуникации, то необходимо усиливать спрос с представителей правящей элиты за неиспользова-

ние возможностей политической и социальной модернизации территорий, а также за воспрепятствование функционированию социальных лифтов.

В рассматриваемом нами случае речь идет о политическом измерении, которое может интерпретироваться как определенная форма обязательств власти по развитию территорий. Такая форма общественного договора де-факто не существует, что интерпретируется чиновниками как отсутствие у них обязанности формирования новых ценностных ориентаций у населения.

Поэтому в значительной мере финансирование осуществляется по остаточному принципу. К примеру, по разделу «Спорт» Программы социально – экономического развития Ростовской области на 2008–2012 годы для развития и расширения спортивно-оздоровительного комплекса, организации воспитательной, физкультурно-массовой работы с детьми, подростками, молодежью, укрепления здоровья населения завершены: строительство первой очереди первого пускового комплекса стадиона «ТРУД» и реконструкция стадиона «Олимп 21 век» (южная, восточная и северная трибуны) в г. Ростове-на-Дону. С целью развития спортивного потенциала г. Сальска Ростовской области, оздоровления учащихся школ завершено строительство спортивно-оздоровительного комплекса с универсальным игровым залом [3]. При всей важности вышеуказанного необходимо признать невозможность такими темпами модернизировать в регионе спортивную инфраструктуру.

Ведя речь о политической проблеме взаимосвязи спорта и социальных лифтов, мы должны затронуть проблему ресурсного обеспечения участия в занятиях спортом с точки зрения ее доступности.

Что является новым в политическом дискурсе, так это не определение границ этих мест (к примеру, профессиональных футбольных стадионов или полей для гольфа), а скорее факт, что доступ к ним ограничен только для «своих» по социальному статусу и уровню дохода. И в данном случае мы имеем пример политико-социальной стратификации, ограничивающей использование для консолидации обще-

ства возможностей связанных со спортом социальных лифтов.

Связанная с указанным дискурсом проблема не ущемляет права состоятельных людей на отдых и занятия спортом в закрытых клубах, проблема в ином – спортивная инфраструктура и иные ресурсы таких местах нередко формируется за бюджетные средства. А затем в рамках «серых», а также коррупционных схем переходит в частную собственность, пользование которой для налогоплательщиков, не входящих в состав «клуба», запрещено или финансово обременительно.

Соответственно «новые» связанные со спортом ценности становятся недоступными в рамках политической, социальной и экономической стратификации в области пользования спортивными сооружениями и объектами.

Спортивные организации в современной России продолжают оставаться высоко централизованными, несмотря на активную коммерциализацию, и во многом их функционирование зависит от профессиональных, а также нравственных качеств политических назначенцев. Спорт выступает в качестве социального лифта в большей мере для тех спортсменов, которые отдали право распоряжаться своим политическим имиджем тем или иным парламентским партиям.

Для остальных граждан отсутствуют эффективно действующие модели социальных лифтов, ориентированных на конвертацию спортивных достижений в политический капитал. Такая форма политической стратификации не может быть признана соответствующей проводимой в стране модернизации.

Роль федерального государства и его субъектов в спортивной политике не сводится лишь к обеспечению подготовки профессиональных спортсменов, а предполагает координацию усилий всех субъектов этой политики, в том числе и институтов гражданского общества, чего в настоящее время в политическом поле практически не наблюдается. Нередко отдельные проблемы развития спорта решаются автономно, без комплексной увязки с другими направлениями «социального регулирования».

1. Барахова А. Главным итогом изменения климата на Кавказе будет являться отношение населения к власти. Полпред Президента в СКФО Александр Хлопонин о том, что на Северном Кавказе сделать нужно и чего делать не надо [Текст] / А. Барахова, М. Мурадов // Коммерсантъ. – 2010. – 12 ноября.

2. Лебедева Н.М. Ценности культуры и развитие общества [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

3. Отчет о реализации в 2009 году Программы социально-экономического развития Ростовской области на 2008–2012 годы [Текст]. – Ростов-на-Дону: Законодательное собрание Ростовской области, 2010.

4. Lepoutre, D. Cœur de banlieue: codes, rites et langages [Text] / D. Lepoutre. – Paris: O. Jacob, 1997.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 342.5

А. Т. КАРАСЁВ

Представительная власть понимается как одно из звеньев публичной власти, при помощи которого народ осуществляет свои суверенные права. Основными же органами, осуществляющими представительную власть, выступают представительные органы власти (государственные, муниципальные).

В соответствии с доктриной разделения властей особое место среди ветвей государственной власти принадлежит представительной (законодательной). Оба термина: «представительная власть» и «законодательная власть» неразрывно связаны друг с другом. Эта связь установилась сразу же после разработки принципа разделения властей*. К XVII – концу XIX вв., когда идеи парламентаризма сформировались в доктрине разделения властей, парламенту как законодательной власти отводилось особое место [4]. Причем уже тогда был сделан вывод о связи представительства народа с законодательной деятельностью, а закона с народным волеизъявлением избирателей.** Еще Д. Локк отмечал, что «законодательная власть по необходимости должна быть верховной, и все остальные власти в мире каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей» [8]. Этот приоритет перед всеми остальными ветвями власти обуславливает представительный характер законодательной власти.

Несмотря на неразрывную связь данных терминов, они не подменяют друг друга. Категория «представительная власть» не может употребляться в отношении законодательной власти вообще, безотносительно к реализующим ее органам, поскольку законодательные полномочия

при определенных обстоятельствах могут осуществлять и иные, не представительные учреждения, например при делегированном законодательстве. И наоборот, представительное учреждение не обязательно наделяется законодательной властью.

Следует отметить, что определение ветви власти вообще и представительной (законодательной) ветви власти, в частности, в современной российской науке, несмотря на обилие исследований представительных органов и принципа разделения властей, дано не было***. Сам термин «ветвь» не является строго юридическим. Высказывается позиция, что ветвь государственной власти обладает четырьмя качественными признаками [16]. Во-первых, это особая разновидность государственной власти в данном государстве. Во-вторых, ей присуща особая функция в управлении государством, которую не могут выполнять другие виды власти. В-третьих, ей присуща автономия, независимость и самостоятельность при осуществлении своей функции государственной власти. В-четвертых, ветвь государственной власти обладает определенными организационными формами, своими органами, правовыми институтами, регулирующими реализацию данного вида государственной власти.

Представительная власть может осуществляться как на местном, так и на государственном уровне через выборные представительные органы. Применительно к советскому периоду обосновывался вывод о том, что вся полнота государственной власти была закономерно сосредоточена в представительных органах – Советах, для которых специфичной являлась их полномочная деятельность по общегосу-

*Например, по мнению Монтескье, «законодательный орган должен состоять из выборных представителей народа». Идеальный противник Монтескье Ж.-Ж. Руссо, признавая потенциальную возможность осуществления законодательной власти представительным органом, высказывал еще более радикальные суждения о том, что «представители народа не имеют права решать что-либо окончательно», так как это прерогатива всего народа. Таким образом, он ставил в зависимость принятие закона от воли народа.

** Данный постулат отстаивал, например, В. И. Ленин. «Только выборные могут говорить государственным законодательным языком».

***Пожалуй, исключением является исследование группы авторов коллективной монографии «Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика».

дарственному и местному руководству [3]. Более точным представляется определение представительной власти как власти, осуществляемой от имени народа (или его части) выборными представителями, объединенными в коллегиальном учреждении (представительном органе) на строго определенный срок.

В науке конституционного права нет однозначности в подходах к пониманию представительной природы власти, к выделению свойств, присущих как в целом ей, так и представительным учреждениям, в частности. Отсутствует и единство употребляемой терминологии: представительная власть, представительная природа, представительная демократия, представительность.

Часто представительная власть называется неотъемлемым принципом (атрибутом) демократически организованной публичной власти без дальнейшего ее раскрытия. В этом смысле В.Е. Чиркин специально выделяет «государственную представительную демократию», называя наиболее существенные признаки представительной демократии: 1) представительные органы по своему составу и характеру действий выражают интересы народа; 2) органы представительной демократии занимают решающее место в системе государственных органов; 3) представительные органы обсуждают и решают вопросы на началах подлинной коллегиальности; 4) избранные представители пользуются поддержкой избравшего их населения и уважением со стороны иных государственных органов [15].

Перечисленные признаки подчеркивают особое, решающее место представительных органов в механизме государства, основанное на делегированном им праве представлять и выражать общенациональные (или территориальные) интересы на основе их множественности. Представительная функция такого органа состоит в том, «чтобы в нем были представлены все основные социальные слои и группы населения и чтобы они могли принимать законы и отстаивать свои интересы» [11]. Как верно отмечает В.И. Фадеев, конституционно-правовое определение соответствующих органов как «представительных органов» означает, что именно они прежде всего осуществляют функции прямого народного представительства, обеспечивая на своем уровне представительства с наибольшей полнотой выражения воли избирателей при принятии важнейших решений, отне-

сенных к их ведению, обеспечивая защиту интересов населения, поддерживая постоянную связь с ними [14].

В работах, посвященных исследованию представительной природы, можно встретить ее узкое понимание, когда представительная природа (представительность) связывается только с качественными характеристиками состава представительного учреждения [9]. Представительная природа власти предполагает, таким образом, определенное соответствие между социальной, профессиональной, демографической, этнической структурами общества и депутатским корпусом. Однако еще в трудах государствоведов советского периода проводилась и обосновывалась мысль о том, что представительная природа органов власти раскрывается во всех сторонах их организации и деятельности и обеспечивается не только порядком их формирования, но и составом, строением, взаимосвязью избирателей и представителей [1].

Учитывая различные подходы к характеристике сущности представительной власти, представляется возможным выделить следующие ее сущностные свойства, которые реализуются через представительный орган власти: выборность и представление интересов народа; коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений; особый характер связи народных представителей с избирателями. Только в своей совокупности они дают качество представительности, позволяющее характеризовать соответствующие учреждения как органы народного представительства, реализующие представительскую функцию, а соответственно, и саму представительную власть. Отдельные из перечисленных свойств лишь привносят определенные элементы отношений представительства в природу того или иного органа власти.

Полагаем, что качество представительности все же имеет в своей основе особый порядок формирования органов представительной власти, обеспечивающий сосредоточение в них различных интересов граждан. Последнее может достигаться разными способами, но главным образом путем проведения всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Именно через такое свойство, как выборность, органы народного представительства обнаруживают свое определяющее качество – представительность. Юридическим основанием публичной власти в форме народного представительства выступает представительный мандат, «выданный»

избирателями или другими участниками выборного процесса. По справедливому утверждению Е. И. Фарбера, именно избирательная система «осуществляет функцию формирования полномочного народного представительства» [12]. Следовательно, от качества и направленности избирательной системы зависит уровень представленности гражданского общества в органах представительной власти.

Демократическое избрание депутатов позволяет гражданам выразить свою сопричастность с представительными учреждениями, способствует установлению непосредственной связи между народными представителями и избирателями. Выборность предопределяет особое место представительных органов власти среди других учреждений, их тесную связь с обществом. В результате орган народного представительства «чувствует действительные нужды народа, от имени которого он имеет нравственное основание говорить с гораздо большим авторитетом, чем какой бы то ни было другой орган государства» [6].

Другое основное свойство органов народного представительства – это их коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений. Коллегиальность по составу означает, что представительные учреждения являются собраниями депутатов, значительная численность которых способствует отражению в составе представительных органов власти социальной и демографической структуры общества. Таким образом, в деятельности представительных учреждений с большей или меньшей степенью адекватности реальному соотношению общественно-политических сил представлены интересы граждан, социальных общностей, национальных, политических, половозрастных, профессиональных и других групп граждан. Идеальный представительный орган должен быть «микромоделью общества».

Коллегиальность по порядку выработки и принятия решений в значительной степени способствует выявлению, согласованию и учету разнообразных интересов граждан в деятельности органов народного представительства. Для проявления качества представительности в природе органов публичной власти особое значение имеет не только то, как будет по существу решен тот или иной вопрос их компетенции, но и в каких формах он будет решен [9]. Именно

коллегиальность отличает представительные учреждения от единоличных органов власти, избранных населением в лице избирательного корпуса.

Л.А. Кравченко предлагает различать представительство «в широком смысле» (формирование любого органа путем избрания) и «представительство в собственном смысле» – это выборные органы парламентского типа [5]. Авторы, не разделяющие подобных взглядов [9], полагают, что отнесение выборных должностных лиц к числу народных представителей ведет к выхолащиванию сущности категории «народное представительство», смешению функций различных органов власти, нарушению принципов государственного устройства. Предпочтительней все же является мнение о том, что не стоит допускать расширения понятия «органы народного представительства» за счет выборных единоличных органов, не обладающих всеми свойствами, в совокупности дающими качество субъекта представительной системы общества (системы народного представительства).

Особый характер связи народных представителей с избирателями в совокупности с другими названными свойствами также составляет качество представительности органов публичной власти. Для правильного понимания этого свойства представительной власти важно иметь в виду, что представительство в публичном праве реализуется в своеобразной форме*. Институт представительства (в том числе исторически) больше известен частному праву, где связь между субъектами основана на прямом поручении и им ограничена. Представитель действует от имени доверителя только в тех отношениях и формах, на которые прямо уполномочен доверителем. Действия представителя за установленными рамками являются основанием для признания таких действий неправомерными и не порождают правовых последствий. В отношениях публично-властного представительства, связывающих избирателей (шире – граждан) и депутатов (парламентариев) даже в условиях исключительно императивного мандата последних инициативность действий и усмотрение представительных органов шире, чем в гражданско-правовых отношениях, и заключается такое представительство в форме осуществления парламентариями функций публичной

* Разницу между частноправовым и публичным представительством подчеркивал и Б. Н. Чичерин.

власти. Очевидно, что для представительства в гражданско-правовых отношениях это исключено.

В качестве отдельного свойства совокупности осуществляющих представительную власть органов следует назвать их системность (их желательную системность).^{*} Системность представительных органов власти является важнейшим фактором формирования представительной системы в целом (системы народного представительства). Названная системность представительных органов власти имела место в советской модели организации представительной власти. В целом она характерна и для современной российской модели представительных органов власти. Если главным проявлением системности является единство составляющих соответствующее системное образование элементов, то со всей определенностью надо указать на наличие такого единства в деятельности представительных органов власти в Российской Федерации. Конечно, данное единство не может пониматься как унификация представительных органов и, тем более, как вертикальная иерархичность их организации, основанная на подчинении нижестоящих органов вышестоящим. Представительные органы власти всех уровней самостоятельны, не подчинены

иным представительным органам власти.

Таким образом, система представительных органов публичной власти в России включает Федеральное Собрание РФ, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ (региональные парламенты), представительные органы муниципальных образований (районов, городских округов, городских, сельских поселений, внутригородских территорий городов федерального значения).

Такие свойства, как выборность, коллегиальность, особый характер связи народных представителей с избирателями должны быть характерны для любого подлинно представительного органа. Это положение не утратило своей актуальности и в настоящее время. Оно точно определяет природу и предназначение представительного органа, отличие представительного органа от исполнительного, который призван проводить требования закона через индивидуальные акты в практическую деятельность.

Система представительной власти, следовательно, призвана обеспечить в аппарате публичной власти выражение интересов разных общественных сил, а в конечном итоге – первичного субъекта власти – народа.

1. Барабашев Г.В. Верховный Совет СССР // Знание. Сер. Государство и право. – 1980. – № 5. С. 9; Высшие представительные органы власти в СССР. – М., 1969. С. 113.
2. Гранкин И.В. Парламент России. – М., 2001.
3. Козлова Е.И. Представительные органы государственной власти в СССР. – М., 1974. С. 7.
4. Котелевская И.В. Современный парламент // Государство и право. – 1997. № 3. С. 12.
5. Кравченко Л.А. Парламент как институт представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. – 2002. № 2. С. 25.
6. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе государственных установлений // Конституционное государство. Сб. ст. – СПб., 1905. С. 182.
7. Ленин В.И. ПСС. – М., 1976. Т. 20. С. 134.
8. Локк Д. Избр. произведения. – М., 1962. Т. 2. С. 68.
9. Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. – М. 2001. С. 14.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. С. 291.
11. Романов Р. М. Российский парламентаризм. История и современность // науч. ред. А.И. Яковлев. РИЦ ИСПИ РАН. – М., 1996. С. 19.
12. Советское государственное право / под ред. И. Е. Фарбера. – Саратов, 1979. С. 251.
13. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О.Н. Булакова. – М., 2005. С. 320.
14. Фадеев, В.И. Депутатский мандат в Российской Федерации: Конституционно-правовые основы [Текст] / В.И. Фадеев, М.В. Варлен. – М., 2006. С. 76.
15. Чиркин В.Е. Государствоведение: Учебник. – М., 1999. С. 251.
16. Чиркин В.Е. Президент и исполнительная власть в системе разделения властей: реалии современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России / под ред. Н.Ю. Хамановой. – М., 2003.
17. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1866. С. 135.

^{*} Данный признак выделяет О.Н. Булаков.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГИТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.849

О.О. ПОПОВА

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в ежегодном Послании Федеральному Собранию, излагая конкретные первоочередные планы по реализации новой политической стратегии страны, подчеркнул, что необходимо создавать дополнительные «условия для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями» [12]. Конкуренция между политическими партиями недостижима без обеспечения равных условий информирования общества (электората) об их деятельности и программах.

В настоящее время в российском законодательстве регулирование агитационной деятельности политических партий осуществляется только в рамках законодательства о выборах, в рамках регулирования правовых форм, средств, гарантий осуществления предвыборной агитации. Так, Закон об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ определяет предвыборную агитацию как деятельность, осуществляемую «в период избирательной кампании и имеющую целью побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [10]. Деятельность политических партий по агитированию в период между выборами регулируется недостаточно полно в российском законодательстве.

Вместе с тем, как справедливо, на наш взгляд, отмечает О.Н. Олькова, деятельность политических партий в рамках избирательной кампании и в период между выборами – единая, в своём роде, деятельность, иными словами, – это не два автономных процесса. И, соответственно, позиционирование политических партий, их работа с электоратом не ограничивается временными рамками избирательной кампании, а носит постоянный характер [11]. Более того, полагаем, вряд ли верно утверждение, что исход выборов для конкретной политической партии (будет политическая

партия допущена к распределению депутатских мандатов в выборном органе или нет) определяется лишь эффективностью проведённых ею предвыборных агитационных мероприятий. Практика показывает, что так называемый имидж политической партии создаётся в результате длительного процесса работы с избирателями, не ограниченного никакими временными рамками (в частности, не ограниченного рамками избирательного процесса).

Информационная деятельность политических партий по работе с электоратом в период между выборами, безусловно, осуществляется, так как в соответствии с Законом от 11.07.2007 г. № 95-ФЗ участие в выборах является одной из целей деятельности любой политической партии. Для того чтобы успешно участвовать в выборах, политической партии необходимо проводить эффективную агитационную деятельность по привлечению электората. Кроме того, в вышеупомянутом Законе № 95-ФЗ указано, что для достижения целей деятельности (в том числе указанной выше основной цели) политические партии могут «свободно распространять информацию о своей деятельности, пропагандировать свои взгляды, цели и задачи» [7].

Существует проблема, связанная с временными рамками предвыборной агитации. Как известно из ФЗ от 12.06.2002, «агитационный период начинается со дня выдвижения кандидата, списка кандидатов, регистрации инициативной группы по проведению референдума. Агитационный период прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования. Предвыборная агитация, агитация по вопросам референдума на каналах организаций телерадиовещания и в периодических печатных изданиях проводится в период, который начинается за 28 дней до дня голосования и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования» [6]. Если следовать логике законодателя, то агитационная деятельность непарламентских политических

партий, проводимая вне рамок агитационного периода, находится вне закона. Однако ранее упоминаемая норма Закона «О политических партиях» предоставляет политическим партиям право свободно распространять информацию о своей деятельности, пропагандировать свои взгляды, цели и задачи [6].

Указанное законодательное противоречие, как справедливо отмечает А.Ю. Бузин, порождает многочисленные споры, связанные с правовой природой агитационных материалов, которые изготавливаются до начала избирательной кампании, а также с оплатой подобных материалов [2].

Можно предположить, что деятельность по политическому позиционированию является ничем иным, как рекламой и, соответственно, попадает в сферу правового регулирования одноимённого закона. Но в ст. 2 Закона о рекламе указано, что «настоящий Федеральный Закон не распространяется на политическую рекламу, в том числе предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума» [8]. Причём если следовать логике законодателя, то термины «политическая реклама» и «предвыборная агитация» соотносятся друг с другом как общее с частным: предвыборная агитация является политической рекламой особого вида.

В ранее действующем законодательстве термин «политическая реклама» использовался в качестве обозначения одной из форм предвыборной агитации, осуществляемой через СМИ. Так, в Федеральном Законе от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [5] и в Федеральном Законе от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [4] содержалась норма, устанавливающая, что предвыборная агитация через средства массовой информации проводится в виде публичных дебатов, дискуссий, «круглых столов», пресс-конференций, интервью, выступлений, политической рекламы, показа телеочерков, видеофильмов о зарегистрированном кандидате, об избирательном объединении, избирательном блоке и в иных не запрещенных законом формах. В Постановлении Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20 сентября 1995 г. № 18/149-П «Об Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам

в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с государственным участием» [9] избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с государственным участием» политическая реклама определялась как распространение сведений (объявления, призывы, видео-, аудиоролики и т.п.) участниками избирательного процесса через СМИ об избирательных объединениях, избирательных блоках, кандидатах в депутаты с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации (преобладание эмоционального воздействия над смысловым, броскость, лаконизм, подчеркивание доминантного достоинства рекламируемого объекта) и признаваемых в качестве признаков рекламы федеральным законодательством и практикой СМИ, с целью формирования общественного мнения в пользу избирательных объединений, избирательных блоков, кандидатов в депутаты.

Представляется, что само использование законодателем термина «политическая реклама» для обозначения деятельности политических партий по работе с электоратом вне временных рамок является некорректным с тех позиций, что происходит отождествление коммерческой рекламной деятельности с агитационной деятельностью политических партий. Во время как указанные виды деятельности тождественными не являются. На наш взгляд, наиболее приемлемым термином для обозначения деятельности политических партий по привлечению электората является термин «агитирование» или «агитация» (агитировать – от лат. *agito* – побуждать) – убеждать массы в правильности политики какой-либо партии или иной организации, призывать к борьбе за эту политику» [15].

Стоит отметить, что термин «агитация» включает в себя как предвыборную агитацию, так и агитацию вне рамок избирательной кампании (т.е. в период между выборами). И, несмотря на то, что агитирование, как было сказано ранее, представляет собой некий единый процесс, не ограниченный временными рамками, деятельность политических партий по привлечению электората в период предвыборной кампании и

в период между выборами должна, на наш взгляд, регулироваться не единообразно. Причины этого «особого статуса» лежат в плоскости особого рода правоотношений, складывающихся между участниками избирательного процесса на стадии предвыборной агитации. С.В.Большаков вполне обоснованно, на наш взгляд, называет эти правоотношения «избирательными информационными» [1]. Помимо права человека на получение и распространение информации, они опосредуют и базируются на таком праве гражданина РФ, как право избирать и быть избранным [1]. Как справедливо отмечает С.В. Большаков, специфическим признаком избирательных информационных правоотношений является то, что они опосредуют отношения, возникающие между участниками избирательной кампании в процессе получения и (или) распространения информации, юридически оформляют информационное обеспечение выборов. В рамках избирательных информационных правоотношений создаются предпосылки для осуществления избирательных прав граждан в той их части, которые связаны с информированием избирателей и предвыборной агитацией [1]. Рассматриваемые правоотношения включают в себя:

1. *Информирование избирателей* (в соответствии с Законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ») – деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, физических и юридических лиц, осуществляемая в ходе избирательной кампании и не имеющая целью побудить (не побуждающая) избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них) [10].

2. *Предвыборную агитацию* («деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [10]).

В ходе избирательных информационных правоотношений есть, с одной стороны, субъект, воспринимающий информацию, то есть реализующий своё право на получение информации о выборах, о кандидатах (избиратели) с целью, с одной стороны, наличия осведомлённости о сроках, месте проведения соответствующих избирательных мероприятий, а с

другой стороны, с целью формирования собственного взвешенного окончательного мнения по поводу избрания того или иного кандидата. А с другой стороны – субъект, распространяющий информацию, на котором лежит корреспондирующая праву на получение информации обязанность по её распространению (кандидаты, политические партии – в ходе предвыборной агитации; избирательные комиссии – в ходе информирования избирателей).

Проведение предвыборной агитационной деятельности, на наш взгляд, является обязанностью каждой политической партии, допущенной к участию в выборах, так как приобретение в период избирательной кампании особого статуса – статуса кандидата, предполагает появление дополнительных прав и обязанностей. Одна из последних – обязанность по проведению предвыборных агитационных мероприятий.

Многих избирательных споров можно будет избежать (см. указанные ранее примеры избирательных споров, связанных с использованием агитационных материалов, созданных за пределами временных рамок предвыборной агитации и оплаченных не из средств избирательных фондов), если исходить из позиции, что материалы предвыборной агитации должны быть изготовлены в рамках агитационного периода, предоставлены (как этого требует Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [10]) в целях осуществления контроля в избирательную комиссию соответствующего уровня, а также оплачены из средств избирательного фонда. Что же касается деятельности политических партий по агитации вне избирательной кампании, то необходимо, на наш взгляд, исходить из того, что она осуществляется в рамках особого вида правоотношений. Назовём их информационно-политическими правоотношениями. Предложим следующее определение указанного понятия «информационно-политические правоотношения» – правоотношения, возникающие в связи с созданием и распространением политической агитационной информации вне временных ограничений.

При этом указанные правоотношения выступают одной из гарантий реализации конституционно закреплённого права человека на свободу распространения и получения информации [3]. Политические партии обладают правом на распространение информации, а электорат – правом на получение информации.

Для устранения существующей неполноты законодательного регулирования предлагаем внести соответствующие изменения в Закон «О политических партиях» и разработать комплекс правовых норм – отдельную главу Закона, посвященную порядку, методам, условиям, гарантиям осуществления непарламентскими политическими партиями деятельности по позиционированию.

При этом в целях реализации предложений Президента РФ по обеспечению конкуренции между партиями необходимо обязать государственные и муниципальные СМИ выделять ежегодно на бесплатной основе эфирное время и печатные площади политическим партиям (в фиксированном – для всех партий обязательном – объеме). Оплату производить из средств бюджета соответствующего уровня (федеральный бюджет, бюджет субъекта, бюджет муниципального образования). Также сохранить возможность платных публикаций как в государственных и муниципальных, так и в негосударственных СМИ с оплатой из бюджетов политических партий.

Обозначим основные выводы: деятельность политических партий в рамках избирательной кампании и в период между выборами – единая, в своем роде, деятельность, иными словами, – это не

два автономных процесса. Наиболее приемлемым термином для обозначения деятельности политических партий по привлечению электората является термин «агитирование» или «агитация». Считаем, что указанные нормы должны существовать в рамках Закона «О политических партиях». Кроме того, считаем необходимым законодательно закрепить наличие обязанности по проведению предвыборных агитационных мероприятий политическими партиями, допущенными к выборам, как в рамках Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», так и в Законе «О политических партиях». Внесение соответствующих изменений в законодательные акты вполне обоснованно, так как, напомним, политическая агитация вне временных рамок избирательной кампании является согласно Закону № 106-ФЗ лишь правом каждой политической партии, которым они распоряжаются по своему усмотрению (реализуют либо не реализуют). Чтобы исключить возможность появления кандидатов-политических партий, о программах, целях которых избиратели не осведомлены, необходимо внести в действующее законодательство указанные нами выше изменения.

1. Большаков, С.В. Избирательные информационные правоотношения [Текст] / С.В.Большаков // Право и власть. – 2002. № 2.
2. Бузин А.Ю. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации [Текст] / А.Ю.Бузин // Конституционное и муниципальное право. – 2009. №3.
3. Конституция Российской Федерации: Федеральный Закон от 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. 25 декабря. – № 237.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24.06.1999 № 121-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. № 26. Ст. 3178.
5. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный Закон от 31.12.1999 № 228-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. № 1 (ч. II). Ст. 11.
6. О политических партиях РФ: Федеральный Закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (в ред. от 17.12.2009) // СЗ РФ. – 2001. № 29. Ст. 2950.
7. О политических партиях РФ: Федеральный Закон от 12.06.2002 № 106-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. № 24. Ст. 2253.
8. О рекламе: Федеральный Закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. № 12. Ст. 1232.
9. Об Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний избирательным объединениям, избирательным блокам, кандидатам в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях с государственным участием: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20.11.1995 № 18/149-П // Российская газета. – 1995. 27 сентября. № 188.
10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный Закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 27.12.2009) // СЗ РФ. – 2002. № 24. Ст. 2253.
11. Олькова О.Н. Некоторые перспективы законодательного регулирования информационной деятельности политических партий в период между выборами [Текст] / О.Н. Олькова // Общество и право. – 2008. № 2.
12. Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>. (дата обращения: 03.12.2009 г.).
13. Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 1 [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: «ТЕРРА», 1996. С. 14.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО РЕЙДЕРСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФОРМЫ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

УДК 343.74/98.067

К.А. СЕРГЕЕВ

Сложность расследования уголовных дел о преступлениях любой категории тяжести определяется рядом факторов, к которым относятся в частности объём и качество доказательственной и ориентирующей информации как на первоначальном, так и на последующих этапах расследования.

Применительно к расследованию преступной деятельности, направленной на незаконное приобретение прав на управление обществом и его имущество, в силу множественности форм проявления влияние факторов усиливается многократно. Множественность форм есть следствие разнообразного сочетания противоправных приёмов, операций и комбинаций, разрабатываемых инициаторами криминального рейдерства. В то же время изучение ситуаций, складывающихся в процессе расследования, позволяет более точно познать механизм образования (возникновения) и движения системы значимой по уголовному делу информации. В условиях объективной востребованности практики в качественных методиках расследования криминального рейдерства, с учетом знания криминалистических характеристик, актуальным является решение задачи выявления и научного исследования системы наиболее часто встречающихся (типичных) следственных ситуаций. Разработка типовых программ (алгоритмов) расследования возможна только при положительном решении указанной задачи. Типовые алгоритмы позволяют органу расследования усовершенствовать свою работу, избежать многих ошибок в решении криминалистических задач, правильно определить направление расследования и тактику отдельных следственных действий, быстро принимать важные процессуальные и тактические решения, передавать свои профессиональные знания другим следователям.

Правильно определить следственную ситуацию при криминальном рейдерстве крайне сложно. В связи с постоянно меняющейся обстановкой расследования и формой осуществления преступной де-

ятельности отражающие эти изменения ситуации расследования весьма многообразны. Первоначально возникающие ситуации трансформируются, переходя в последующие с большей вариативностью. Их типизация в силу уменьшения общих признаков становится процессом всё более сложным, поэтому следователю важно уметь на ранних этапах расследования своевременно обнаруживать и осознавать эти изменения и соотносить уже модифицированные с ещё имеющимися типичными следственными ситуациями.

Результаты научных исследований по систематизации следственных ситуаций в преломлении к объекту нашего исследования позволили признать приемлемой классификацию всего многообразия следственных ситуаций в зависимости от трёх системообразующих факторов.

Установлено, что обстоятельствами, влияющими на способы осуществления криминального рейдерства, а следовательно на формирование следовой картины и, соответственно, образование следственных ситуаций при производстве по уголовному делу, являются:

1. Членство инициатора противоправной деятельности в обществе, в отношении членов которого эта деятельность осуществляется: инициатор является членом данного общества; инициатор «внешний».

2. Место хранения реестра. Держателем реестра может быть эмитент или профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий деятельность по ведению реестра на основании поручения эмитента.

3. Форма протекания преступной деятельности: без придания ей вида законопослушной; с приданием ей вида правомерной.

В зависимости от сочетания двух первых факторов к общим типичным следственным ситуациям относим следующие.

Ситуация 1: инициатор преступной деятельности не является членом общества, а ведение реестра общества осуществляет независимый регистратор.

Ситуация 2: инициатор преступной деятельности не является членом общества, а ведение реестра осуществляет сам эмитент.

Ситуация 3: инициатор преступной деятельности является членом этого общества, а ведение реестра осуществляет независимый регистратор.

Ситуация 4: инициатор поглощения является членом общества, и ведение реестра осуществляет общество (эмитент).

Из всех типичных следственных ситуаций наиболее сложные возникают в процессе производства по уголовному делу об организованной преступной деятельности, инициаторы которой не являются членами общества, в отношении акционеров которого осуществляются преступные действия, и при этом преступной деятельности придаётся вид законопослушной.

Для правильной алгоритмизации расследования необходимо разрабатывать рекомендации исходя из названных типичных общих следственных ситуаций с учётом влияния третьего фактора (придаётся или не придаётся преступной деятельности вид законопослушной) и с детализацией по этапам «развёртывания» следственных ситуаций на промежуточные и конечные.

Из достаточного многообразия изученной следственной практики по первой из перечисленных ситуаций типичным примером исследуемого преступного проявления, а следовательно, перспективного для обобщения и рекомендации алгоритма расследования, может являться расследование преступной деятельности членов организованной преступной группы по незаконному приобретению права на управление и имущественные комплексы (всего двадцать два объекта) юридических лиц, функционирующих на территории Иркутской области.

Поводом для возбуждения уголовного дела по фактам совершения преступлений названной группой послужили заявления от учредителей обществ о незаконном лишении их прав на управление и распоряжение имуществами, поданные в органы внутренних дел после того как «добросовестные» покупатели заявили правопритязание на эти комплексы.

Для восстановления нарушенных прав и возвращения имущества истинным владельцам, а также установления виновных лиц, совершивших преступные действия, на этапе, когда незаконное переоформление прав на имущество уже произошло, было начато расследование. На первоначальном этапе производства следственных действий в ситуации информационной неопределённости к

обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относятся установление «недобросовестности» «добросовестных» приобретателей и их связей с организаторами незаконного отчуждения прав у учредителей соответствующих обществ.

В соответствии с гражданским законодательством (ст. 302 ГК РФ) субъект права может быть лишён статуса «добросовестного» приобретателя, если будет доказано, что он знал, что приобретает имущество у лица, которое не имело права его отчуждать. Для установления данного обстоятельства необходимо последовательно решить следующие задачи.

Во-первых, воссоздать всю цепочку последовательной купли-продажи с целью установления лица, первым продавшего имущественные комплексы. Во-вторых, проверить достоверность правомочности в общей цепочке перепродаж статуса первого продавца как владельца имущественных комплексов обществ, а также проверить соблюдение правового механизма приобретения прав на управление обществами и распоряжение их имуществом.

Согласно действующему законодательству право собственности на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации права в уполномоченных органах. Такая регистрация возможна при предоставлении в государственный регистрирующий орган следующих документов:

- а) подписанного заявления о государственной регистрации (подпись директора удостоверяется нотариусом);
- б) решения о внесении изменений в учредительные документы юридического лица;
- в) изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица в новой редакции;
- г) документа об уплате государственной пошлины.

При названной форме криминального рейдерства объектом проверки является истинность отражения содержания корпоративных правоотношений (так как разнovidностью корпоративных отношений, как показывает практика, являются, в том числе, и фальсифицированные (ложные, не существующие в реальной действительности) правоотношения):

- реальное осуществление действий, зафиксированных в официальных документах;
- действительность удостоверительно-го механизма осуществления изложенных в документах действий.

Источниками информации, позволяющими решить обозначенные задачи, являются:

– члены обществ, право владения на корпоративное имущество которых нарушено;

– протоколы проведения общих собраний, фиксирующие факт их проведения, перечень действий по рассмотрению вопросов на общем собрании, результаты голосования и итоговые решения;

– субъекты, в корпоративных правоотношениях осуществляющие удостоверительную деятельность (нотариусы).

Средствами процессуальной проверки установления обозначенных фактических данных в первую очередь являются следственные и другие процессуальные действия: обыски, выемки, допросы, очные ставки, опознания*, экспертизы; своевременное привлечение в качестве обвиняемых участников противоправных действий и, с позиции решения конечных задач уголовного судопроизводства, избрание наиболее надёжных мер пресечения.

Важное средство доказывания – проведение экспертиз следующих видов: информационных технологий, судебной почерковедческой (в том числе комплексной) и др.

При названной форме уголовного преследования в заключении судебной экспертизы информационных технологий будет содержаться вывод о том, что обнаруженные данные по обществам, имущество которых подверглось преступному посягательству, даты создания и время последних редактирований файлов, установленных, на компьютерах, совпадают с периодом совершения мошенничества.

В заключении комплексной почерковедческо-технической судебной экспертизы будут выводы о том, что подписи от имени действительных директоров в протоколах собраний участников, в заявлениях о внесении в Единый государственный реестр юридических лиц изменений в сведения о юридическом лице, изъятых в ИФНС, в заявлениях о государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица; в уставах обществ, утвержденных общими собраниями акционеров, изъятых в ИФНС, выполнены не самими директорами, а другими лицами с подражанием подлинным подписям директоров.

Допросы в качестве потерпевших учредителей обществ докажут, что общих соб-

раний и других действий, направленных на отчуждение имущества, не было.

Использование перечисленного процессуального инструментария позволило следователям установить всех членов преступной группы и изобличить их в преступлениях.

В то же время, рекомендуя приведённый алгоритм расследования в качестве типичного, следует указать на наличие процессуальных резервов, использование которых может помочь следователю преодолеть проблемные ситуации, возникающие при расследовании уголовных дел в результате недостаточной информационной насыщенности, отсутствия источников информации, наличия более высокого уровня организованности преступной группы, более интенсивного использования средств и методов противодействия расследованию и др.

Таким средством является активное использование статьи 186.1. УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Производство названного следственного действия позволяет следователю получить сведения о времени и продолжительности телефонных переговоров абонента, а также о номерах абонентов, с которыми производилось соединение (как исходящие, так и входящие переговоры) (т.е. детализация счета абонента; данные о местонахождении абонента в зоне действия той или иной базовой станции данного оператора сотовой связи в указанное время, которые позволяют установить примерное местонахождение звонившего (или получившего входящий звонок) в интересующее следствие время.

Такая информация может помочь установлению преступных связей, выявлению возможных соучастников преступления, обнаружению разыскиваемого при проверке следственных версий и заявленного алиби.

Представляется также недостаточным использование института заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, перспективным направлением борьбы с криминальным рейдерством является разработка методик расследования преступной деятельности названного вида, адаптированных к конкретным следственным ситуациям расследования эпизодов криминального рейдерства.

* Производство названного следственного действия необходимо для установления лиц, подавших в регистрирующие органы комплект фальсифицированных правоустанавливающих документов и получивших на них положительное решение от введённых в заблуждение сотрудников ИФНС. Проведение опознания необходимо и при установлении лиц, участвовавших в осуществлении физического захвата имущественных комплексов обществ, в криминальной ситуации, когда одним из этапов лишения прав членов общества на имущество являлось физическое выдворение с территории расположения комплексов действительных их владельцев.

МЕНЕДЖМЕНТ КАЧЕСТВА КАК ПАРАДИГМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 351/354

А.В. ПАВРОЗ

Первопричиной современных административных реформ, проводимых в странах Запада с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время, явилось осознание фундаментальной неадекватности традиционных административных механизмов государственного управления и бесперспективности продолжения курса на совершенствование исполнения государственных функций за счет увеличения налогов и социальных расходов. Подобное осознание, в условиях неразрывной связи демократии и производительности госсектора, когда правительства «должны обеспечить услуги и товары гражданам в точном соответствии со своими обещаниями... представляющими собой своего рода соглашения между избирателями и теми, за кого эти избиратели голосуют» [9, с. 17], и вызвало волну реформ, направленных на повышение эффективности государственного управления.

Теоретико-методологической базой этих реформ стала концепция нового публичного менеджмента, подразумевающая использование рыночно-ориентированных, менеджеритарных подходов в государственном управлении, трансформацию публичного сектора в соответствии с «духом предпринимательства» [13]. В рамках указанной стратегии в практику государственного управления было имплантировано множество различных организационно-управленческих инноваций: передача отдельных публичных функций частному сектору, установление конкуренции между провайдером услуг, трансформация громоздких бюрократических структур в полуавтономные агентства, управление и оценивание по результатам, проведение тендеров, заключение субконтрактов и т.д., которые предназначались для стимулирования эффективности государственного сектора.

Одной из инноваций такого рода, способной существенно повысить эффективность публичного управления, но до настоящего времени крайне ограниченно применяющейся в практике административного реформирования, является менеджмент качества. В этой связи крайне

актуальным представляется рассмотрение основных принципов теории менеджмента качества как основы новой парадигмы реформирования государственного управления.

Базовым постулатом концепции менеджмента качества, возникновение которой относится к середине XX века и связано с именами таких ученых, как У. Шухарт, Э. Деминг, А. Фейгенбаум, Дж. Джуран и Ф. Кросби, является положение о том, что рассматривать с точки зрения достижения качества следует не только конечный результат, но и каждый этап производственного процесса [см.: 1; 8; 12 и др.]. Подобный анализ позволяет не ограничиваться констатацией брака посредством традиционно сравнения запланированного показателя качества с его действительным значением в конечном изделии, а выявлять и анализировать причины возникновения отклонений от заданных показателей качества и разрабатывать меры по стабилизации уровня качества. Данный подход создал предпосылки для управления качеством, что стало основой перехода от традиционной концепции контроля качества к концепции менеджмента качества, в рамках которой задача по выявлению дефектов продукции была заменена целью предупреждения дефектов и производства стопроцентно качественной продукции («ноль дефектов»).

Реализация указанных принципов менеджмента качества подразумевает переход на процессную модель управления, где любая деятельность или организация рассматривается как система взаимосвязанных процессов по преобразованию имеющихся ресурсов в определенный продукт, и управлению подвергается каждый отдельный процесс с точки зрения достижения конечного результата, то есть производства соответствующего по качественным характеристикам продукта. Подобный подход придает тотальный характер управлению, благодаря чему качество становится «не каким-то конкретным заданием», а «укореняется и официально закрепляется в каждом процессе» [2, с. 84].

Важной характеристикой менеджмента качества является также его динамический характер, нацеленность на непрерывное улучшение качества продукции посредством постоянного поиска новых возможностей совершенствования процессов деятельности. В основе подобного поиска лежит знаменитый цикл Деминга (цикл PDCA: Plan – Do – Check – Act), указывающий на наличие четырех принципиально важных и последовательных этапов в руководстве организацией применительно к качеству: 1) планирование (plan) – разработка цели и процессов, необходимых для достижения результатов в соответствии с требованиями потребителей и политикой организации; 2) осуществление (do) – внедрение процессов; 3) проверка (check) – контроль и измерение процессов и продукции в сравнении с политикой, целями и требованиями на продукцию, анализ результатов; 4) действие (act) – пересмотр и исправление целей плана, осуществление действий по постоянному улучшению показателей процессов. Таким образом, на первом этапе разрабатывается план, включающий описание целей и желаемых результатов, затем указанный план осуществляется (второй этап), полученные результаты измеряются и анализируются (третий этап), на основе чего предпринимается коррекция плана и изменения в процессах деятельности. Постоянное повторение приведенного цикла действий и позволяет достичь систематического и всеобщего управления процессами в целях улучшения качества продукции.

В настоящее время в ведущих экономически развитых странах менеджмент качества получил широчайшее распространение, превратившись в новую философию управления, центральное место в которой отводится удовлетворению запросов потребителя, посредством непрерывного совершенствования организационных процессов и вовлечению всех сотрудников в осуществление различных организационных функций. По существу, всеобщее управление качеством становится новым типом организационной культуры, «имеющим своей целью постоянное улучшение функционирования всех звеньев компании для точного соблюдения всех требований и для непрерывного совершенствования качества путем командного стиля работы и вовлечения всех в процесс улучшения показателей качества продукта на благо клиента» [8, с. 22].

Несомненный успех менеджмента качества, выразившийся в значительном

повышении производительности организаций коммерческого сектора [2, с. 22], с неизбежностью в условиях кризиса традиционных стратегий и механизмов государственного управления актуализировал вопрос о переносе технологий управления качеством в практику государственного администрирования.

Универсальный характер принципов управления качеством и их способность позитивно влиять на работу публичных организаций не вызывают сомнений, однако имплантация технологий менеджмента качества в публичный сектор требует кардинальной трансформации всей системы государственного управления.

Первой мерой в этой связи следует признать отказ от всеохватывающего, гомогенного и иерархически организованного правительства. Необходимо четко определить и разграничить государственные функции (попутно избавившись от излишних и необязательных) и на основе данного анализа формировать правительство так, чтобы структура органов власти, объем их полномочий, взаимоподотчетность, характер ответственности и пр. напрямую определялись спецификой выполняемых ими конкретных функций.

Современные исследователи выделяют пять основных типов подобных функций, подразумевая, что каждая из этих функций должна выполняться особым образом, а функции выработки курса, регулирования и предоставления услуг обязательно были разделены [6, с. 64]:

1. Политические функции – стратегическое планирование, составление проектов юридических документов, разработка контрактов о достижениях результатов деятельности, минимальных стандартов и норм, анализ и оценка политики, прогнозирование. Эти функции обычно считаются «неотъемлемо государственными» и требующими специальных навыков и обычно осуществляются основными министерствами центрального правительства.

2. Функции координации, надзора и мониторинга результатов деятельности – координация отношений между различными органами, мониторинг результатов деятельности дочерних органов, содействие и обеспечение возможности дочерним органам для достижения ими своих плановых показателей результативности деятельности. Эти функции также, как правило, считаются «неотъемлемо государственными» и осуществляются основными министерствами.

3. Функции предоставления услуг – предоставление товаров или услуг внутренним (другие государственные органы) или внешним (фермеры, работники лесного хозяйства, рыбаки) клиентам. Функция предоставления услуг часто осуществляется вне центрального правительства посредством механизмов заключения контрактов или субнациональным правительством. Если эта функция реализуется центральным правительством, ее обычно осуществляют контролируемые организации или исполнительные органы.

4. Вспомогательные функции – финансовое управление, кадровое управление, информационные системы, инфраструктура, подготовка кадров, анализ эффективности, ревизия управления, а также секретарские услуги. Эти функции все чаще передаются на стороны, кроме случаев, когда по соображениям безопасности или другим причинам они считаются «неотъемлемо государственными».

5. Функции регулирования – лицензирование, сертификация, выдачи разрешений, аккредитация, инспектирование, проверка выполнения действующих требований и финансовый аудит. Эти функции также часто относятся к «неотъемлемо государственным» и осуществляются статутными учреждениями и другими официальными органами внутри центрального правительства.

Последовательное и всеобъемлющее применение данного подхода при разработке структуры правительства позволяет предметно сформулировать цели и задачи каждого органа власти, закрепив за ним конкретный и непротиворечивый набор функций и полномочий.

Следующим шагом по внедрению концепции менеджмента качества в систему государственного администрирования следует признать тотальную регламентацию всех политико-управленческих процедур. То есть, помимо наделения государственных органов четким набором функций, необходимо еще и строго регламентировать порядок осуществления данных функций.

Удачным примером подобной регламентации может служить Хартия граждан (1991 г.), разработанная правительством Великобритании. Указанная Хартия установила принципы, которые должны лежать в основе деятельности предоставляющих услуги населению государственных структур и обязательства правительства в данной области. Ключевыми принципами Хартии были: 1) стандарты – установление, мони-

торинг и публикация ясно определенных стандартов в отношении услуг, которые могут ожидать пользователи; обнародование фактических показателей работы в сравнении со стандартами; 2) гласность – предоставление клиентам полной и точной информации, в которой должна просто и доступно объясняться работа коммунальных и общественных служб, указываться стоимость их услуг и имена руководителей; 3) консультации – регулярное и систематическое изучение нужд потребителей общественных услуг; учет мнения пользователей и их приоритетов в отношении улучшения работы служб и принимаемых решений, относительно стандартов; 4) вежливость – проявление вежливости к потребителям услуг; оказание публичных услуг равно всем, кто имеет право на их получение, в удобной для клиентов форме; 5) жалобы – обязательное извинение перед клиентами в случае отклонения от стандартов при предоставлении услуг; объяснение причин случившегося и быстрый поиск эффективного средства для исправления недостатков; установка простого порядка внесения жалоб и независимых процедур пересмотра дел; 6) отдача – эффективное и экономное предоставление услуг общественности в пределах ресурсов, которые страна может себе позволить; объективная проверка и подтверждение показателей в сравнении со стандартами [3].

Исходя из принципов Хартии граждан министерства и ведомства Великобритании разработали 40 хартий, охватывающих основные области государственных услуг. Каждая из них устанавливала стандарты услуг, которые потребитель мог получить от конкретных государственных учреждений в таких сферах, как образование, социальное обеспечение, трудоустройство, отдых, налогообложение и т.д. Дополнительно к ним местные органы власти создали с учетом конкретных условий различных районов свои хартии услуг в области здравоохранения, общественной безопасности, пожарной охраны и др., которые они обязались соблюдать [7].

Таким образом, явственное определение функций и тотальная регламентация политико-административных процессов позволяют внедрить систему менеджмента качества в практику управления государственными структурами, установив четкий набор целей и задач для всех уровней управления: организации, агентства, отдела, подразделения и рядового сотрудника, где ответственность за принятие решения пе-

редается на тот уровень, который его реализует, работники подконтрольны и несут ответственность за свои решения, постоянно ведется мониторинг качества работы отдельного сотрудника, подразделения и всей организации.

Важным элементом в имплантации менеджмента качества в публичную сферу является переосмысление традиционных подходов к оцениванию государственного управления. В настоящее время данная практика как «комплекс мероприятий, направленный на изучение результатов и эффектов политических и административных решений и действий и обратное включение этой информации в процесс принятия решений» [4, с. 5] находит все более широкое применение в публичном секторе, превращаясь в одно из приоритетных направлений современных административных реформ. Однако использование принципов менеджмента качества применительно к государственному управлению предъявляет существенно иные требования к технологии оценивания, чем традиционные уже на сегодняшний день концепции управления по результатам бюджетирования, ориентированного на результат, оценивания по удовлетворенности потребителей и пр.

Сущность проблемы заключается в том, что все отмеченные выше концепции исходят из оценивания результатов государственного управления, в то время как менеджмент качества подразумевает прежде всего оценку самого политико-административного процесса и сопоставление данной оценки с измерением вложенных ресурсов и получаемых результатов в целях максимизации эффективности функционирования системы государственного управления.

То есть отмеченная ранее тотальная регламентация всех политико-управленческих процедур должна подкрепляться созданием эффективной системы их оценивания, в рамках которой каждый элемент и процесс системы государственного управления был бы определен соответствующим набором индикаторов. Например, функция обеспечения правопорядка фиксируется такими множественными показателями, как количество совершаемых правонарушений, число сотрудников полиции на тысячу человек, скорость реагирования на обращения граждан, скорость принятия судебных решений, отношение граждан к правоохранительной системе и т. д.

Подобный новый подход к оцениванию подразумевает, что все политико-админис-

тративные процессы наделены соответствующими индикаторами, которые сведены в единую систему, постоянно подвергаются мониторингу и нацелены на обеспечение соответствия данных процессов предписанным в отношении этих процессов требованиям. В этой связи множественные процессуальные индикаторы позволяют сопоставить результаты осуществления той или иной функции не с организацией в целом, но с отдельными процессами внутри организации, которые, в случае их негативного влияния на общий итог деятельности, исходя из специфики методологии данного подхода, можно легко скорректировать. Таким образом, концепция менеджмента качества предопределяет необходимость применения нового подхода к оцениванию государственного управления, который предполагает тотальное оценивание и постоянный мониторинг всех административных процессов, нацеленный на обеспечение соответствия данных процессов предписанным к ним требованиям.

Главной методологической сложностью внедрения в практику государственного управления менеджмента качества (как и прочих экономико-центрических инноваций) традиционно считается то, что целью деятельности государства в отличие от коммерческих структур является не максимизация прибыли или захват новых рынков, а выполнение социально ориентированных функций, которые не поддаются ни четкому определению, ни адекватному оцениванию. Подобное объективное положение препятствует, по мнению критиков, использованию менеджмента качества в государственном управлении. Однако выше мы уже указали, что последовательное применение менеджмента качества, включающее реорганизацию правительства на основе функционального анализа, тотальную регламентацию всех политико-административных процедур и процессуальное оценивание деятельности органов государственной власти, способно снять отмеченную проблему и заставить государство работать в соответствии с принципами менеджмента качества.

Прочие выделяемые препятствия на пути интеграции технологий управления качеством в сферу публичного администрирования связаны скорее с патологиями, нежели с объективными свойствами государственного управления. К их числу относятся бюрократизированность, дефицит ответственности, привычка мыслить кратковременными категориями, текучесть кадров, управление

на основе поверхностной статистики, ориентация на общественное мнение, законодательные и судебные ограничения, привычка к решению проблем путем создания новых структур, а не содержательных изменений самой организации и пр. [10, с. 171–194]. Данные препятствия не являются непреодолимыми, а снимаются путем элементарной рационализации системы государственного управления, в том числе и с помощью технологий управления качеством.

Действительной же проблемой на пути внедрения менеджмента качества в систему государственного управления следует признать то, что подобная реформа требует радикальной перестройки всей системы публичного администрирования, а соответственно – значительных финансовых затрат и жесткой политической воли. Однако, несмотря на неизбежные издержки, есть все основания полагать, что указанные реформы принесут многократную отдачу в форме значительного повышения производительности системы государственного управления.

И речь в данном случае, по нашему глубокому убеждению, должна идти не только и не столько о внедрении принципов менеджмента качества в практику деятельности отдельных организаций публичного сектора (успешных, хотя и частный опыт преобразований такого рода уже имеется

[см.: 5; 11 и др.]), сколько об использовании данной концепции в том виде, в котором она представлена в рамках настоящей статьи – как теоретико-методологической парадигмы реформирования всей системы государственного управления. Данное положение обусловлено тем, что менеджмент качества в силу присущих данному управленческому подходу свойств в состоянии стать эффективной системообразующей основой для проведения всего комплекса мероприятий, предусмотренных современными административными реформами, позволяя разработать логичную и непротиворечивую стратегию преобразований, соединив множество разнородных административных действий в единую систему, работающую на общий результат – повышение функциональных способностей государства.

Таким образом, в заключение статьи следует подчеркнуть, что принципы менеджмента качества носят универсальный характер и их применение в публичном секторе будет способствовать значительному повышению эффективности государственного управления. Все вышесказанное дает основания сделать вывод о том, что концепция менеджмента качества может быть востребована в виде новой интегративной парадигмы реформирования системы государственного управления.

1. Деминг, Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами [Текст] / Э. Деминг. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
2. Джордж, С. Всеобщее управление качеством: стратегии и технологии, применяемые сегодня в самых успешных компаниях (TQM) [Текст] / С. Джордж, А. Ваймерскирх. – СПб.: «Виктория плюс», 2002.
3. Зинченко, Г.П. От администрирования к менеджменту (опыт реформ государственной службы в Великобритании) [Текст] Г.П. Зинченко // Полис. – 1996. № 1.
4. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт [Текст]. – М.: Издательство «Высшая школа экономики», 2005.
5. Майлакович, М. Всеобщее управление качеством в целях повышения производительности в государственном секторе [Текст] / М. Майлакович // Эффективность государственного управления. – М.: Фонд «За экономическую грамотность, Российский экономический журнал, Издательство АО «Консалтбанкир», 1998.
6. Маннинг, Н. Реформа государственной службы: методика проведения функциональных обзоров [Текст] / Н. Маннинг, Н. Парисон. – М.: Издательство «Высшая школа экономики», 2002.
7. Садлер, Дж. Повышение качества государственных услуг: опыт Великобритании [Текст] / Дж. Садлер // Проблемы теории и практики управления. – 2000. № 3.
8. Холмс, К. Тотальное управление качеством [Текст] / К. Холмс. – М.: Издательство МГУП, 2000.
9. Хольцер, М. Производительность, государственное управление и демократия [Текст] / М. Хольцер // Эффективность государственного управления. – М.: Фонд «За экономическую грамотность, Российский экономический журнал, Издательство АО «Консалтбанкир», 1998.
10. Эммонс, Д. Препятствия на пути повышения производительности в государственном секторе [Текст] / Д. Эммонс // Эффективность государственного управления. – М.: Фонд «За экономическую грамотность, Российский экономический журнал, Издательство АО «Консалтбанкир», 1998. С. 171–194.
11. Cohen S., Brand R. Total Quality Management in Government: A Practical Guide for the Real World. – San Francisco: Jossey-Bass, 1993.
12. Dahlgaard J., Kristensen K., Khanji G. Fundamentals of Total Quality Management. – London: Routledge, 2005.
13. Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. – New York: Plume, 1993.

О ПРИНЦИПАХ СОЦИАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ДЖ. М. БОЛДУИНА

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЯ)

УДК 316.6

Л.Г. АЛЕКСАНДРОВ

Американский психолог Джеймс Марк Болдуин (1861–1934) прошел путь искреннего и любознательного исследователя и добился широкой известности в научной среде. Выпускник Принстонского университета, он преподавал иностранные языки, защитил докторскую диссертацию по философии, после непродолжительной работы в Лейпциге у В. Вундта организовал лабораторию экспериментальной психологии в университете Торонто. Кругозор его интересов был чрезвычайно широк. Он исследовал воздействие на испытуемых во время гипнотических сеансов во Франции, изучал проблемы наследственности на примере династий известных деятелей искусства. В 1892 г. Дж. М. Болдуин, уже имевший европейскую известность, был избран вице-президентом Международного конгресса психологов в Лондоне. В дальнейшем он принимал активное участие в налаживании научной коммуникации в среде социологов и психологов, организовал журнал «Психологическое обозрение», где был одним из ведущих авторов и переводчиков, а в 1897 г. был избран президентом Американской психологической ассоциации. Изданный под его редакцией словарь философии и психологии переиздавался на многих языках.

Болдуин постоянно развивал мысль о необходимости диалектического (социально-психологического) подхода к исследованию проблемы психического развития. С одной стороны, он считал, что изучение развития личности ребенка невозможно без учета социальных условий, с другой – настаивал, что изучение общества в целом должно быть основано на исследовании жизни каждого представителя социума. Душа человека оказывается в двойной зависимости от физических (антропологических) параметров и общественных стандартов, и очень важно, чтобы в становлении человека как личности была заложена – на этическом и эстетическом уровне – способность «принять общественное наследство»

[6]. Человек приобретает все богатство отношений, предоставляемых ему жизнью, благодаря имеющейся у него потребности к подражанию. Болдуин предполагал, что даже самая высшая из сфер человеческой деятельности не имеет смысла, если не отвечает потребностям общества, если «в ней нет никакой нити, идущей из века в век и связывающей человечество, гения и незаметного труженика, в одно общее и осмысленное развитие» [1, с. 8].

Концепция психического развития ребенка, которой исследователь уделял повышенное внимание, основывалась на принципе постепенного, поэтапного освоения ребенком мира людей и окружающих его вещей. Он очень тщательно исследует структуру этого процесса, поскольку считает, что эти этапы являются кардинальными для дальнейшего развития человеческого существа, для переведения его из естественно-инстинктивного «статуса» в социально-нравственный. Это может быть достигнуто при условии налаженной, контролируемой системы воспитания, принятой в обществе, а искажение духовного мира незрелой личности на любом этапе социализации чревато серьезными последствиями во взрослой жизни. В своих основах «наивная философия» Болдуина декларировала, что «все мы родом из детства», и что именно через подражание действиям взрослого ребенку может открыться мир других людей. С каждым этапом личность все больше начинает осознавать действия и поступки окружающих «изнутри», через приобретенные структуры собственного сознания, и уже не проективно, а субъективно, следуя законам «взрослого поведения».

Болдуин придерживается основных методов экспериментальной психологии с ее принципами накопления, обогащения содержания внутреннего мира личности. Он поддерживает в своих работах тезисы о том, что человек не может быть только эгоистом или альтруистом, он многолик в

своих личностных проявлениях, и по большей части эти особенности зависят от влияния окружающих его людей. Мыслитель отдавал приоритет среди общественных институтов семье как первичной воспитывающей единице. Кризис биолого-натуралистических теорий в конце XIX в. способствовал усилению психологической тенденции в социологии. Дж. С. Милль в полемике с О. Контом утверждал, что все социальные законы сводятся к законам индивидуальной человеческой природы: «Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами <...>. В общественной жизни люди обладают лишь свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены <...>. Следовательно, социология как наука о действиях масс людей и о различных явлениях, составляющих общественную жизнь, имеет своей основой психологию» [5, с. 794–798].

Институционализация экспериментальной психологии как самостоятельной дисциплины, независимой от философии и физиологии, подняли ее научный престиж и способствовали экспансии элементов психологизма в другие отрасли знания. Именно в это время неудовлетворенность примитивными органическими аналогиями возбуждала у социологов интерес к проблемам мотивации, психологическим механизмам социального поведения, понимаемым порой довольно широко и аморфно. Социальные явления часто интерпретировались в таких терминах, как «инстинкт», «импульс», «неосознанное стремление» и т. п. Они с одинаковым успехом употреблялись как в житейской трактовке биологических потребностей организма, наследственных программ поведения, так и в социально-теоретических построениях (относительно установок, привычек, потребностей, аффектов или иных психических процессов).

В работах Болдуина большое внимание уделяется описаниям процессов межличностного, «интерактивного» взаимодействия – убеждения, внушения и особенно – подражания. Первые исследования такого плана (А. Вигуру, П. Жукелье) не отличались методологической и концептуальной строгостью, так, например, Г. Лебон видел в подражании частный случай заражения одних людей идеями других. Однако в большинстве социально-психологических теорий предметом исследования считались групповые процессы,

которым приписывался (порой на вульгарно-психологическом уровне) специфический «онтологический статус». [2, с. 91]. Впрочем, социальные философы уже в XIX в. замечали, что нельзя обозначать одним словом и процесс, благодаря которому у определенной группы людей вырабатывается коллективное чувство, и источник привычки или связи с общими и традиционными правилами поведения: «Совершенно разное дело чувствовать сообща, преклоняться перед авторитетом мнения и – автоматически повторять то, что делают другие» [11, с. 142].

Нередко подражание или механическое усвоение нового образца начинается с внешних, поверхностных черт, а сознание лишь впоследствии подстраивается под уже сложившуюся экспрессивную форму, эстетическую или этическую. «Закон подражания», с точки зрения современной социологии, не универсален, ибо базируется на идее незыблемости системы общественных групп и слоев. Впрочем, для первых социальных психологов было важно, что теория подражания выводит исследователя за рамки внутренних психических процессов, делая единицей социологического исследования не отдельно взятого индивида, а процесс межличностного взаимодействия. Не случайно, что именно в работах американских социальных психологов, не слишком зависимых от классических общественных доктрин, зарождается течение интеракционизма, явившееся попыткой соединения психологических и органических понятий в единой системе ориентиров и ценностей. Личность в этих доктринах понимается при этом не как абстрактный индивид, а как социальное, групповое существо, выполняющее определенные роли. Грубое противопоставление индивида и общества уступает место более гибкой идее их взаимопроникновения.

При всей методологической наивности включение в структуру самосознания личности социальных моментов и компонентов было весьма плодотворно для научной мысли начала XX в. Болдуин как бы переводит социально-психологические идеи Г. Тарда в противоположное направление, диалектически рассуждая не от групповых процессов к личности, а наоборот. Болдуин полагал, что социальная организация тождественна разумным критериям самосознания и самопознания, вырабатываемым человеческим индивидуумом. Социальная психология подняла на щит позицию, по которой внутреннее устройство душевного мира человека непротиворечиво по отно-

шению к общественному порядку. Соответственно, внутренний разлад личности, его моральные колебания обозначались как аналоги нарушения традиционного общественного уклада. Впрочем, дальнейшее развитие показало, что такая идеализированная позиция, плодотворная в рамках исследования межличностных отношений, оказывается недостаточной для описания и объяснения макросоциальных процессов, национальных и классовых отношений, природы политической власти и т. д. [3, с. 12]. Заметим, что именно к этому времени относят начало теоретического, а затем и эмпирического исследования общественного мнения и сферы массовых коммуникаций, явившихся неотъемлемой составной частью американской демократии.

Изучение процессов группового взаимодействия отнюдь не исчерпывает всей социальной сферы и не оправдывает сведения социологии к социальной психологии, что очень типично для этого течения общественной мысли. Дж. М. Болдуин, У. Мак-Дугалл, Ч. Кули, Ч. Э. Элвуд, Э. О. Росс попеременно называют свой подход то социально-психологическим, то социологическим. Выявляя динамические основы социальной психологии, Болдуин, взяв за основу т. н. биогенетический закон Дарвина-Мюллера-Геккеля, сопоставляет онтогенез (индивидуальное развитие) ребенка с филогенезом – достижениями ряда его предков. Он пытается найти общие принципы двух рядов в проявлении различных функций – внимания, памяти, мышления, воображения, эмоций и желаний – и связывает эту общность с процессом сознательного подражания ребенка взрослому. Болдуин в данном случае является «изобретателем» теории генетической эпистемологии (возрастной психологии, в современном понимании). С 1903 по 1909 г. в его экспериментальной лаборатории велись «измерения» процессов воспроизводства визуальных иллюзий, публиковались обзоры новейших методик эмпирической психологии. Однако постепенно интерес Болдуина к практическим исследованиям угасает. Он вынужден поддержать точку зрения У. Джеймса, который был убежден в неспособности бесчисленных психологических лабораторий решать серьезные социальные проблемы. В результате Болдуин отдает приоритет обобщающе-философскому и теоретико-социологическому подходу, для чего выводит эмпирическую психологию на уровень фундаментальной науки, включая ее в общую типологию знания.

В этом виде концепция Болдуина и обретает известную популярность. О важности

изучения процессов приспособления и подражания, о влиянии окружающей среды на развитие личности рассуждают коллеги, ученики и последователи Болдуина – А. Гезелл, Дж. Селли, Н. Миллер, Дж. Доллард, Б. Скиннер, А. Бандура, К. Бюлер и др. Теорию «социального научения» Болдуина успешно развивали Э. Клапаред, Ж. Пиаже, Р. Сирс, Дж. Роттер, Дж. Уайтинг и др. [см. 7; 9]. Достижения американской школы имели известный отклик и в России. Еще в 1913 г. в Москве была издана работа Болдуина «Духовное развитие с социологической и этической точки зрения», а в 1924 г. его концепция в сокращенном, переработанном и адаптированном виде появилась в виде брошюры «Психология в ее применении к воспитанию». Впрочем, в советской педагогике возобладали иные установки и методы, довольно скоро оттеснившие на второй план «гармонические» приемы социальной психологии.

Определенным препятствием для развития социально-психологического направления в науке были и многочисленные социальные институты, определявшие в XX в. структуру человеческого сознания и своими идеологическими надстройками (во многом бюрократического свойства) значительно сдерживавшие и подчинявшие развитие личности. Концепция Болдуина, ориентировавшаяся на «теплечные», семейные условия воспитания, как будто переставала «работать» или требовала модификации в случае передачи функции воспитания ребенка в иную среду – будь то приют, монастырь, школа или пансион. В иных условиях воспроизводились свои стандарты и каноны воспитания юного гражданина общества [см.: 4; 10]. Мыслитель является продуктом своей культурной традиции, молодой и космополитической, которой был мало интересен глубокий исторический анализ, зато были востребованы экспериментальные общественные программы. Стоит также заметить, что взгляды Болдуина сложились и созрели в период, предшествующий эпохе мировых войн и глобальных социальных катаклизмов, поэтому не случайно многие новейшие понятия просто не укладывались в его общественную концепцию, восходящую к идее «универсального человека», культивировавшейся с эпохи Возрождения. Стремление найти «параметры» личности творчески одаренной, широко эрудированной, идеально воспитанной уже в середине XX в., многими воспринималось как архаистическая задача, рудимент средневекового мировоззрения.

Тем не менее, многие идеи Болдуина могут быть и сегодня адаптированы к различным течениям общественной мысли. Это касается, например, введенного мыслителем понятия «круговой реакции», предполагающего, что между организмом и окружающей средой идет процесс непрерывного, последовательного и ритмичного взаимовлияния. Не впустую потрачены усилия социальных психологов, восстававших против формализованного, схематического подхода к общественному устройству. Болдуин не раз категорически утверждал, что индивидуум – это «социальный результат, а не социальная единица». Эпистемология Болдуина как способ освоения «наследства социума» обозначала мышление как избирательный процесс, протекающий на основе социально определенных форм знания, диалектически коррелирующих с духовными возможностями его носителя. В его работах многократно отмечалось, что и социальная среда, и наследственность равно определяют уровень достижений человека в данном обществе.

Практические исследования процессов социализации ребенка привели исследователя к трудно опровергаемым «простым истинам». Социальное моделирование системы образования, в которой дети обучаются одинаковым вещам, нормам поведения и т.п., но, тем не менее, проявляя различия в скорости усвоения знаний, в адаптации к общественным нормам, сегодня является составной частью многих программ формирования самооценки, профессиональной пригодности. С учетом общественных норм и ценностей мыслитель рассматривал и такие понятия, как одаренность и гениаль-

ность. Для него в исследовании проблемы важно было не только изучить интеллектуальные различия между нормальными и одаренными детьми, но и проанализировать, насколько врожденная талантливость человека принимается обществом и является общественной ценностью. Исходя из такого понимания, Болдуин, опережая концепцию Й. Хейзинги, одним из первых настаивал на необходимости введения в практику общественного воспитания многообразных форм игры. Он отметил ее социальную функцию не только как формы «предварительного упражнения», но и как значимого инструмента социализации.

Дж. М. Болдуин считается классическим представителем дуалистической концепции воспитания, подразумевающей сопоставление генетических и негенетических методик, различия между которыми «смягчаются» благодаря пронизывающему весь процесс обучения эстетическому и этическому моменту. Современные детские психологи развивают целые комплексы обучения и системы наблюдения, которые учитывают, что созревание ребенка как биологический процесс сопровождается его духовным ростом, реактивными и интерактивными мыслительными и речевыми акциями, во многом напоминающими поиск ответов на классические философские вопросы о человеке, природе и обществе. Несмотря на наивность философии детства, обоснование которой также часто ведут от Болдуина, в ней можно усмотреть большие возможности для изучения возрастной психологии, без которой процессы воспитания и – более широко – социализации не могут быть объяснены в полной мере.

1. Болдуин, Дж. М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода [Текст] / Дж. М. Болдуин. – М., 2011.

2. Вундт, В. Проблемы психологии народа [Текст] / В. Вундт. – М., 1912.

3. Ионин, Л. Г. Понимающая социология : историко-критический анализ [Текст] / Л. Г. Ионин. – М., 1979.

4. Кон, И. С. Социология личности [Текст] / И. С. Кон. – М., 1967.

5. Милль, Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной [Текст] / Дж. С. Милль. – М., 1914.

6. Минькова, Е. С. Джеймс Марк Болдуин и его концепция поэтапного формирования самосознания у ребенка дошкольного возраста [Электронный ресурс] / Е. С. Минькова // Психея + Клио : электронный журнал по истории психологии. – psyhistory.ru > index.php?VSN=36 : дата обращения 30.01.2011.

7. Мухина, В. С. Проблемы генезиса личности [Текст] / В. С. Мухина. – М., 1985.

8. Мэттьюз, Г. Б. Взгляд философа на детство [Текст] / Г. Б. Мэттьюз // Философская культура мышления : сб. научно-исследовательских статей. – Вып. 2. – Челябинск, 2004.

9. Осипов, Г. История социологии в Западной Европе и США [Электронный ресурс] / Г. Осипов // Библ. Гумер. – gumer.info > bibliotek_Buks/Sociolog/Osipov : дата обращения 30.01.2011.

10. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории [Текст] / Б. Д. Парыгин. – М., 1971.

11. Плеханов, Г. В. Письма без адреса [Текст] / Г. В. Плеханов // Плеханов, Г. В. Избр. философские произведения. – Т. 5. – М., 1958.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММОДИФИКАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 101.1:316

А.В. ОВРУЦКИЙ

Одним из специфических проявлений общества потребления является коммодификация. Рассматриваем коммодификацию как процесс овещствления, экстраполяции потребительского механизма на ранее не рыночные социальные области: спорт, искусство, семья, сексуальная жизнь, образование, медицина, армия и т.д. Коммодификация связана с переводом благ и ценностей, которые ранее не воспринимались как товары, в коммерческие блага, способные свободно обмениваться на рынке и приобретающие, таким образом, стоимостное выражение [3, с. 30].

Эта проблематика не получила своего освещения в отечественной специальной литературе, однако активно обсуждается в западной обществоведческой науке [см. 7, 9, 11, 12]. Феномен политической коммодификации представлен на уровне политических институтов и процессов, в наибольшей степени затрагивает классические общественные институты, а также является индикатором трансформации политической сферы.

В рамках наук о потреблении политическая коммодификация раскрывается в парадигме так называемого «этического потребления», представляющей специфические потребительские практики, регулируемые этическими, политическими или экологическими ценностями, нормами, интересами [5, с. 76]. Здесь этическое потребление предстает не только как особый способ приобретения и расходования ресурсов, но и как современный способ реализации политических прав, отстаивания интересов, в конечном итоге, – как проявление гражданских свобод и личностной самореализации.

Идеологическое обоснование коммодификации можно найти в современной институциональной экономической теории, в которой сформулирован новый тезис о возможности «обмена правами человека» [1, с. 5]. Другими словами, в отличие от классической трактовки прав человека как неотчуждаемых и неделимых, новая институциональная теория позволяет дать новое определение политики, раскрыть через

процесс экономического обмена содержание власти и политики, постулировать, что политические свободы и политические интересы в потребительском обществе свободно конвертируемы в потребительские свободы и интересы, а потребление становится главным политическим ресурсом и социальной валютой политических процессов.

Социальные последствия коммодификации, на наш взгляд, амбивалентны. С одной стороны, коммодификация приводит к инфляционированию сферы сакрального. По мнению М. Годелье, то, что ранее не могло быть продано и куплено и являлось основой общества, сегодня становится товаром, в связи с чем, требует «юридических и конституционных» ограничений [2, с. 250].

С другой, коммодификация, особенно ее политическая форма, позволяет канализировать агрессивные политические импульсы, выступает как более мягкая и, безусловно, современная технология проявления политической активности и политического протеста.

Исследуемый феномен приводит современное западное общество к ситуации конвергенции экономики и гражданского общества, а на уровне индивида – к конвергенции позиций потребителя и гражданина.

На наш взгляд, феноменологию политической коммодификации составляют два разнонаправленных процесса с примерно идентичными эффектами. Во-первых, политизация потребления, когда маркетинговыми средствами достигается желаемая политизация брендов, а за счет этой дополнительной социальной ценности может расти потребление и повышаться лояльность. Во-вторых, консюмеризация политики, когда сама политика использует потребительское пространство для расширения практик политической активности.

Примеры первого направления многочисленны. На рынке потребительских товаров практически обязательной маркетинговой технологией является четкое позиционирование брендов по различным шкалам, включая политические предпочтения, вплоть

до выбора конкретной политической партии или политика. Не осталось ничего в социальности, аксиологии, политике и т.д., что бы не имело коррелята, альтер-эго в образах потребительских товаров.

М. Гислер и А. Венкатеш указывают, что современные бренды являются специфическими социальными системами, включающими систематизацию мира товаров, коммуникацию между потребителями марки и производителями, установление контроля над потреблением, культурный ресурс, а также объединительные и различительные диспозиции [10]. Полагаем, что за счет глобальности коммодификации бренды систематизируют не только мир товаров, а претендуют на общую социальную категоризацию и концептуализацию мира.

Применительно к политической сфере уместно привести хрестоматийный пример с четким позиционированием пепси-колы как бренда республиканцев, а кока-колы – «тонизирующего олицетворения» демократической партии США. Интересно, что совсем недавно у американских гигантов появились два конкурента – прохладительные напитки Mecca-Cola (Франция) и Qibla-Cola (Пакистан). Они спозиционированы для мусульманской аудитории как «исламская мечта», «послание протеста против несправедливости» (по материалам интернет-сайтов компаний: <http://www.mecca-cola.com/> и <http://www.qibla-cola.com/index2.asp>, от 02.09.08).

Яркая политическая и религиозная привязка этих брендов, по сути, переводит для потребителей политическое противостояние в потребительскую сферу – вы потребляете исламскую колу, а значит, вы истинный мусульманин и помогаете своим. Например, по заявлениям компании-производителя 10 % стоимости напитка по исламским предписаниям жертвуется на борьбу палестинского народа за независимость.

Второе направление также представлено многочисленными феноменами. И. Шёнхайт рассматривает феномен политических потребительских практик как процесс расширения политической активности на потребительскую сферу, когда частное потребление становится формой выражения общественно-политических предпочтений [12]. Потребитель воспринимается в этом контексте как потребитель-гражданин, когда «правильное» потребление может решать политические проблемы и даже спасти весь мир.

Современный политический рынок, на наш взгляд, организован по аналогии с коммерческим рынком и развивается по тем же законам, а политический маркетинг имеет все те же средства и инструменты, что и маркетинг товаров и услуг. Политический маркетинг также ориентирован на достижение рыночного баланса между спросом и предложением, в данном случае электоральных, т.е. предполагает активное, системное и технологичное воздействие на электоральные группы, управление электоральными предпочтениями, электоральной активностью и электоральными мотивами.

Если применительно к современному потреблению товаров и услуг произошла серьезная ревизия концепции «рационального поведения» и такое поведение рассматривается сейчас как иррациональное и полипричинное, то в рамках политологического дискурса политический рынок до последнего времени остается «морально чистым», ему атрибутируется рациональность поведения его акторов, а общий вектор его развития трактуется как поступательный и прогрессивный. Однако маркетинговые технологии нацелены как раз на иррациональные структуры массового сознания и бессознательного.

Субъекты политического рынка обзавелись фирменным стилем, создали бренды и рекламные концепции партий и отдельных политиков, активно продвигают последние посредством рекламы, директ-маркетинга, сейлс-промоушн и паблик рилейшнс. Можно встретить и совсем пока экзотические для политического маркетинга варианты, такие, как событийный маркетинг, продакт-плейсмент, кросс-промоушн, партизанский маркетинг, франчайзинг. Последний можно проиллюстрировать примером из российской политической практики, когда «нераскрученные» кандидаты, как правило, на местном уровне, покупают право использовать сильный федеральный бренд (популярная партия или политик).

Выделяем две основные формы политических потребительских практик. Это, во-первых, бойкот потребления определенных продуктов и брендов по политическим мотивам и, во-вторых, повышение лояльности к определенным маркам, также исходя из политических причин.

Широкую известность приобрели международные акции бойкота товаров из Южной Африки в 80-х – 90-х годах прошлого века, связанного с протестом против ре-

жима апартеида. В США в рамках такой акции профсоюзы забирали свои пенсионные сбережения и закрывали счета в банках, предоставляющих займы южно-африканскому правительству, муниципалитеты разрывали контракты с компаниями, которые осуществляли инвестиции в ЮАР, докеры отказывались разгружать южно-африканские корабли, а агенты авиакомпаний бронировать билеты в страну и обратно [4, с. 421].

Однако история знает и другие примеры бойкота, которые нельзя назвать позитивными. В их числе бойкот еврейских магазинов и производителей фашистской Германии или «война карикатур» в 2006 г., вылившаяся, в том числе, и в бойкот датских товаров потребителями мусульманами.

В нашей стране в 2007 г. в связи с известными событиями вокруг «бронзового солдата» была проведена акция по бойкоту эстонских товаров и туризма в эту страну.

К современным вариантам политической коммодификации мы относим компьютерные протестные действия, получившие обозначение «хактивизм». Термин возник из соединения двух слов «hack» и «activism» и обозначает новую разновидность социального протеста, основанную на причинении ущерба компьютерным сетям и их пользователям с использованием интернет-технологий [8]. Хактивизм, по мнению Д. Деннинг, включает в себя виртуальные «сидячие забастовки» и блокады, бомбардировку электронной почты, web-хакерство и компьютерные взломы, использование компьютерных вирусов и червей [там же]. По сути, хактивизм нацелен на создание помех или полное прекращение потребления информации в Интернете и получил в последнее время широкое распространение в практике политических протестных действий.

Наиболее известны хакерские атаки сербов 1999 года в ответ на ракетно-бомбовые удары НАТО по Югославии. Сербские хакеры вывели из строя сервер альянса: неизвестный адресат регулярно присылал на адрес Североатлантического военного союза около 2000 сообщений.

Также получили международное освещение атаки сайтов эстонского правительства и правящей в стране партии в 2007 г. в ответ на демонтаж «бронзового солдата» в Таллине. Сайты были выведены из строя, а главная страница одного из них была изменена.

Последний пример был связан с российско-грузинским конфликтом 2008 г., который также вызвал хакерскую активность с обеих сторон: порталы президента Грузии и сайты официальных ведомств были выведены из нормального режима работы, а на сайте министерства иностранных дел была изменена главная страница (появлялся коллаж, составленный из фотографий президента и фюрера Германии).

Анализируя «потребительский бунт» Дж. Хиз и Э. Поттер полагают, что сам протест является продуктом капиталистической экономической системы. Авторы основывают свой тезис на теории кооптации, согласно которой система пытается всего лишь ассимилировать сопротивление масс, присваивая символы такого сопротивления, выхолащивая их «революционное» содержание, а затем возвращая их назад массам в виде обычного товара [6, с. 50].

На наш взгляд, яркий пример феномена кооптации был показан одной из крупнейших в мире сетей розничной торговли «Tesco». Компания решила заработать на распространенной политической протестной практике некоторых радикальных групп «тортометателей», бросающих сладким продуктом в своего оппонента обязательно в публичном месте и при включенных телевизионных камерах («На любую их ложь мы ответим нашим тортом») [4, с. 408]. Оппонент попадает в курьезную ситуацию в жанре чаплинских эпизодов, он смешон, унижен, обесценен, а редкий таблоид откажет себе в удовольствии опубликовать снимок известного политика в комичной ситуации. Отметим, что быть испачканными в креме удаивались многие видные политики в Европе, Америке и России.

Компания «Tesco» решила протестировать собственную выпечку на предмет выявления наиболее пригодных для использования в метании тортов и в итоге дала потребителям соответствующие рекомендации. Так, рекламный текст ритейлера гласил: «Мы стараемся идти в ногу с нашими покупателями...торт с заварным кремом обладает наибольшей укрывающей способностью, равномерно растекаясь по всему лицу при столкновении с ним, при этом ни один из тортов не содержит генетически модифицированных ингредиентов» [4, с. 409].

Еще одной особенностью политической коммодификации является устойчивая тен-

денция к эстетизации политической активности. В потребительском обществе граница между искусством и реальной жизнью нивелируется, а политическая активность, рассматриваемая в рамках потребительского процесса, выступает не только в утилитарном, бытийном контексте, но и в контексте профанного искусства.

В целом современное западное общество, на наш взгляд, воспринимает эстетическую компоненту политической активности как легитимирующий механизм для общественного мнения. Современные политические протестные акции скорее напоминают перформансы современного искусства, чем борьбу за права в классовом обществе начала XX века.

Подводя некоторые итоги, отметим, что политическая коммодификация направлена на конвертацию политических благ и ценностей в коммерческом пространстве, возможность их свободного обмена и стоимостного выражения. Потребление,

таким образом, становится главным политическим ресурсом и социальной валютой политических процессов, а сама коммодификация, с одной стороны, приводит к инфляции политического пространства и политических институтов, а с другой, – смягчает и гуманизирует политическую борьбу, снижая степень насилия и агрессии.

На уровне общества происходит конвергенция экономики и гражданского общества, появление диспозиции «политического потребителя».

Феноменология политической коммодификации составляют процессы политизации потребления, когда маркетинговыми средствами достигается желаемая политизация брендов, а также процессы консюмеризации политики, включающие использование потребительского пространства в политических целях. Еще одной характерной особенностью политической коммодификации является устойчивая тенденция к эстетизации политической активности.

1. Аузан, А. Интерпретация прав человека с позиции новой институциональной экономической теории [Текст] / А. Аузан // Civitas. – 2003. № 1. С. 4–11.
2. Годелье, М. Загадка дара [Текст] / М. Годелье. – М.: «Восточная литература» РАН, 2007. 295 с.
3. Гопкало, О.О. Теория общества потребления в современной социологии [Текст] / О.О. Гопкало: Дис. ... канд. социол. наук. – СПб. 2006. 155 с.
4. Кляйн, Н. NO LOGO. Люди против брендов [Текст] / Н. Кляйн. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. 624 с.
5. Коос, С. Объясняя этическое потребительское поведение в Европе (эмпирические данные по 19 странам) [Электронный ресурс] / С. Коос // Экономическая социология. – 2009. 2 марта. – Т. 10. – № 2. С. 76–98. – Режим доступа: <http://www.ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 22.05.2009 г.).
6. Хиз, Дж. Бунт на продажу [Текст] / Дж. Хиз, Э. Поттер / пер с англ. 104 – М.: Изд-во «Добрая книга», 2007, 456 с.
7. Berger P.A. «Life politics». Zur Politisierung der Lebensfuehrung in nachtraditionalen Gesellschaften. – Leviathan, 1995, Jg. 23, H. 3, s. 445–458.
8. Denning D.E. Activism, Hacktivism, and Cyberterrorism: The Internet as a Tool for Influencing Foreign Policy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.avtonom.org/pub/hacktivism.html> (дата обращения: 10.10.2009 г.).
9. Douglas M. In Defence of Shopping. In: Pasi Falk /Colin Campbell (Hrsg.): The Shopping Experience. – London: Sage, 1997, s. 15–30.
10. Giesler M., Venkatesh A. Reframing the Embodied Consumer as Cyborg: A Posthumanist Epistemology of Consumption, Advances in Consumer Research, UT: Association for Consumer Research. – 2005. – vol. 32, p. 1–30.
11. Palm R. Soziale Gestaltung der Globalisierung. Sozialsiegel und Verhaltenskodizes von Unternehmen// Politik und Gesellschaft. – 2001. № 3, s. 322–334.
12. Schoenheit, I. Politischer Konsum. Ein Beitrag zum faustischen Konsumentenverhalten. In: Jaeckel, M. (Hrsg.): Ambivalenzen des Konsums und der werblichen Kommunikation. Verlag fuer Sozialwissenschaften. Reihe: «Konsumsoziologie und Massenkultur». – April 2007, s. 211–235.

СОЦИАЛЬНО-МАССОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ: КОНЦЕПТ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

УДК 111.6

Г.Ю. ЧЕРНОВ

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии содержания концепта «социально-массовые явления», его значимости для социально-философского знания и в обосновании онтологического статуса социально-массовых явлений (СМЯ).

Онтология социально-массовых явлений является видом дисциплинарных онтологий, представляющих, согласно В.С. Степину, обобщенное видение системно-структурных характеристик предмета исследования (науки) [5, с. 69]. В отличие от философской онтологии дисциплинарная онтология раскрывает не фундаментальные основы бытия вообще, а принципы организации и функционирования одного из его (бытия) фрагментов. Если воспользоваться теоретико-философской моделью, предложенной М.С. Каганом, следует выделить четыре главных модификации бытия, или его подсистемы: природу, общество, культуру и человека.

Рис. 1. Структура бытия (по М. С. Кагану)

Метасистемой (системой систем) является, согласно М.С. Кагану, бытие во всей полноте этого исходного философского понятия. *Природа* есть наличное бытие материи, *общество* же выступает как внебиологический способ связи людей в их совместной жизни и деятельности. *Человек* предстает сложной трехсторонней системой – биосоциокультурной, центральным «звеном» в цепи основных форм бытия, деятельным и наделенным сознанием существом. *Культура* представляет собой инобытие человека, «вторую», созданную им природу (все более теснящую первую, становящуюся новой средой существования человека), совокупность материальных, духовных, художественных артефак-

тов, выступающих в качестве особого механизма «социального наследования» [3, с. 37–46].

Социально-массовые явления являются специфической *социокультурной* подсистемой, интегрированной в системы «общество», «культура», «человек» и взаимодействующей с системой «природа».

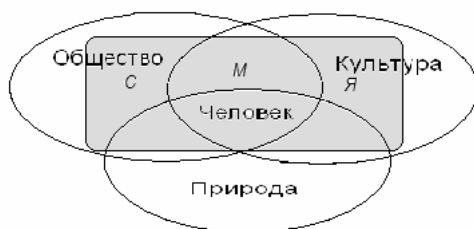

Рис. 2. Место социально-массовых явлений (СМЯ) в системе бытия

Однако прежде чем приступить к дальнейшему рассмотрению онтологии *социально-массовых явлений (СМЯ)*, необходимо кратко пояснить суть данного концепта, в интерпретации автора настоящей работы.

Новизна предложенного нами понятия «социально-массовые явления» в известном смысле относительна, так как взятые по отдельности массовые явления в социуме давно уже стали объектами философского и гуманитарно-научного анализа (в особенности «массовое сознание», «массовая культура»), а современной наукой разработан арсенал теоретических и методологических принципов исследования названных явлений, использование которого и подводит к осознанию их системного единства. В отечественных исследованиях проблем социальной массы, массового сознания и массовой культуры системный подход и ранее находил определенное применение. Однако диапазон его использования в научных разработках, как правило, ограничивался в связи с тем, что либо в качестве системы рассматривалось лишь одно из социально-массовых явлений (масса, массовое сознание, массовая культура, массовое поведение и другие),

иногда взятое во взаимосвязи с другим, также представленном в качестве системного объекта, либо же одно из этих явлений изучалось в качестве элемента или подсистемы определенной более широкой макросистемы (например, массовое сознание в качестве сегмента общественного сознания). В основе предприняемого нами исследования лежат, прежде всего, представления о наличии системных взаимосвязей между разного рода массовыми явлениями, о необходимости выделения в качестве целостного объекта научного исследования особой *макросистемы социально-массовых явлений*. Подобный подход к изучению массовых явлений был намечен в ряде работ Б.А. Грушина, а также, в определенной степени, в рамках западной социологии, в частности, в процессе выработки такого комплексного понятия, как «массовое общество».

Целесообразность введения концепта «социально-массовые явления» (СМЯ) обусловлена:

во-первых, его описательной и познавательной емкостью, способностью в лапидарной форме отобразить комплекс явлений, обладающих общей природой;

во-вторых, стремлением зафиксировать в понятии не сумму, а именно систему массовых явлений (причем систему сложную, динамическую);

в-третьих, необходимостью отделения массовых феноменов, имеющих место в социуме, от природных массовых явлений: движений водных масс или песчаных масс в пустыне, массовых миграций птиц и животных и т.п.;

в-четвертых, данный концепт позволяет обособить социально-массовое от «классического» социального, возникающего на почве сознательных кооперации и взаимодействия индивидов и групп, обретающих черты нормативизации, институционализации, «рутинизации» (по П.А. Сорокину), поскольку масса не представляет собой классической социальной группы, говорим ли мы о толпе либо о массе как метаобщности эпохи позднего потребительского капитализма.

К области социально-массовых явлений мы относим, в первую очередь, такие феномены, как социальная масса (при практически любых интерпретациях содержания термина), массовая культура, массовое сознание, массовая психология и массовое поведение (проявляющееся в ходе организованных и спонтанных массовых взаимодействий, при однородном

или разнородном составе их участников; включая такие модусы массового поведения, как социальное подражание, массовое потребление и др.). Общим атрибутивным свойством всех этих явлений выступает массовость, понимаемая не только как количественная, но, прежде всего, как качественная характеристика социального или духовного взаимодействия, как единый способ сознания и поведения [см.: 1, с. 40]. Тогда мы можем определить социально-массовые явления, как *находящиеся в системно-генетических связях друг с другом феномены, возникающие и проявляющиеся в процессе совместного существования людей в обществе, которые основываются на едином (тождественном, унифицированном) способе сознания (психического переживания) и поведения множества индивидов или же формируют последние*.

Они (различные СМЯ) являются либо субстратами массового (масса, «массовый человек», носитель «массового сознания») (1), либо его производными, функциями (массовое поведение, например – поведение в толпе, массовое потребление) (2), либо процессами порождения массового в обществе (массовизация, массивфикация) (3), либо же одновременно выступают в нескольких ипостасях (например, «массовая культура» – масскульт, в 1-й и 3-й из приведенных выше ипостасей «массового»).

По отношению к таким макросистемам, как «общество», «культура», «общественное сознание», социально-массовые явления предстают в качестве автономной подсистемы, определенные грани которой оказываются включенными в состав названных макросистем: система «общество» – подсистемы «масса» (статический аспект), «массовое поведение» (динамический аспект); система «культура» – подсистема «массовая культура»; система «человек» – подсистемы «массовый человек», «массовое сознание». Безусловно, такая трактовка интеграции компонентов системы СМЯ, в системы высшего порядка не является единственной либо исключительной. Научные (частнодисциплинарные) представления о конфигурации подсистем, как и понимание сущности компонентов системы СМЯ, могут различаться в зависимости от избранного угла зрения, от исследовательских подходов, многообразие и специфика которых уже анализировались в ряде наших работ [7; 8; 9; 10].

В трактовке системного характера СМЯ, их роли и месте в структуре бытия мы ис-

ходим из следующих принципиальных методологических положений:

1) социально-массовые явления не являются простым конгломератом разнородных феноменов, а находятся между собой в сложных системных взаимосвязях и образуют в своей совокупности систему;

2) каждое из наиболее фундаментальных массовых явлений (социальная масса, массовое сознание и массовая культура), в свою очередь, обладает качествами системы и выступает в качестве подсистемы по отношению к целостной системе (макросистеме) социально-массовых явлений;

3) по отношению к таким макросистемам, как «общество», «культура», «общественное сознание», социально-массовые явления предстают в качестве автономной системы, определенные грани которой оказываются включенными в состав названных макросистем;

4) несмотря на определенную автономность по отношению к перечисленным выше макросистемам, социально-массовые явления оказываются системой более низкого порядка, и большая часть ее параметров детерминирована социальными и культурными факторами, изменениями в сфере общественного сознания;

5) историческая практика показывает, что удельный вес и роль социально-массовых явлений, интегрированных в соответствующие макросистемы (прежде всего – в социальную), исторически меняются, и эти явления как взятые по отдельности, так и в своей совокупности оказываются способны, в свою очередь, превратиться в ведущие или достаточно значимые факторы перемен в названных макросистемах.

Онтологическая картина системы социально-массовых явлений (СМЯ) может и должна, по нашему убеждению, основываться на социально-философских представлениях о триединстве и взаимообусловленности культуры – общества – человека, содержащихся, в частности, в трудах П.А. Сорокина [4, с. 217–218].

Утверждение массового начала во всех компонентах данной антропосоциокультурной макросистемы означало бы переход от гетерогенного (разнородного и разнообразного) к гомогенному (однородному) состоянию внутри ее подсистем, от персонализации и индивидуализации к уподоблению большинству (образу «большинства»), от творчески-активного к пассивно-миметическому.

При рассмотрении *массового состояния антропосоциокультурной системы* не

как исходной данности, а как состояния, становящегося (ставшего) исторически, в качестве одного из центральных понятий в «концептуальном каркасе» (по выражению К. Поппера) теории СМЯ, следует указать, как нам представляется, на понятие «массовизация», отображающее формирование массовых свойств и качеств во всех трех компонентах макросистемы (культура – общество – человек). Минувя дискуссионные аспекты, связанные с различием интерпретаций термина «массовизация» в современной научной и околонучной литературе, остановимся на его трактовке в контексте социокультурного подхода. *Массовизация* – это процессы трансформации *немассовых феноменов в массовые*: культуры – в массовую культуру, общества – в массовое общество, человека (индивидуальности) – в «массового человека». Под *немассовыми* антропосоциокультурными феноменами (состояниями) нами понимаются феномены, в своем бытии воплощающие принцип «единства в многообразии» (многообразие и состоятельность творческих субъектов, артефактов и этнонациональных типов в культуре; «цветущая сложность», по К. Леонтьеву, общественных групп и сословий; разнообразие и богатство человеческих типов, экзистенций и «жизненных проектов»), т.е. обеспечивающие собственное динамическое равновесие и развитие на основе *гетерогенности* своих субстратов (артефактов и ценностей, социальных групп, индивидов). Другой важнейшей чертой немассовых антропосоциокультурных феноменов является наличие и *легитимное*, т.е. принятое и признанное большинством, *доминирование* внутри них *элитарных составляющих* (в этимологическом исконном понимании «элиты» как лучшего, отборного). Тогда эталонными («референтными») выступают: в культуре – элитарная культура (отчасти совпадающая с «высокой»); в обществе – социальная элита (высоконравственная, движимая идеей «служения») часть правящей элиты, интеллигенция и духовенство, как моральные авторитеты, экспертные группы – ученые, технические специалисты); в сфере личностного становления утверждается идеал гармоничной, творческой, экзистирующей, в меру альтруистичной личности.

Итак, в широком смысле, *массовизация* есть трансформация немассовых (основанных на вертикальной мобильности, восхождении к элитарному) антропосоциокультурных феноменов (культуры–общества)

ства-человека) к их массовому, внутренне-гомогенному состоянию. В узком смысле под массовизацией можно понимать *массовизирующую социализацию*, в ходе которой потенциальный социокультурный субъект – человек формируется как существо односторонне миметическое, ориентированное не на индивидуализацию, экзистенцию и творчество, а на соответствие ценностно-телеологической модели «большинства» (в современных условиях часто фабрикуемой и навязываемой через СМИ циничными квазиэлитами).

Система социально-массовых явлений предстает динамической, исторически изменяющейся. Это проявляется в определенном исторически обусловленном переструктурировании данной системы, в актуализации и выдвигании на передний план в определенные эпохи тех или иных ее структурных элементов, в изменении содержания традиционных и рождении новых социально-массовых феноменов (например, «массовой культуры» XX–XXI веков).

В доземледельческом, первобытном обществе социально-массовые явления (социальная масса, массовое сознание) представляли собой всеобщую форму существования ранних социальных и духовных образований вообще (первобытного коллектива и его коллективно-мифологического сознания).

В земледельческих обществах массовость приобретает более дробный и дифференцированный, сословно-локальный характер, основанный на классовых, корпоративных, формирующихся национальных различиях. Интегрирующую и массовизирующую роль в этих обществах играли, прежде всего, мировые религии, формировавшие внесловные религиозно-массовые элементы в сознании множества индивидов. Различные группировки масс управлялись здесь формальными (правлящими) элитами, формировавшимися по сословному принципу и отчасти носящими в себе признаки действительной элиты (квалифицированной, высокодуховной). Более того, общность, характерные для основных фаз развития земледельческой цивилизации и протоиндустриального этапа европейской истории (Древний Восток и античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение) могут рассматриваться как *немассовые* не столько в силу своей многочисленной структуры, сколько в силу уже отмеченной ранее легитимации (т.е., в данном случае, принятия абсолютным большинством членов этих обществ) элитарных феноменов в качестве эталонных, в качестве ориентиров вертикальной мобильности.

Действие социальных и социокультурных факторов Нового времени открыло дорогу к универсализации массовости на новой основе и в новых ее формах. В эпоху буржуазных революций и на ранней стадии индустриального общества актуализируются прежде всего социально-психологические формы социально-массовых явлений (толпа, политические публики), а также массовые демократические движения (либеральные, пролетарские, позднее – антивоенные, потребительские и т.п.), что фиксируется в повышенном научном интересе именно к этим явлениям на рубеже XIX–XX веков.

В эпоху индустриальной цивилизации, в особенности в ее поздней фазе (с конца XIX по конец XX веков), как раз и происходит трансформация немассовых атропосоциокультурных феноменов в массовые и становление массовых человека-общества-культуры (масскульта). В развитом индустриальном обществе насаждение индивидам унифицированных массовых качеств приобретает всеохватывающий характер. Это означает, что выработка массовидных и утрата индивидуальных качеств осуществляется во всех наиболее значимых областях деятельности: производственной и потребительской, коммуникативной, аксиологической (оценочной), познавательной и других. В силу действия ряда мощных социальных и культурных факторов востребуется и вырабатывается определенный тип индивида, соединяющий в себе ряд качеств: а) нетворческого, функционального типа личности, ориентированной на механическое выполнение заданной социальной роли; б) деиндивидуализированного потребителя, податливого к рекламным и другим массовым внушениям; в) повышенно амбициозной личности, избавленной от самооценки, преисполненной жажды социального возвышения и достижения потребительского «максимума». Постепенно толпа и другие формы социально-психологической массовости отесняются на задний план всеобщей атомистической массой, сплавиваемой и организуемой почти исключительно внешними коммуникаторами, прежде всего масс-медиа. Массовые ценности, в том числе связанные с упомянутыми выше личностными характеристиками «массового человека» нового типа, начинают пропитывать собой и процессы культурного воспроизводства.

Вероятно поэтому на начальных стадиях формирующегося постиндустриального общества, несмотря на ряд качественных перемен в социальной структуре, техно-

логиях и т.д., видоизменяющий ряд своих внешних признаков и вырабатывающий все новые потребности, но во многом «все тот же» «массовый человек» продолжает свое победное шествие, представляя в своей растущей технической оснащенности и множасьихся вожделениях теперь уже не только биосферную (то есть, в итоге, саморазрушительную), но и космическую угрозу. Отдельную проблему представляет и потенциальная возможность будущей интеграции массового человека с миром искусственного (намечающейся в замене естественных тканей организма более долговечными искусственными материалами). Вычерчивается и другая сторона развития этих процессов: растущая социализация и рационализация сознания человека в сочетании с перерисованными ранее качествами массовой личности уже сегодня, по оценкам отдельных авторов, ведут к формированию особого типа «сверхлюдей», своеобразных социальных роботов, которых А.А. Зиновьев именуется западоидами [2, с.419–420].

Формирование постиндустриального общества сопровождается противоречивыми процессами:

массовизирующие механизмы СМЯ продолжают действовать (особенно в части воздействия СМИ, коммерческих и политических рекламных манипуляций);

в то же время, растущая техногенность и наукоемкость постиндустриальной экономики требуют нового – более креативного, творческого, знающего типа работника, «когнитария» (по О. Тоффлеру), все чаще побуждаемого к труду неэкономическими мотивациями (творчество, агон, социаль-

ное признание, самореализация и т. п.), что ведет, в частности, к росту социального статуса, доходов и престижа научно-технической элиты, и все это можно трактовать как тенденции эволюции к немассовой антропосоциокультурной системе;

однако, масштаб спроса на специализированно-творческий труд в соотношении с реальным образовательно-когнитивным потенциалом основной массы населения развитых стран и растущим притоком малоквалифицированных мигрантов из стран третьего мира порождает новую глобальную проблему, которую Г. Федотова обозначает как проблему «избыточных масс» – неукорененных в постиндустриальном обществе и невостребованных его «изгоев», несущих, в то же время, угрозу основам этого общества [6, с. 11–12].

Таким образом, в исторической динамике меняется не только конфигурация системы социально-массовых явлений (она дополняется «массовой культурой», «массовым потреблением», «человеком-массой» как доминирующим антропологическим типом), но и ее онтологический статус. Из маргинального, периферийного сегмента социума, культуры, человеческих типов СМЯ превращаются в доминантные, определяющие характер развития основных подсистем бытия явления. Это, в свою очередь, увеличивает значимость исследования проблематики СМЯ, создает предпосылки для оформления общей теории СМЯ (массологии) в самостоятельную отрасль междисциплинарных исследований, нуждающуюся в философском инструментарии для осмысления и интеграции частных теорий социально-массового.

1. Грушин, Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и современный мир. – 1984. № 5. С. 28–45.
2. Зиновьев, А.А. Глобальный Человейник. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. 459 с.
3. Каган, М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Прогресс, 1992. 534 с.
5. Степин, В.С. Синергетика и системный анализ [Текст] / В.С. Степин // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 58–77.
6. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2000. № 1. С. 3–32.
7. Чернов, Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Монография. – Дубна: Феникс+, 2002. 208 с.
8. Чернов, Г.Ю. К вопросу о постмодернистском подходе к социально-массовым явлениям [Текст] / Г.Ю. Чернов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып. 13. 2009. № 29 (167). С. 37–43.
9. Чернов, Г.Ю. Экзистенциальный анализ социально-массовых явлений в работах К. Ясперса: масса, массовое общество, демассификация [Текст] / Г.Ю. Чернов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып. 17. 2010. № 16 (197). С. 160–167.
10. Чернов, Г.Ю. Политико-ориентированный подход к социально-массовым явлениям: философский анализ [Текст] / Г.Ю. Чернов // Социум и власть. 2010. № 3. С. 42–47.

ИНОСТРАННЫЕ ПРОЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЭКСПАНСИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

УДК 94 (571.6)

М.А. ВИВДЫЧ

Вопрос о строительстве железной дороги на Дальнем Востоке впервые был поднят губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским. После нескольких экспедиций на Амур, проведенных в 1855 – 1859 гг., Н.Н. Муравьев трижды вносил на рассмотрение императорам Николаю I и Александру II проекты строительства железных дорог к бухте Де-Кастри [10, с. 12]. Одновременно с проектом графа Муравьева в Главное управление путей сообщения поступило несколько предложений отечественных и иностранных предпринимателей провести сплошной рельсовый путь через Сибирь от Нижнего Новгорода до Тихого океана. Но если проект Муравьева касался лишь отдельной, небольшой железнодорожной ветви, то идеи иностранцев были намного масштабнее. Они предлагали провести сплошной рельсовый путь через всю Азиатскую Россию. Иностранные предприниматели были хорошо осведомлены об экономических затруднениях, которые испытывала Россия, и в связи с этим рассчитывали получить поддержку от царского правительства в реализации своих замыслов. На рассмотрение правительству железнодорожные проекты представили английский инженер Дулль, американский предприниматель Коллинз, английские подданные Моррисон, Горн и Слейг, которые планировали организовать для этой цели акционерные общества [6, с. 146].

В 1857 г. Дулль обратился к управляющему путями сообщения К.В. Чевкину с предложением провести сплошной рельсовый путь от Нижнего Новгорода на Казань, Пермь, через Уральские горы и далее, по наиболее удобной местности к Амуру и Тихому океану. Но при этом Дулль уточнял, что могут возникнуть такие трудности, как крупные затраты на постройку парового пути столь большой протяженности, затруднительность добывания горючего материала и в связи с этим быстрое уничтожение прилегающих лесов. Поэтому первоначально Дулль предложил соорудить конно-желез-

ную дорогу, которую в последующем можно было бы перестроить под паровозную тягу. Дулль указывал на огромнейшие выгоды такой дороги для России в торгово-экономическом и военно-стратегическом значении. Для осуществления своих планов Дулль предлагал следующие условия России: 4% на капитал в 40 млн руб. и 2% – от каждой губернии, через которые проектировалась новая линия. Размер ежегодного дивиденда участников строительства должен был составлять 10% от затраченного капитала. Предложение Дулля К.В. Чевкин отклонил, мотивировав это суровыми климатическими условиями региона, в котором предполагалось провести дорогу.

В том же 1857 г. был представлен проект американца Коллинза так называемой «Амурской Компанейской железной дороги». Во время своего кругосветного путешествия Коллинз посетил Дальний Восток, и в частности побывал в устье Амура. Осмотрев местность, он пришел к выводу, что наиболее целесообразным является проведение железной дороги по направлению Иркутск – Чита. Коллинз объяснял, что в сочетании с пароходным сообщением по Амуру, Шилке и Ингоде дорога будет полезна в торговом отношении и способствовать развитию и защите тихоокеанских владений России. Для финансирования проекта он предлагал выпустить акции и распространить их среди сибирских купцов по цене 100 руб. за акцию, рассчитывая собрать капитал в 40 млн рублей. Идею Коллинза активно поддержал Н.Н. Муравьев, но на высшем государственном уровне проект не был одобрен. Главными экономическими причинами отказа признавались недостаточное развитие пароходства по Шилке и Амуру для того, чтобы признать необходимость соединения этих рек с железной дорогой, а также отсутствие четкого представления о направлении линии и ее стоимости [14, с. 3–5].

Англичане Моррисон, Горн и Слейг предлагали организовать иностранную акционерную компанию для устройства железной

дороги от Нижнего Новгорода до Татарского пролива. Данная дорога по их соображениям соединила бы Европу с Китаем, Индией и Америкой. Не требуя от российского правительства гарантий, они ставили условия предоставления им исключительного права пользования дорогой в течение 90 лет, уступку земель, необходимых для устройства станций и сооружения двух портов на берегу Татарского залива, а также право беспшльного ввоза в Россию железнодорожной техники и всех необходимых для постройки материалов. Взамен этих привилегий предприниматели обязывались в течение одного года изучить местность за свой счет, создать акционерное общество с капиталом в 50 млн руб. и построить дорогу за шесть лет после окончания изысканий. Проект был подвергнут подробному анализу управляющим путями сообщения. Как оказалось, составители не были знакомы с условиями постройки дороги в Сибири, что отразилось в элементарных арифметических ошибках при составлении проекта, таких, как неправильное исчисление расстояний, размеров фрахта за перевозку товаров и времени, необходимого для проезда через Сибирь. Ожидаемое получение 12% годового дохода от эксплуатации дороги выглядело совершенно нереальным. Более того, российскому правительству не предоставлялось никаких гарантий в получении доходов даже при успешной реализации проекта. В 1859 г. Александр II, тщательно ознакомившись с данным предложением, принял решение об отказе, с указанием, что устройство железнодорожного сообщения в Сибири не входит в планы правительства [14, с. 6–7].

Отказы иностранным проектам мотивировались указаниями на незнакомство соискателей с особенностями климата Сибири и, следовательно, слабой технической обоснованности проектов, а также тем, что якобы «условия экономической жизни Сибири еще не требовали строительства железных дорог» [1, с. 69]. Кроме этого, проекты не отличались конкретностью и носили общепроисковый характер. Чаще всего это было лишь стремление к возможности обогащения или же к простому поддержанию престижа фирмы у себя на родине. В лучшем случае эти проекты опережали хозяйственные потребности тогдашнего социально-экономического развития Сибири. В иностранных проектах середины XIX в. рельсовому пути из Европы к Тихому океану придавался преимущественно транзитный характер.

Главной же причиной отказа стали политические соображения. Разрешение строить железные дороги в Сибири иностранным предпринимателям могло поставить в

зависимость внутренние интересы Сибири от иностранного капитала. В свою очередь, положительным моментом в предложениях строительства железных дорог в азиатской части России за счёт иностранного капитала стали стимулом активизации деятельности как частной отечественной, так и государственной инициативы в сфере железнодорожного строительства.

С 1880-х гг. XIX в. вопрос сооружения Транссиба становится делом государственного значения. Проектные предложения выдвигают представители органов власти, решение о начале строительства и направлении магистрали принимаются государственными структурами. В 1891 г. Александр III подписал указ о начале строительства Транссиба от Челябинска до Владивостока. В мае 1891 г. официально началось сооружение Уссурийской железной дороги с символической церемонии закладки первого камня будущего рельсового пути цесаревичем Николаем. На строительство Уссурийской железной дороги Министерством государственных имуществ был предоставлен кредит в размере 7 000 000 рублей [12, л. 183].

Новый этап проектных инициатив иностранцев наступил в конце XIX в., когда возрос интерес иностранной общественности к проекту Транссиба. Событие мирового масштаба – Великий Сибирский путь стал показателем возможности России в области строительного искусства: решение сложных научно-технических задач при строительстве, использование технико-экономических возможностей отечественной промышленности. В зарубежных политических кругах разгорались споры относительно усиления России на азиатском Востоке. На страницах главных публицистических изданий России и за рубежом публиковались мнения представителей научной интеллигенции, инженеров, военных, философов, путешественников и простых обывателей о Транссибе. Высказывались различные предположения и прогнозы о будущем значении дороги. Большинство политиков и общественных деятелей признавалась роль Транссиба в усилении экономического роста Азиатского региона, увеличении производства и потреблении товаров, притоке населения.

В 1897 г. прусский генерал Д.Г. Крамер издал брошюру «Сибирь и Сибирская железная дорога», которая была посвящена описанию Сибири, но в то же время касалась и путей сообщения, особенно Сибирской железной дороги [5, с. 121–22]. С целью наиболее достоверного освещения процесса строительства авторитетные редакции – «Figaro», «Jornal», «Messenger de Bruxells», «The Daily Chronicle», «Standart», «Daily Mail»,

«New-York Herald», отправляли собственных корреспондентов в Сибирь. Наряду с этим в сфере заграничной интеллигенции усиливалось стремление к серьезному изучению Сибири и её железных дорог. Появились публикации «En Seberie» профессора Ледра, «La Renovation de L'Asie» Леруа-Больё [13, с. 16]. Транссибу были посвящены труды и публикации английского экономиста Арчибальда Кольхуна и немецкого публициста Евгения Цабеля.

Оценки Транссиба в среде иностранной общественности были неоднозначными. Скептики оспаривали значение Транссиба как транзитного пути мирового значения, с сомнением воспринималось и коммерческое значение дороги, указывалось на несоответствие дороги предъявляемым техническим требованиям [13, с. 23]. Но для большинства иностранцев Дальний Восток, оживленный железной дорогой, представлялся будущим сосредоточением экономической жизни и объектом выгодного вложения капиталов.

Идеи создания мировой (всемирной) системы железных дорог с использованием Транссиба обретали всё большую популярность, особенно после постройки КВЖД, способствовавшей экономическому оживлению некоторых районов Азиатского региона. Очередные попытки вмешательства стран Запада в колониальную экспансию России на Дальнем Востоке отразились в дерзких проектах «содействия» железнодорожному развитию российских окраин.

В 1900 г. в зарубежной прессе появляются публикации французского инженера Лоик де Лобеля об участии французского капитала в железнодорожном строительстве Сибири. Воодушевленный путешествием по Аляске и первой поездкой по Сибири Лобель выступает с лекциями о необходимости соединения двух регионов трансконтинентальной железной дорогой, превосходящей по своей масштабности Транссиб. Предлагаемым проектом планировалось обеспечить железнодорожное сообщение по маршруту Нью-Йорк – Париж транзитом через северные районы Дальнего Востока и Берингов пролив.

В скором времени, не без усилий самого Лобеля, идея дороги Аляска – Сибирь становится темой, активно обсуждаемой в общественности, а также в периодической печати. Первые сведения о проекте стали появляться и в провинциальной прессе. В 1901 г. небольшая заметка под названием «Железная дорога к Берингову проливу» публикуется в периодическом издании Приамурья – «Амурский край» [3, с. 3].

Проект Лоик де Лобеля, окутанный самы-

ми разными слухами, приобрел популярность среди общественности, еще до того как был представлен на обсуждение в высшие государственные структуры.

Перед российским правительством Лобель действовал от имени некоего французского синдиката. По проекту трасса железной дороги, беря начало от существующей линии транссибирской магистрали в районе Иркутска, проходила в направлении Якутска, затем на мыс Дежнева, где через 60-километровый тоннель под Беринговым проливом соединялась с Аляскинской железной дорогой. Общая протяженность дороги по российской территории составляла около 5000 верст, стоимостью в 470 млн рублей [4, л. 1]. Окончательный маршрут дороги выглядел таким образом: Париж – Берлин – Москва – Челябинск – Иркутск – Якутск – мыс Восточный – Берингов пролив – мыс принца Валлийского – Такома – Чикаго – Нью-Йорк [4, л. 3]. Но предложения синдиката не показались правительству убедительными и в 1903 г. в выдаче концессии было отказано.

В последующие два года Лобель принимает ряд мер по приданию своему проекту максимальной убедительности. В 1904 и 1905 г. он действует уже от имени американских концессионеров. С этой целью в Нью-Йорке создается «Синдикат Трансальпско-сибирской железной дороги». Вариант дороги был вновь представлен русскому правительству, но уже с некоторыми изменениями. Отправной точкой вместо Иркутска становится Канск [4, л. 29–30].

Синдикат брал на себя обязательство закончить сооружение железной дороги в течение 6–10 лет с момента начала строительных работ. Продолжительность концессии «индустриальной привилегии» определялась в 90 лет, затем земля возвращалась Российскому государству. По истечении 30 лет правительству гарантировалось право выкупа железной дороги [4, л. 28]. Лобель пытался представить в проекте те экономические выгоды, которые получила бы Россия, дав разрешение на строительство железной дороги. И в первую очередь, это развитие местной металлургической промышленности, а также использование преимущественно русской рабочей силы.

В качестве компенсации затрат на строительство и эксплуатацию, по условиям концессии, Российское государство должно было предоставить американскому синдикату эксклюзивное право на проведение горных и сельскохозяйственных работ и на эксплуатацию зоны отчуждения шириной 12 км с каждой стороны будущей железной дороги на всём протяжении магистрали [4, л. 30–31].

Таким образом, на отводимых участках, синдикат получал право владения и пользования и поверхностью и недрами земли с исключительным правом разработки минеральных богатств, оплачивая за это платежи всех общепризнанных в России горных сборов, соблюдая все узаконенные положения.

Предложения синдиката были отклонены российским правительством. Основной причиной отказа послужила опасность строительства дороги по стратегическим соображениям. После поражения России в войне с Японией стало очевидным, что на Дальнем Востоке основная цель железнодорожного строительства – усиление обороноспособности страны. Поэтому сооружение железных дорог необходимо было проводить за счёт государства и под строгим государственным контролем, исключая любое вмешательство иностранного капитала.

Идеология проекта ТАСЖД тут же была переориентирована Лобелем. Итоги войны представлялись не как аргумент отказа от концессии, а наоборот, как повод принять решение в пользу строительства ТАСЖД. Для этого необходима была поддержка высших военных чинов Российской армии. Лобель обратился к председателю Совета государственной обороны Н.Н. Романову. Последний предложил не отказываться от американского проекта, утверждая, что привлечение иностранного капитала можно использовать на служение России, но при этом оберегая интересы страны. Якобы из-за невозможности восстановления флота в Тихом океане после Русско-японской войны трансконтинентальная сибирская дорога будет средством сохранения Восточной Сибири за Россией.

Американский вариант договора рассматривался на трёх уровнях государственных и общественных структур: в правительстве, в регионе и объединении научной и инженерно-технической общественности. Большинство Комиссий склонялось к признанию полезности для России выдачи железнодорожной концессии. При этом предлагалось поставить синдикату ряд конструктивных условий, исключающих возможность отторжения от России её северо-восточных территорий и установления на них американского политического господства. Вести дорогу предлагалось от Канска прежде всего к одному из портов Охотского моря, а затем к Берингову проливу. Полосу земли с обеих сторон предлагалось сократить до 6 вёрст и представить её в эксплуатацию синдикату не сразу, а по частям в зависимости от хода строительства. Срок выкупа предлагалось уменьшить с 30 до 25 лет [11, с. 10].

Лобель, понимая, что строительство амурского участка Транссиба лишь вопрос времени, в итоге выступил с поддержкой одновременного строительства ТАСЖД и Амурской дороги, которые смогли бы дополнять друг друга. Им выдвигалось мнение, что в недалеком будущем их совместная эксплуатация могла бы усилить эффект экономической и политической значимости этих дорог. В связи с этим в 1906 г. Лобель дополняет свой проект идеей сооружения железнодорожных ветвей от Трансаяско-сибирской магистрали к различным пунктам тихоокеанского побережья и амурским участком Транссиба.

Проект Лобеля получил неоднозначную оценку в среде широкой общественности. Наиболее лояльно его идеи были восприняты научной интеллигенцией. План был одобрен в Железнодорожном отделе Русского технического общества и активно обсуждался на заседаниях общества в марте 1906 г. [16, с. 31д].

В апреле 1906 г. на собрании инженеров путей сообщения Трансаяско-сибирская железная дорога упоминалась инженером Г.Ф. Краевским в сравнении с амурской линией. Указывая на первоочередное значение Амурской железной дороги, Г.Ф. Краевский не отрицал и возможного положительного влияния Транс-Аляско-Сибирской (называя её Канск-Аляско-Сибирской) магистрали на культурное развитие края [7, с. 116].

В обсуждении Транс-Аляско-Сибирской железной дороги всерьёз включились предприниматели Сибири и Дальнего Востока и местные органы власти, так как возможное участие иностранного капитала в железнодорожном строительстве затрагивало их интересы. Кульминационный момент наступил на Иркутском совещании о путях сообщения в Сибири в 1906 г., где проект Лобеля подвергся серьёзной критике со стороны местных органов власти, сибирских коммерсантов и горных инженеров. Основные замечания касались невыполнимости строительства с точки зрения технических условий, сомнения относительно прибыльности планируемого мероприятия, а главное – опасности захвата северо-востока Сибири со стороны иностранцев посредством экономического порабощения, о чем свидетельствовали требования отвода участков земли синдикату фактически в безвозмездное пользование [15, с. 218].

Российские экономисты приводили на совещании доказательства несостоятельности проекта с экономической точки зрения. Высказывалось также мнение, что прошение Лобеля о концессии имело целью получение санкций, чтобы успешно играть на фондовой бирже в Нью-Йорке. Существовало и опасе-

ние что синдикат будет вынужден вести дело эксплуатации минеральных богатств хищническим путем, не принося не только пользы краю, а наоборот – разрушение и опустошение [15, с. 218–219].

Окончательный вывод относительно планов Лобеля был категоричен. Признавая важность для России строительства проектируемой линии с точки зрения колонизации и улучшения транспортного сообщения, участники совещания пришли к мнению, что концессия принесёт краю «вместо ожидаемой пользы ущерб, который, при сопоставлении с положительными данными в сторону выгоды этого предприятия для России, даст в результате то, что весь северо-восток Сибири будет расхищен в его богатствах синдикатом и на долю русских предпринимателей останется только возможность созерцания быстрой наживы иностранцев ведением чисто хищническим путем эксплуатации богатых недр земли» [15, с. 219]. В марте 1907 г. Совет министров России окончательно отклонил проект Трансаяско-сибирской железной дороги [2, с. 122].

Ажиотаж, вызванный проектом, не утихал и после официального отказа в концессии на высшем государственном уровне. В среде широкой общественности, изначально относящейся к проекту наиболее лояльно и в ряде случаев даже одобрительно, произошли изменения в сторону поддержки правительственного решения. Планы Лобеля подвергались жесткой критике в периодической печати. Авторы статей не скупались на красноречивые, теперь уже отрицательные эпитеты, называя проект то «химической

авантюрой», то «сумасбродным», «коварным» предприятием [8, с. 12].

Некоторое время в периодических изданиях публиковались сведения о якобы новых планах Лобеля. Вновь сообщалось о том, что Лобель не теряет надежды «копнуть так или иначе сибирские недра», и вполне возможно, что продажа земли будет осуществляться не частями как ранее, а оптом, и что по новому проекту железнодорожная линия начнется от Читы [9, с. 19–20].

Концессионные предложения Лобеля так и остались в пределах обсуждения в средствах массовой информации и на уровне слухов. Российские власти, вплотную занявшиеся строительством Амурской железной дороги, к рассмотрению проекта ТАСЖД больше не возвращались, окончательно отвергнув идею участия иностранного капитала в железнодорожном строительстве на Дальнем Востоке.

В отличие от первых предложений иностранцев середины XIX в., концессионные проекты начала XX столетия обладали грандиозными масштабами строительства и технической сложностью трассировки железнодорожных линий. Возможность овладения дальневосточными территориями России посредством экономической экспансии стала главным фактором появления иностранных проектных инициатив, находящихся под поддержке на высшем государственном уровне, а также покровительство некоторых высокопоставленных руководителей в России. Но проницательность и предусмотрительность в целом патриотически настроенного российского правительства позволили отклонить опасные для России проекты иностранных авантюристов.

1. Азиатская Россия / Издание переселенческого управления. Главного управления землеустройства и земледелия. Т. I. – СПб., 1914.
2. Азиатская часть России: Новый этап освоения северных и восточных регионов страны [Текст] / Малов В.Ю., Безруков Л.А., Шиловский М.В. и др. Под ред. акад. В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008.
3. Амурской край. 1901. – 31 октября. № 126.
4. ГАРФ. Ф. 543, Оп. 1. Д. 371.
5. Два иностранных отзыва о значении Сибирской железной дороги // Журнал МПС. Кн. 3-я. – СПб, 1898. С.121–127.
6. История железнодорожного транспорта России. Т. I: 1836 – 1917 гг. – СПб., 1994.
7. Краевский Г.Ф. Амурская железная дорога / Журнал Министерства путей сообщения. – СПб., 1906, кн. 4-я. С. 114–141.
8. Осада Сибири иностранцами // Сибирские вопросы. – 1908. № 13. С. 12–16.
9. Очерки Сибирской жизни // Сибирские вопросы. – № 42 – СПб., 1909. – С. 17–23.
10. Первопроходцы восточных магистралей России / автор составитель В.Ф. Зуев. – Хабаровск, 2001.
11. Протокол Общего собрания русского императорского общества судоходства, 10 марта 1906 г. // Русское судоходство. – 1906. № 5. С. 10.
12. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 1. Оп. 4. Д. 969.
13. Сосновский И.В. Отдел Комитета Сибирской железной дороги на Всемирной выставке 1900 г. в Париже: Отчёт заведывавшего отделом старшего помощника начальника отделения канцелярии комитета министров Сосновского. – СПб.: гос. тип., 1901. С. 16.
14. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем / сост. С.В. Саблер, И.В. Сосновский. – СПб., 1903.
15. Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири / под. ред. В. Попова. Т. 2. – Иркутск, 1908.
16. Ходатайство иностранного синдиката о Сибирь-Аляскинской железной дороге и железных дорогах в Аляске // Железнодорожное дело. – 1908. №№ 15–16. С. 31д – 75д.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ АМУРО- САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 94:39(571.6)

А.И. ГОРЕЛИКОВ

Анализ опыта политической трансформации переходных обществ приводит к выводу, что успех или неудача экономической, социальной модернизации во многом обусловлены спецификой местной политической модернизации. Трансформация этнических обществ Амуро-Сахалинского региона в условиях перехода от социалистической модели хозяйствования к рыночной экономике происходит в русле общероссийских тенденций. В то же время она имеет и свою специфику, обусловленную национальными особенностями.

На фоне хозяйственного кризиса определяющим условием перехода на рыночную модель развития выступает политическая модернизация управления. В начале 1990-х гг. в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской областях – субъектах Амуро-Сахалинского региона – были созданы самые разнообразные структуры управления для решения вопросов жизнеобеспечения и развития коренных народов. Например, в Амурской области – сектор Севера (с 1991 по 1994 г.), отдел региональных проблем и вопросов Севера (1995 г.), отдел по проблемам северных территорий (1997 г.), сектор по проблемам Севера отдела региональных проблем и перспективных разработок (1998–2000 г.). В Хабаровском крае – отдел по национальной политике администрации края. Задача созданных подразделений – участие в подготовке предложений по реализации государственной национальной политики в области самоуправления и комплексного развития территорий проживания малочисленных народов.

В 1991 г. при отделе народностей Севера Сахалинской области был создан Координационный Совет по социально-экономическому развитию данных народов. В целях совершенствования оперативного руководства территорией проживания коренного населения с учетом их национальных особенностей, традиций при райисполкомах предпринимались попытки создания отделов по народностям Севера Хабаровского края.

Принятие в 1996 г. Концепции государственной национальной политики способствовало созданию различных общественных структур, занимающихся вопросами осуществления национальной политики в субъектах Российской Федерации. Так, в Приморском крае при губернаторе был создан Координационный Совет по национальным делам. В Хабаровском крае при губернаторе начал функционировать Совет уполномоченных представителей малочисленных народов Севера.

Для согласования интересов коренных народов и региональных властей в ходе реализации национальной политики начался активный процесс создания Ассоциаций (национально-общественных объединений).

Таким образом, первое постсоветское десятилетие демонстрировало поиск наиболее эффективных форм политической трансформации сложившегося в советский период управления территориями проживания коренных малочисленных народов Севера. Здесь мы можем выделить ряд основных моментов, повлиявших на создание общественных формирований. Это принятие Концепции государственной национальной политики, Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», целевых программ субъектов Амуро-Сахалинского региона. Политическая трансформация осуществлялась в рамках единой Концепции государственной национальной политики. Она находила свое отражение в формировании структур управления органов государственной власти и местного самоуправления, которые в сочетании адекватно отражали бы специфику жизнедеятельности коренных народов и особенности межнациональных отношений. Государственные гарантии права граждан на объединение, статус общественных объединений, порядок их создания, деятельности и реорганизации определяет Гражданский кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 января 1995 г. Базовым нормативным актом обеспечения механизмов правовой защиты интересов общественных организаций является Федеральный Закон

«Об общественных объединениях», вступивший в силу 25 мая 1995 г.

На данном этапе шел активный процесс повышения национального самосознания коренного населения, активизировалась деятельность общественных организаций. Формой создания общественных организаций стали местные, региональные и межрегиональные Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. В процессе создания общественных организаций коренных народов Л.В.Самандина выделяет три периода: период активного формирования (1990 г.), период «покоя» (1991–1993 гг.), период завершения их формирования (1994–2000 г.) [4, с. 172].

Ассоциации как формы общественных объединений коренного населения были призваны способствовать социально-экономическому развитию малочисленных народов, сохранению традиционных видов хозяйствования, поиску новых форм жизнедеятельности, культуры.

Наибольший интерес, по мнению автора, представляет период их активного формирования, поскольку после длительного замалчивания проблем местных народов заговорили сами представители коренного населения. Наиболее подробно следует остановиться на деятельности отдельных из них. Так, решением Сахалинского облисполкома от 29 января 1990 г. № 15 «Об утверждении Устава и регистрации Ассоциации малочисленных народов Севера Сахалинской области» был утвержден Устав и зарегистрирована Ассоциация как общественная организация. В апреле 1994 г. съездом народов Севера Сахалинской области были внесены изменения в Устав, в соответствии с которым Ассоциация является общественно-политической организацией. На добровольной основе Ассоциация объединяет малочисленные народы Сахалинской области с целью защиты их законных прав и интересов, обеспечения представительства коренных народов на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления, содействия в справедливом решении социально-экономических и культурных проблем этих народов. Руководящим органом Ассоциации области является Координационный Совет, который в отличие от аналогичных органов Ассоциаций других субъектов региона, не избирался, а состоял из представителей районных ассоциаций. Более того, он имел право 2/3 голосов выразить недоверие президенту Ассоциации в случае нарушения им Устава или невыполнения своих обязанностей. В Уставе содержалась норма, ограничивающая полномочия президента двумя сроками пребывания в должности [1, л. 13–15].

Одним из решенных вопросов в деятельности Ассоциации коренных народов Хабаровского края явилась работа по присвоению статуса «национального села» в местах компактного проживания коренного населения, что давало бы юридическое право закреплению территорий традиционного природопользования. Таких сел с национальным статусом поселений в крае насчитывается 54.

Следует обратить внимание на активность участия в политических процессах малочисленных народностей Хабаровского края. Примером тому может служить учредительная конференция по созданию Ассоциации народностей Севера и Приамурья края. В ее работе (февраль 1990 г.) приняли участие 170 делегатов из 201 избранного, в том числе 26 % представителей городских предприятий и труженики сельского хозяйства, 40 человек или 24 % – руководители всех уровней, 34 % – представители местной интеллигенции, 16 % – ветераны войны и труда. Почти половина делегатов 46 % – женщины. На конференции выступили 27 человек [6].

В обращении краевой Ассоциации народов Севера и Приамурья в апреле 1990 г. отмечалось, что коренные малочисленные народы были практически лишены прав в участии и решении политических, экономических и социальных вопросов, касающихся их жизнеустройства. Ассоциация полагает, что проблему можно решить воссозданием национальных районов и местного самоуправления [7].

В принятой резолюции выражалась уверенность в том, что гласность, демократизация, перестройка и обновление всех сфер жизни не только смогут приостановить негативные процессы, но и преодолеть накопившиеся нерешенные проблемы в политическом, экономическом и культурном развитии коренных народов Хабаровского края [3, л. 129–132]. Это во многом определяло направление работы Ассоциации, стало первым шагом в становлении этнического самоуправления, участия в управлении государственными и общественными делами с правом законодательной инициативы.

Предполагалось, что без участия Ассоциаций в разработке законодательных предложений, касающихся жизни коренных народов, невозможно сохранять в дальнейшем социально-экономическое развитие в рыночных условиях на исторической территории их проживания. В связи с этим Ассоциация коренных малочисленных народов региона считала необходимым утвердить приоритет самобытности малочисленных народов над интересами промышленного освоения территорий традиционного природопользова-

ния (ТПП). Коренное население совершенно справедливо полагало, что только на основе экономических и политических интересов возможно возрождение самобытной культуры и национального самосознания.

Второй этап политической трансформации отмечается снижением активности коренного населения в отстаивании своих прав и интересов. По нашему мнению, это было вызвано тем, что региональной исполнительной властью не решались вопросы, связанные с закреплением за национальными поселениями территорий традиционного природопользования. Игнорируя интересы коренного населения, местные органы власти, опираясь на правовые нормы законов «О земле», «О собственности» и др., начали выделять эти земли кооперативам, малым предприятиям, различным организациям на использование природных ресурсов, не имевших никакого отношения к малочисленным народам.

Ассоциациями коренных народов региона был сформулирован блок вопросов для обращения к федеральным и региональным властям. К числу важнейших относились вопросы создания экономической основы жизнедеятельности коренного населения на ТПП, формирования национально-территориальных образований народов Севера, взаимоотношения с органами власти, развития культуры, образования и здравоохранения [3, л. 17–23].

Одним из наиболее острых вопросов политической трансформации являлся вопрос о статусе районных и городских Ассоциаций аборигенного населения. От решения этого вопроса во многом зависела деятельность, финансовое положение местных общественных организаций. Следует сказать, что данные организации являлись независимыми, самостоятельными добровольными общественными объединениями. Сложившийся порядок взаимоотношений между ними и областными и краевыми Ассоциациями не способствовал эффективному решению проблем местного населения. Это приводило к тому, что обращения районных Ассоциаций, например, к исполнительным органам власти Тугуро-Чумиканского, Ульчского, Нанайского национальных районов с просьбой включить руководителей Ассоциаций в штат администрации не находило отклика [3, л. 18].

В течение третьего этапа был завершён процесс формирования региональных Ассоциаций, местных общественных организаций с уточнениями. Так, региональные Ассоциации являлись полномочными представителями коренных малочисленных народов и ставили своей целью защиту сво-

их прав и интересов. В Уставе региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края», принятом на V конференции 16 апреля 1999 г. (раздел I, пункт II) зафиксировано, что Ассоциация содействует объединению коренных малочисленных народов края, реализации и защите их прав и законных интересов, решению проблем социально-экономического и культурного развития этих народов, росту национально-го самосознания и повышения их жизненного уровня. С одной стороны, это является следствием изменений, произошедших в государственной национальной политике по отношению к коренным малочисленным народам, с другой – о степени политической трансформации этнических обществ, понимании самими народами, органами их самоуправления целей и задач своего развития.

При Ассоциации в рассматриваемый период функционировали четыре центра: информационно-правовой, молодежный, центр по сохранению и развитию культуры, центр по сохранению традиционной медицины. В мае 2000г. был создан Консультативный Совет по устойчивому развитию коренных малочисленных народов в сфере традиционного природопользования. Выходу на новый уровень политического решения проблем служило принятие Законодательной думой Хабаровского края ряда законов по проблемам развития малочисленных народов «Об уполномоченном представительстве коренных малочисленных народов Севера в Хабаровском крае», «О рыболовстве и водных биоресурсах Хабаровского края», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края».

Как показывает анализ деятельности Ассоциации коренных народов Сахалинской области, она отличается многообразием форм. Процессы политической трансформации этнических обществ Сахалина приобрели более широкие масштабы. В местах проживания аборигенного населения, помимо территориальных Ассоциаций коренных народов, были созданы этнические общественные организации «Союз нивхов Сахалина» в Ногликовском районе, «Союз нанайцев Сахалина» в Поронайском районе, «Нивхское племя Кетнивгун». Наряду с Ассоциацией в ряде районов в начале 1990-х гг. создавались многочисленные Советы родовых хозяйств.

В деятельности коренных народов Сахалинской области особую роль и активную политическую позицию занимали Совет старейшин, возглавляемый первым президентом Российской Ассоциации ко-

ренных малочисленных народов Севера известным нивхским писателем В.Санги, Охинская местная общественная организация «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера» [4, л. 1].

Особенностью в деятельности Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края являлось обсуждение на проводимых конференциях формирования законодательной базы обеспечения жизнедеятельности, создания программ развития коренных народов.

По инициативе молодых представителей коренных народов Приморского края была создана краевая молодежная творческая организация «Маньчжур» для решения социально-значимых проблем национальной молодежи. Помимо молодежи, в Приморье объединились и создали свои организации женщины народов Севера. Активно функционирует общественная организация женщин «Аборигенка».

Создание и деятельность Ассоциаций народов Севера имели большое общественно-политическое значение для их развития, росте национального самосознания. Совершенствования общественной деятельности в совместном решении задач с региональными властями. Политическая трансформация этнических обществ в определенной степени позволила решить проблему эффективного взаимодействия коренных народов с органами региональной и государственной власти. Общественные объединения коренного населения региона в форме Ассоциаций становятся реальным политическим инструментом в защите их прав и интересов, решения целого ряда проблем обеспечения жизнедеятельности, самоуправления. Посредством Ассоциаций, как субъекта управления развитием коренных малочисленных народов, продолжают совершенствоваться модернизационные процессы в социально-экономической и культурной сферах жизнеустройства коренных народов в постсоветском пространстве.

В заключение следует выделить этапы процесса политической трансформации этнических обществ в постсоветском пространстве XX в. На начальном этапе создания общественных организаций наблюдался рост уровня социально-политического развития малочисленных народов, актив-

ность местного населения в стремлении быстро и радикально изменить к лучшему социально-экономическое положение на неконфронтационной основе. Усилилось внимание общества и власти к проблемам малочисленных народов. Характерно формирование мощного общественно-объединительного движения, противоречивый характер отношений с органами власти. Характер и течение политических процессов зависели от специфического понимания коренным населением целей и задач демократического развития. Политическая трансформация скорее носила характер ускоренной эволюции на основе широкой национальной консолидации, контролируемого политического процесса «сверху».

Второй период отмечается социальной апатией коренных народов, единичными попытками активности ассоциаций в решении вопросов жизнедеятельности. Переключением внимания на главный вопрос выделения и закрепления за коренным населением ТТП. Появлением новых структур управления развитием территорий компактного проживания коренных народов.

Третий период связан с повышением внимания федеральных властей к проблемам коренных народов. Заметной активизацией роли общественных формирований местных народов. Возросла активность их участия в процессе формирования нормативно-правовой базы, регулирующей жизнеобеспечение и развитие.

Однако до настоящего времени остается неуточненным региональный конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов. Отсутствует реальный механизм осуществления местного самоуправления. Существует проблема зависимости финансовых взаимоотношений между коренными народами и предприятиями, ведущими деятельность на ТТП. Обладание определенной экономической состоятельностью во многом является необходимым и действенным инструментом для решения проблем политического, социального и культурного развития коренных малочисленных народов.

В целом процессы политической трансформации постсоветского периода впервые в этнической истории представляют им возможность стать реальным субъектом своего развития в модернизируемой России XXI в.

1. ГАСО. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 342. Л. 11.

2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. р-2013. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

3. ГАХК. Ф. р-2030. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.

4. Самандина, Л.В. Развитие коренных малочисленных народов Дальнего Востока России в 1985–2004 годы. (Социально-политический аспект) [Текст] / Л.В.Самандина. – Хабаровск, ДВАГС. 2005. 247 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЫВАТЕЛЯ, ПРОЯВИВШИЕСЯ В ХОДЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УДК 94.(47)+1917

Л.С. ДУБЯГО

Новые подходы к изучению исторических явлений на первый план ставят человека как главного субъекта исторического процесса. Историческая антропология порождает интерес к изучению такой формы массового сознания, как политическая культура, что возможно через выявление отношения людей к современным для них фактам политической жизни. Данная тема особенно интересна при рассмотрении переломных периодов в истории, каковым является весна 1917 г. Новая революционная власть в целях обеспечения всецелой поддержки со стороны общественности пыталась формировать выгодные ей ментальные ориентиры и установки, способствовала усвоению массами соответствующих представлений [1, с. 143]. С этой целью давалась исключительно позитивная оценка деятельности революционной власти, делалось все для укрепления стереотипов крайне негативного восприятия старого режима.

Цель данной статьи – попытаться раскрыть содержание социально-психологического восприятия революционной действительности в российской провинции весной 1917 г. на примере изучения политической культуры общественности Вятской губернии.

Данная тема подробно проработана в современной исторической науке. В научных трудах Б.И. Колоницкого [7, с. 318], И.В. Нарского [8, с. 682], В.П. Булдакова [2, с. 376] достаточно подробно раскрыты различные психоментальные аспекты 1917 года. Однако в изучении массового сознания необходимо идти по пути рассмотрения содержания провинциальной политической культуры. Как отмечает О.С. Поршнева, из совокупности региональных исследований можно в целом сложить объективную картину социального поведения [11, с. 8].

Политическая культура представляет собой явление, складывающееся на протяжении длительного времени. Изменения происходят в ходе постепенной трансформации или в результате кардинального

слома общественных отношений. Революция благодаря стремительным переменам может выступить в роли рубежа, способного очертить контуры становления новых форм политической культуры.

Источниковой базой для данного исследования служат два вида документов. Во-первых, это губернская газета «Вятская речь», вышедшая в свет весной 1917 года, во-вторых, письма, которые являют собой вид нарративных документов личного происхождения.

Газета как массовый исторический источник в изучении политической культуры особенно ценен и уникален. Провинциальная газета «Вятская речь» содержала хронику, давала анализ современных политических изменений, популяризировала актуальные на тот момент лозунги, пыталась определить перспективы дальнейшего развития России. Пресса способна освещать общественное мнение и массовые настроения. Также газета может создать у читателя ощущение праздника, вызвать состояние эмоциональной эйфории, искусственно нагнетать ситуацию, поддерживать подобные настроения продолжительное время. Данные явления манипуляции массовым сознанием наблюдались и в Вятской губернии в марте-апреле 1917 г. В силу политической безграмотности и плохой осведомленности большинства населения сильны были убеждения в том, что опубликованное не может быть неправдой. К тому же люди, находящиеся в состоянии глубокого эмоционального стресса, позитивного весной и негативного ближе к лету, не были способны критически оценивать быстро меняющуюся информацию.

Газета активно отражала общественное мнение, так как ориентировалась на конкретного читателя, пыталась учитывать его пристрастия и запросы. Но с другой стороны, газета во многом сама влияла на процесс формирования политической культуры, внедряла в массовое сознание новые революционные идеалы. Провинциальная пресса выступила основным проводником новых политических идей и символов.

Анализ нарративных документов фонда Сарапульского военного цензора, выявленных в ЦГА УР, также позволяет реконструировать содержание политической культуры вятской провинциальной общественности. Данные документы представляют собой еженедельные отчеты, содержащие фрагменты частной переписки из действующей армии. Ценность данного источника заключается в том, что содержание писем не пересказывается военным цензором, а цитируется. Письма как исторический источник сохраняются крайне плохо. Отчеты же донесли уникальную информацию, исходящую косвенно, но от человека того времени. Являясь субъективным по своему характеру, содержание данных отчетов максимально объективно отображает настроения людей, их надежды и переживания. В отличие от газет, которые в большей степени ориентированы на воспроизведение действительности в выгодном для издательства свете, письма максимально объективно воссоздают момент «здесь и сейчас». Изучение данных отчетов позволяет проследить динамику смен массовых настроений.

В условиях Февральской революции 1917 г. общественность категорично отказывалась от всего того, что могло напрямую или косвенно напомнить о старой самодержавной власти. Произошел резкий массовый отказ от царской символики, которую заменили новые символы в виде революционных песен, красных знамен, повсеместных празднований «праздников революции», всеобщей веры в абсолютную правильность происходящего.

Известие о падении самодержавной власти всколыхнуло население Вятской губернии. Революция была встречена населением «с неопишымым восхищением и ликованием», «радостная весть быстро неслась по городу». Газета «Вятская речь» восторженно сообщала о свершившихся событиях, называя их величайшими в истории России. Дело доходило до того, что все поздравляли друг друга с «величайшим днем в жизни русского патриота» [4, с. 2].

Первые шаги Февральской революции стимулировали всплеск политической активности широких слоев населения. Центральными символами этих дней стали «свобода», «народ», «единение». «Вятская речь» провела параллель февральских событий с Великой французской революцией XVIII в., отмечая, что отречение императора стало «падением самодержавной вековой Бастилии», «мрачного капища произвола,

насилия и глумления» над «угнетенной Россией». На этом фоне актуальным стало использование известного лозунга «свобода, равенство и братство» [9, с.3].

«Вятская речь» делала все, чтобы создать ощущение великого праздника. К тому же март пришелся на вербную неделю и Пасху, традиционно самого важного церковного праздника, сопровождаемого традиционными массовыми гуляниями. Пасха всегда служила символом надежды, веры в лучшее и потому гармонично вписалась в атмосферу революционной эйфории. В дни Февральской революции она получила новый светский смысл. Со светлым днем Пасхи, с воскресением Христовым ассоциировалось «рождение русской Свободы», новой России. Важной особенностью политической культуры стало гармоничное сочетание элементов традиционной православной религиозности с революционными символами и лозунгами. Данное явление можно обозначить как «революционная религиозность» [8, с. 236]. Так, например, «праздник революции», прошедший в Вятке 12 марта, начался с молебна, священного первоосвященным Никиандром, епископом Вятским и Слободским на площади кафедрального собора. Газета «Вятская речь» отмечала, что народ нес наравне с иконами и хоругвями красные знамена [3, с. 3].

Религиозная символика привлекалась с целью оправдания революции, придания сакрального смысла, организации необходимого для властей поведения масс. Как отмечает И.В. Нарский, привычные религиозные формы культуры не устарели, а начали функционировать в новой ситуации новым образом [8, с. 236]. Элементы традиционной православной культуры не отрицались и не очернялись как проявление прошлого, наоборот, активно использовались для обеспечения эффективного усвоения революционной пропаганды. Учитывая особенности психологии масс, газета неоднократно при характеристике революции использовала религиозную лексику: «священная», «святая» и т.д.

Красный цвет был признан ключевым символом революции. Красные флаги и банты выступали важнейшим атрибутом и революционной декорацией тех дней. Интересен тот факт, что Пасха традиционно всегда была «окрашена» в красный цвет. В праздничных песнопениях она выступает как «Пасха красная». В дни празднования Пасхи внутреннее убранство православной церкви всегда украшалось красным цветом. Великие врата, аналой покрывались красными покрывалами. Революционный

красный цвет гармонично накладывался на веками формировавшиеся привычные образы, элементы традиционной, по сути православной культуры. В данном случае прослеживается двойственность политической культуры. Несмотря на то, что православная церковь всегда выступала в роли духовной опоры самодержавия, многие элементы православия стали одновременно и символами русской революции. Данный факт свидетельствует о невозможности кардинального изменения существовавших представлений, ибо мыслилось и думалось в «новое время» старыми категориями.

Как и любое важное событие, Февральская революция имела своих героев. Таковыми, по словам «Вятской речи», стали «борцы, павшие за свободу». На заседании Вятской Городской Думы была почтена память тех, кто «лег костями за освобождение России». 5 марта в здании земской управы состоялось собрание учащихся города Вятки. Молодежь собралась с той же целью – почтить память борцов, павших за свободу. В их честь два раза была исполнена «Вечная память» (молитва, совершаемая при церковной панихиде), после чего «Марсельеза» и «Смело, товарищи, в ногу». Революционные песни и церковные песнопения как атрибуты разных культур в данном случае вновь гармонично дополнили друг друга [12, с. 6].

«Вятская речь» подробно освещала проходивший 11 марта в Вятке «с большим воодушевлением» первый митинг. Он был посвящен чествованию памяти героев революции. Программа мероприятия была традиционной: прозвучали марш «Вы жертвою пали...», доклад, посвященный краткому историческому очерку освободительного движения в России, пара выступлений ораторов на привычные в те дни темы о долге молодежи укреплять свободу и т.д. На митинге мог высказываться любой желающий [10, с. 3]. Многие выступления вызвали гром аплодисментов, перераставший в овации. Подобные мероприятия, митинги, шествия, выступления ораторов, молебны производили сильное впечатление на участников, создавали ощущение невероятного торжества, заряжали позитивом и укрепляли веру в то, что именно новая власть способна обеспечить светлое будущее. Рост политической активности широких масс проявился и в том, что в честь вострой русской революции по предложению группы граждан публичная библиотека имени императора Николая I, «душителя русского просвещения», созданная А.И. Герценом, стала носить имя своего основателя [13, с. 2].

Звуковое сопровождение указанных мероприятий состояло из авторитетных звуков – привычных (церковный хор или церковные песнопения) и новых (по сути, тоже старых, но звучащих в новых условиях по-новому), а именно революционных напевов «Марсельезы», активно влиявших на сознание присутствующих, так как создавали условия для формирования у них соответствующего настроения. Колоссальный эффект достигался при неоднократном повторении революционных песен. В подобной атмосфере всеобщей эйфории трудно кому-либо было остаться равнодушным.

Популярны были так называемые «кружечные сборы», в которых были задействованы широкие слои населения. Подобно митингам, они были нацелены на формирование чувства солидарности к происходящему. Каждый «гражданин» по мере сил мог оказать помощь тем, кому обязан своей «свободой». Все население поведением и делами должно было соответствовать величю «исторического момента», неся ответственность перед революцией.

Подобные мероприятия закладывали в сознание людей определенные мифологемы: образы героев революции, образ врагов или «темных сил», которые ассоциировались со старым режимом и потому имели негативный смысл. Старой власти противопоставлялся образ новой демократичной, действующей сугубо в интересах народа и от его имени. Такое представление нацеливало людей на веру в светлое счастливое будущее, порождало иллюзии, уверенность в том, что они стали очевидцами обновления реалий русской действительности. Подобное манипулирование сознанием людей формировало толпу, которой в силу ее легкой восприимчивости к революционной пропаганде легко управлять. Она не способна критически оценивать происходящее. Все искусственно создаваемые политические образы и символы оказывали сильное влияние на неискушенную политикой публику.

В марте «Вятская речь» пыталась отразить единство общества. Газета пропагандировала идею о необходимости не допустить возврата к старому, обеспечить проведение курса реформ и созыв Учредительного собрания, призвала «всемерно поддержать Временное Правительство». «Здание азиатского абсолютизма» рухнуло, поэтому данный институт выступил «политическим выражением временного союза всех общественных групп», основанного на отрицании старого режима [6, с. 2]. Задачей всех являлось

соблюдение принципа согласия. Подобная линия поведения признавалась единственно верной формой действий, являлась «священной обязанностью» всех политических течений. Всякие распри и партийная борьба грозили уничтожению всех завоеваний революции в результате «работы темных сил». «Вятская речь» провозгласила народ главным носителем власти, Временное Правительство единственным представителем и выразителем законной власти, «способной объединить ее под знаменем свободы, победы и порядка» [4, с. 2].

Февральская революция повлияла и на изменение понимания смысла войны. Участие в боях означало теперь защиту независимости «свободной России». Перед обществом ставилась задача «обеспечить славное завершение войны». Дело освобождения России должно быть доведено до конца, так как «уничтожив внутреннего врага, необходимо уничтожать и внешнего». Лозунг «Долой войну!» провозглашался «изменой делу народной свободы», так как «земля должна быть так же свободна от вражеского насилия и его оков, как свободен сейчас народ от деспотизма старой власти» [4, с. 2]. Истинный «революционер» обязан быть «патриотом». Участие в мировой войне, по сути, интерпретировалось как участие в революционной борьбе за свободу.

Постоянно звучавшие патриотические лозунги призваны были объединить «граждан» и мобилизовать их на оказание Временному Правительству всецелой поддержки. Их цель – создать условия для легитимизации новой власти.

На данном фоне особое внимание уделялось отношению к старому режиму. Во многих высказываниях в адрес самодержавия проявились наиболее типичные стереотипы, например, представление о старой власти как о врагах свободы и России, «романовской шайке разбойников», предателях, которые «в тайне от народа помогали немцам, давали им хлеб, а свой народ... морили». Бывшего российского монарха часто наделяли inferнальными признаками, представляли его в образе вампира, выпившего «ужасно много человеческой крови». Негативное восприятие царской власти получило свое проявление и в пренебрежительном именовании бывшего императора Николашкой, Николкой [14, с. 56].

Центральным политическим символом революции принято считать свободу. В письмах объяснению образа свободы уделялось особое внимание. Вот некоторые выдержки: «прежде нам нельзя было говорить, а теперь

нам стало хорошо, свободно»; «свершилось, пало, наконец, иго рабства, произвола и насилия, какое это слово «свобода»! Такого воодушевления и подъема больше уже в жизни испытать не придется»; «исполнились наши мечты, наступил великий праздник свободы, больше и выше которого не может быть» [14, с. 11, 35, 65]. Свобода авторами писем воспринималась как самое главное достижение современной жизни, которое необходимо удерживать любой ценой.

Широко было распространено примитивное понимание свободы, что характеризует низкий уровень политической культуры. Вновь испеченные граждане ассоциировали свободу с вседозволенностью, действиями абсолютно никем и ничем не ограниченными. Подобное получило свое проявление в самовольных арестах и различных самоуправств. Контролирующего органа в лице полиции не существовало, а потому ничто не стесняло «свободу» действий. Сохранилось свидетельство о том, как на одном селе избивали старшину волости. В другом случае люди самовольно ходили с обыском к дьякону. Найдя у него запас крупы и сахара, они впрягли его в сани, положили в них найденное и заставили везти в волость, «понукая толчками и пинками» [14, с. 56]. Свобода, проявившаяся в разгуле бесчинств и в крайних формах народной самодеятельности, во многом основывалась на анархичных представлениях.

Весной в Вятской губернии в сознании провинциальной общественности благодаря средствам массовой информации формировалась система новых политических символов и традиций. Навязываемый образ свободной России был пронизан с одной стороны верой в то, что идеи новой жизни дадут в недалеком будущем ожидаемые результаты, а с другой – страхом перед возвратом к прошлому. Однако радость по поводу свержения ненавистной власти и провозглашения свободы дисконировали с сообщениями, содержащими жалобы на непомерно высокие цены, тяжелые условия жизни в целом. «Деньги есть, а купить нечего – дорого». Встречаются письма, открыто критикующие и осуждающие действия властей. «Жизнь мучительная, нас мучают, как скотину, пища плохая... лучше быть убитому, чем жить ...». [14, с. 61]. Падение империи ассоциировалось с трагедией, которая по своим масштабам сопоставима чуть ли не с концом света. «Руки отнимаются, никогда я такой великой скорби не переживал» [14, с. 73, 89]. Судя по содержанию писем и газеты,

отношение к революционным переменам не было однозначным. Оно балансировало от эйфории, оптимистичного восторга до крайне упаднических настроений, полных отчаяния и глубокого разочарования.

Таким образом, политическая культура «новой России» отличалась противоречивостью, конфликтностью, двойственностью. Одним из системообразующих элементов российской политической культуры оставалась православная вера. Внешне политическая культура революционной «свободной России» стремилась воспроизводить сущность западной культуры участия. Однако внутренне ее содержание во многом пересекалось с традиционной культурой. Подобное получило свое проявление в слабом понимании массами происходящего. Многие, заблудившись в свободе, не сумев осуществить осознанный выбор, могли вступить сразу в несколько партий [5, с. 56]. Отсюда стереотипность и примитивность восприятия, сохранение ориентации на авторитеты и острой потребности в сильном лидере, способном взять на себя груз ответственности решения насущных проблем. Крайне персонализированные взаимоотношения между народом и лидером получили свое отражение в приветственных телеграммах от граждан в адрес министров Временного правительства и на имя М.В. Родзянко. В текстах посланий проявились завышенные ожидания от новой власти. Сохраняется традиционная психоментальная основа отношения к государственной власти как к сакральной инстанции. «Теперь не жаль своего живота за

новое правительство положить на поле брани...». Особенно интересно отношение к А.Ф. Керенскому: «Наше светило! Наш вождь! Наш гений высший и великий человек Александр Федорович Керенский» [14, с. 56]. Подобные эпитеты свидетельствуют о доминировании основ патриархального способа мышления. Поэтому говорить о формировании принципиально нового демократического типа политической культуры не приходится. Процессы формирования новых стереотипов, смена старых представлений протекали во многом на основе традиционных убеждений. Поэтому ментальный сдвиг масс, произошедший в 1917 году, трудно характеризовать как кардинальный. Все это свидетельствует о противоречивости мировосприятия и политического сознания, дуализме массового мышления, конфликтности политической культуры «новой России». Новые ценности революционной эпохи накладывались на традиционные веками сформированные убеждения. Старые традиции были сильны, так как вращались в новые, меняя внешнюю форму, слабо затрагивая суть. Персонализированное восприятие власти, связанное с конкретными политическими деятелями – Родзянко, Керенский с одной стороны и Николай II как их антипод, намеренное наделение их сверхкачествами, либо очень положительными или наоборот крайне отрицательными, которыми они в действительности не обладали, все это подтверждает мифологичность сознания, невозможность объективно воспринимать революционные перемены.

1. Архипов, И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. – СПб.: СПбГУ, 2000. 264 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. Весенний праздник революции // Вятская речь. – 1917. 17 марта. С. 3.
4. Вятка 15 марта. // Вятская речь. – 1917. 15 марта. С. 2.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Фонд 45. Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Вятском губернском Комитете партии (история партии). Оп 1. Д. 44. Л. 148. ЦГА УР Ф.254 Оп. 1, Д. 12, Л. 56.
6. Задачи момента // Вятская речь. – 1917. 8 марта. С. 2.
7. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2001. 349 с.
8. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001. 682 с.
9. Отречение Николая II // Вятская речь. – 1917. 8 марта. С. 3.
10. Первый митинг в Вятке // Вятская речь. – 1917. 13 марта. С. 3.
11. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 365 с.
12. Собрание учащихся // Вятская речь. – 1917. 7 марта. С. 6.
13. Хроника // Вятская речь. – 1917. 11 марта. С. 2.
14. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф.254. Оп. 1. Д. 12.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО СОВНАРХОЗА

УДК 94(47)084.8

А.В. БУДАНОВ

На современном этапе Правительством Российской Федерации выбран курс на возрождение оборонно-промышленного комплекса. В связи с этим полезно изучить опыт функционирования советского ОПК, чтобы использовать эффективные управленческие механизмы прошлого в наши дни и избежать системных ошибок.

В настоящее время воссоздаются некоторые управленческие структуры, существовавшие в годы хрущевских реформ. Например, 22 июня 1999 г. Постановлением Правительства РФ № 665 была возрождена Комиссия по военно-промышленным вопросам, переименованная Указом президента РФ от 20 марта 2006 г. № 231 в военно-промышленную комиссию при Правительстве РФ. Аналогичная комиссия была создана в СССР в декабре 1957 г. Однако следует не просто копировать управленческие формы и структуры прошлого, но найти содержательные организационные принципы, позволившие достичь успехов и не допустить неэффективного расходования средств. Данная статья направлена на изучение регионального управленческого опыта руководства оборонной промышленностью Южного Урала, когда она находилась под руководством Южно-Уральского совнархоза.

В середине 1950-х гг. стало очевидным, что существовавшая сталинская система управления являлась слишком громоздкой и малоподвижной для страны с развитой промышленностью. Было решено повысить ее результативность, передав значительные управленческие полномочия на места. В результате в 1957 г. многие промышленные и строительные министерства были ликвидированы, а управление промышленностью передано в регионы, где создавались специальные органы – Советы народного хозяйства. Реформа устранила ведомственные барьеры и приблизила органы управления промышленностью к предприятиям.

Оборонные министерства в январе 1957 г. фактически преобразовали в Государственные комитеты при Совете Министров СССР: по оборонной технике, авиационной технике, радиоэлектронике, судостроению. В ведении этих

Госкомитетов находились передовые НИИ и КБ, а также опытные заводы, занимавшиеся разработкой и производством новых образцов военной техники. Серийные оборонные заводы было решено передать совнархозам. Министерство среднего машиностроения реформировать сразу не решились, так как оно занималось руководством атомной промышленностью. В силу особой важности этой отрасли атомные предприятия Южного Урала в г. Озерск, Снежинск, Трехгорный местному совнархозу не были переданы.

В конце 1962 г. совнархозы были укрупнены. 25 декабря 1962 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании экономических районов РСФСР», согласно которому Челябинский, Курганский и Оренбургский экономические административные районы объединялись в Южно-Уральский экономический район [2, с. 810–811]. 26 декабря 1962 г. было издано Постановление Совета Министров РСФСР № 1690 «Об образовании советов народного хозяйства экономических районов РСФСР». Специальное Постановление Совмина РСФСР № 86, утвердившее структуру Южно-Уральского совнархоза, было принято 21 января 1963 г. Согласно этому документу Челябинский, Оренбургский и Курганский совнархозы объединялись в Совет народного хозяйства Южно-Уральского экономического района [8, с. 279–281]. Председателем Южно-Уральского совнархоза был назначен А.Ф. Борисов. В коллегию совнархоза (высший орган управления) вошли: А.К. Рухадзе, А.И. Крицын, В.Ф. Рудаков, А.Т. Ларин, П.Д. Храмцов, М.И. Аносов, С.П. Антонов, Н.П. Богданов, Ф.Д. Воронов, Г.В. Зайченко, А.Г. Моталин, В.М. Сарычев, Г.М. Кетов, А.И. Власов [3, л. 1]. Изменения коснулись распределения обязанностей между заместителями председателя совнархоза. До этого работу оборонной промышленности курировал первый заместитель председателя совнархоза (в Челябинском совнархозе эти обязанности исполнял А.К. Рухадзе). В штатном расписании Южно-Уральского совнархоза имелись две должности первого заместителя. На них были назначены А.К. Рухадзе и А.И. Крицын (бывший директор Челябин-

ского тракторного завода, выпускавшего в том числе танки). При этом руководство оборонной промышленностью поручалось А.И. Крицыну. Он курировал также работу второго управления (военно-мобилизационный отдел), которое занималось подготовкой планов мобилизации промышленности и созданием запасов сырья, материалов и оборудования на случай войны. Крицын контролировал работу трех оборонных отраслевых управлений совнархоза точного машиностроения; электротехнической и приборостроительной промышленности; радиотехнической и электронной промышленности, которые руководили работой «кадровых» оборонных заводов, научно-исследовательских институтов (НИИ) и конструкторских бюро (КБ) [4, л. 73–75]. Предприятия этих управлений, помимо производства стандартных вооружений, участвовали в производстве новых для того времени оборонных разработок, прежде всего ракетной техники и радиоэлектронного оборудования.

Состав и структуру «оборонного» отраслевого управления совнархоза можно рассмотреть на примере управления радиотехнической и электронной промышленности (начальник С.И. Михалев). Оно было создано на основании Постановления Южно-Уральского совнархоза от 15 мая 1963 г. В его состав вошли 14 предприятий, из них семь действовавших заводов: Катав-Ивановский приборостроительный (выпускал оборудование для подводных лодок и надводных судов); Каслинский радиозавод; Челябинский завод радиотехнической промышленности; Кыштымский радиозавод; Южно-Уральский завод радиокерамики; Шадринский телефонный завод; Южно-Уральский завод. Управлению подчинялись также шесть строящихся предприятий – радиозавод в г. Копейске, Оренбургский завод телевизоров, Оренбургский завод радиоприборов, Еманжельинский завод ферритовых изделий, Еманжельинский завод непроволочных сопротивлений; Курганский завод радиоаппаратуры, а также конструкторское бюро по новой радиотехнике. Большое количество строящихся объектов отрицательно влияло на выполнение плана производства, так как сроки сдачи таких объектов зачастую нарушались. Радиозаводы управления выпускали радиопеленгаторы, курсоглиссадные системы, радиолокационные станции, аппаратуру передачи данных, радиоаппаратуру для самолетов, подводных лодок, ракетных систем и т.д. Структура управления была следующей: аппарат руководителя, бухгалтерия и 5 отделов: производственный; технический; планово-экономический, труда и заработной платы и техники безопасности; главного механика и энергетика; капитального строительства [4, л. 314–317]. Такая структура объяснялась принци-

пом максимального сокращения руководящих кадров, особенно в областях управления, не связанных напрямую с производственными процессами. Этот принцип поддерживал и пропагандировал Н.С. Хрущев.

Управлению электротехнической и приборостроительной промышленности совнархоза подчинялись 18 действовавших и одно строящееся предприятие. Начальником управления был назначен Е.И. Фокеев. Заводы управления производили для нужд обороны электромоторы, танковые стартеры, различные магнитные пускатели, электроприводы, реле, фильтры, нагревательные элементы, преобразователи тока, полупроводниковые регуляторы и т.д. Челябинский часовой завод производил часы для авиационной техники. Большое оборонное значение имели следующие заводы управления: Миассэлектроаппарат, завод «Электромашина», «Уралэлемент», «Урал-электромотор».

Наличие двух управлений в радиоэлектронной отрасли было связано с научно-техническим прогрессом в этой области, что потребовало дальнейшей специализации научных исследований и производства. Эти управления были созданы на базе Управления радиотехнической и приборостроительной промышленности Челябинского совнархоза, которое было разделено. Подобные процессы отраслевой специализации происходили не только на местном уровне, но и в масштабах всей страны. 17 марта 1961 г. был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по электронной технике (председатель А.И. Шокин). Комитету были переданы разработки Государственного комитета по радиоэлектронике в сфере производства микросхем для электронно-вычислительных машин, сверхвысокочастотных электровакуумных приборов, полупроводниковых приборов, кварцевых резонаторов, фильтров и т.д. Специализация производства являлась признаком технического и технологического прогресса. Этот процесс проявился и на Южном Урале.

Управление точного машиностроения возглавлял Е.В. Мещеряков. Оно руководило работой 16 заводов. В этом управлении было сосредоточено производство как традиционных вооружений (танки, минные тралы, снаряды и т.д.), так и выпуск изделий для передовой ракетной техники (корпуса ракет, двигатели, элементы пусковых устройств и т.д.). Например, Челябинский тракторный завод производил танки и бронемашину. Челябинский завод «Станкомаш» им. С. Орджоникидзе выпускал различную оборонную продукцию: корпуса артиллерийских снарядов, бомб, танковые

башни, ракеты «Луна», двигатели для зенитно-ракетного комплекса «Круг» и т.д. К производству системы «Круг» и других изделий ракетной техники был привлечен также Усть-Катавский вагоностроительный завод. Симский механический завод производил изделия для авиации: клапаны для гидравлических систем, различные краны, регуляторы расхода топлива, насосы и другую продукцию. Изделиями завода оснащались, например, истребители марок МиГ, Як, Су, а также бомбардировщики.

К производству оборонной продукции привлекались и предприятия тех управлений совнархоза, которые выпускали преимущественно гражданскую продукцию. Это объясняется тем, что военные производства в годы холодной войны считались приоритетным и для его скорейшего выполнения необходимо было концентрировать усилия всех пригодных для этой цели предприятий. Естественно, что оборонный заказ выполнялся управлением металлургической промышленности (начальник Г.Н. Сергеев); цветной металлургии и химической промышленности (начальник В.М. Сарычев). Это объясняется тем фактом, что большинство оборонных изделий производится из черных и цветных металлов. Обычно оборонный заказ выполняли металлургические предприятия, производившие качественный металл, способный работать в агрессивных условиях и при повышенных нагрузках. Широко применялись в оборонной технике также изделия химической промышленности. В производстве оборонных заказов участвовало и управление легкой промышленности (например, пошив военной формы). Многие, на первый взгляд гражданские, предприятия привлекались к изготовлению изделий для атомной промышленности. Например, Челябинский трубопрокатный завод поставлял трубы, необходимые для реакторного и гидрометаллургического производства плутония; Челябинский электрометаллургический комбинат – графитированные лопатообразные аноды; Челябинский завод «Теплоприбор» – вибропреобразователи, усилители электронные и т.д. Такие заказы обычно кодировались как заказы по «разделу А». Оборонные заводы снабжались сырьем и материалами в первоочередном порядке, соответствующие задачи были поставлены перед Управлением материально-технического снабжения (начальник М.Я. Иоффе).

С другой стороны, и непосредственно оборонные заводы выпускали некоторый объем гражданской продукции. Это было обусловлено двумя причинами: обеспечением секретности (военный завод представлялся как гражданское предприятие с «мирным»

названием и продукцией, например завод сельскохозяйственного машиностроения) и экономическими соображениями. Оборонная продукция не могла быть использована в народном хозяйстве и являлась бременем для экономики, а производство гражданской продукции позволяло задействовать производственные мощности оборонных предприятий с прямой пользой для народного хозяйства. Гражданское производство на оборонных предприятиях Южно-Уральского совнархоза в планах 1964 г. составляло в среднем 37,6 % (215 млн 170 тыс. руб.), военное – 62,4 % (356 млн 76 тыс. руб.). В «кадровой» оборонной промышленности совнархоза в 1964 г. было занято около 115 тыс. человек производственного персонала [5, л. 170]. Однако эти данные не учитывают военное производство гражданских заводов, поэтому объемы оборонного производства в регионе в целом были выше.

Южно-Уральский совнархоз в вопросах производства важнейших образцов военной продукции взаимодействовал с центральными органами управления оборонной промышленностью: военно-промышленной комиссией Совета Министров СССР, оборонными государственными комитетами, госпланами, республиканскими и общесоюзным совнархозами. Особенно это касалось проблем производства ракетной техники, изделий для атомной промышленности, подводного флота, радиоэлектронных устройств. Например, Комиссия Высшего Совета народного хозяйства СССР по военно-промышленным вопросам (в 1963 – 1965 гг. находилась в подчинении ВСНХ) решением от 5 октября 1963 г. № 242 обратила внимание руководства совнархозов на необходимость повышения качества бортового, стартового оборудования и комплектующих элементов для ракетных средней дальности комплексов Р-12 (8К63), Р-14 (8К65), стратегического ракетного комплекса Р-16 с межконтинентальной ракетой с дальностью полета до 13 тыс. км (8К64) [6, л. 234].

Однако после смещения Н.С. Хрущева в 1964 г. на октябрьском Пленуме ЦК КПСС новое политическое руководство страны взяло курс на восстановление министерств и экономические методы стимулирования производства. Совнархозы было решено ликвидировать. В этом решении был и политический момент, так как руководство совнархозов было обязано своим возвышением Н.С. Хрущеву. Бывшие же работники министерств пострадали от хрущевских реформ, а потому могли усилить социальную базу сторонников новой власти. ЦК КПСС и Совет Министров СССР 2 марта 1965 г. издают Постановление «Об улучшении руководства оборонными

отраслями промышленности», согласно которому оборонные государственные комитеты были преобразованы в министерства: авиационной, оборонной, судостроительной, электронной, радиопромышленности. Было организовано Министерство общего машиностроения, в котором были сосредоточены работы по производству ракетной техники. «Кадровые» оборонные предприятия совнархоза в количестве 25 действующих заводов и с общим объемом валовой продукции в 571,3 млн руб. и числом промышленно-производственного персонала в 116 тыс. человек были переданы в ведение этих министерств в марте того же года. Для этого создавались специальные комиссии из представителей министерств и совнархоза. Например, Министерству общего машиностроения были переданы два ракетостроительных предприятия: Усть-Катавский вагоностроительный и Оренбургский машиностроительный заводы; Министерству судостроительной промышленности – Катав-Ивановский приборостроительный завод и строящийся в г. Кургане завод судовой арматуры; Министерству авиационной промышленности – Симский механический завод; Министерству оборонной промышленности – 13 предприятий (в том числе «Станкомаш», завод «Электромашина», Златоустовский завод им. Ленина и т.д.); Министерству радиопромышленности – Челябинский радиозавод с КБ, Кыштымский радиозавод с КБ, Каслинский радиозавод; Шадринский телефонный завод и 4 проектируемых предприятия; Министерству электронной промышленности – Южно-Уральский завод радиокерамики и Южно-Уральский завод КН-2 и три проектируемых предприятия. Уралсельмаш и Миассэлектроаппарат были переданы гражданским министерствам [7, л. 103, 116, 171–173]. 2 октября 1965 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления», согласно которому совнархозы ликвидировались, а все подчиненные им предприятия передавались в ведение восстановленных министерств [1, с. 89–894].

В целом в деятельности Южно-Уральского совнархоза проявились общие тенденции развития ОПК: группировка производства ракетной техники в специальных машиностроительных министерствах; разделение и специализация радиоэлектронной отрасли на две: электронно-приборостроительную и радиопромышленность. Отраслевая специализация производства была связана с научно-техническим и технологическим прогрессом в промышленности. Предприятия совнархоза участвовали в производстве передовых образцов военной техники: ракет и радиоэлектронного оборудования. Хотя атомная промышленность не передавалась в ведение совнархозов, подчиненные Южно-Уральскому совету народного хозяйства предприятия поставляли оборудование, материалы для ее нужд. Таким образом, они были вовлечены в реализацию новой оборонной стратегии государства, делавшей упор на развитие ракетно-ядерного оружия, а значит, внесли заметный вклад в укрепление обороноспособности страны.

В деятельности совнархоза можно выделить несколько факторов, повысивших эффективность управления. Во-первых, близость руководящих органов к конкретным предприятиям, что позволяло оперативно решать многие производственные проблемы в условиях развития новых технологий. Во-вторых, удалось скоординировать работу предприятий региона, наладить производственные связи между ними. В-третьих, максимально использовать управленческий и интеллектуальный потенциал региональных руководящих и инженерно-технических кадров.

Конечно же, воссоздавать совнархозы на современном этапе не имеет смысла, так как изменилась экономическая и политическая система общества, но возможно сформировать в регионах местные управленческие структуры, облегчающие связь оборонных предприятий с центральными органами власти, что позволяет оперативно решать текущие проблемы, которых всегда возникает довольно много в процессе создания новой техники.

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 30 декабря 1962. № 52.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. № 39. 6 октября 1965 г.
3. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 230.
4. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 98.
5. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 735.
6. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 547.
7. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 738.
8. Постановления Совета Министров РСФСР за декабрь 1962 г.

ЕСЛИ НЕ КОНФОРМИСТ, ТО ДОН-КИХОТ?*

УДК 30

В.Н. САГАТОВСКИЙ

Прежде всего, я хочу поблагодарить всех авторов, принявших участие в обсуждении моей статьи, и выразить особую признательность В.К. Шрейберу, сумевшему схватить мой замысел в целом.

Поясню также заголовок. Под конформизмом я здесь понимаю не приспособленчество к власти, но следование моде. Когда-то «продвинутые» советские философы преклонялись перед неопозитивизмом, теперь вот мода на постмодернизм. И как всегда в России – с большим опозданием. Как тут не вспомнить В.Хлебникова:

Новаторы до Вержболова.

Что ново здесь, то там не ново.

Ну а Дон-Кихот – это, наверное, утопист с «наивными» и «устаревшими» идеалами, тем не менее, делающий свой выбор, не оглядываясь на «модных» и «современных».

Я рад, что целый ряд моих идей был воспринят положительно. Например, отмеченное А.С. Чупровым мое понимание субъектов исторического процесса [5], признание А.В. Павловым идеи взаимодополнительности всех компонентов исторического процесса и равных прав субъективности и духовности с объективной реальностью [3]. Интереснее, однако, вступить в полемику, особенно если замечания конструктивны, т.е., независимо от согласия или несогласия, побуждают к новому осмыслению затронутых проблем. Но начать придется с констатации непонимания ряда выдвинутых мной положений. Такое непонимание, я думаю, вызвано двумя причинами. Во-первых, тем, что даже в большой статье трудно определить все понятия, наработанные мной в ряде монографий, опубликованных в конце 90-х и в 2000-е годы. Так, Ю.Г. Ершов откровенно признается в том, что текст моей статьи «изобилует высказываниями, категориальный смысл которых мне плохо доступен. Например, «бытие общества во всей полноте его проявлений не сводится к объективной реальности (материи) как одному из видов бытия... Далее в тексте будут упомянуты «онтологические

виды бытия» (что это такое?) – без дополнительных разъяснений не обойтись, аналогичная ситуация и с высказыванием о субъективной реальности как всеобщем атрибуте любого существования, в основе которого лежит неповторимое начало» [2, с. 119]. Из такой ситуации есть, видимо, три выхода: остаться при непонимании; прежде чем критиковать, ознакомиться с другими работами автора; попытаться что-то понять из контекста. В самом деле, уже из процитированного отрывка вроде бы ясно, что если идет речь об объективной реальности как одном из видов бытия и субъективной реальности, то, наверное, это и есть онтологические виды бытия. А протестом против редукции исторического процесса только к проявлению повторяющихся объективных законов пронизана вся статья. Но перейти в такой контекст из текста постмодернистских представлений, конечно, трудно.

И в этом глубинном различии контекстов размышления коренится вторая причина непонимания. Так, С.В. Борисов полагает, что предпринимаемый мной пересмотр «догм исторического материализма» не может быть успешным, так как я, мол, нахожусь «во власти того же дискурса» и что моя статья «пропитана духом «расставания-ностальгии» с марксизмом [1, с. 15, 17]. Чтобы пояснить ошибочность этих утверждений, придется перейти к полемике по принципиальным вопросам. Но сначала ещё один пример непонимания из статьи того же автора. «САЦ (социально-антропологическая целостность – В.С.), – пишет С.В. Борисов, – как результат естественно-исторического процесса выступает не как естественно-историческая формация, а как результат деятельности – как культура [1, с. 117]». А суть-то моего подхода как раз во взаимодополнительности и паритете естественно-исторического процесса, результатом которого предстает общество как естественно-историческая формация, и деятельности, результатом которой пред-

* Ответ участникам обсуждения моей статьи «Новый взгляд на историю». Статья опубликована в научном журнале «Социум и власть» в 2010–2011 гг. [4].

стает общество как культура. Да, трудно разговаривать на чужом языке, ежели ты убежден, что овладение им не заслуживает серьезных усилий.

Итак, перейдем к тому подходу ряда моих оппонентов, который представляется мне ни мировоззренчески, ни методологически неприемлемым. Это *либерально-постмодернистский* подход. Не гармоничная целостность корней, ствола и кроны, но расплывающаяся во все стороны (но зато такая свободная!) ризома. Здесь я хочу возразить по следующим основным пунктам.

1. Последовательная деидеологизация. Под идеологией я подразумеваю не выгодное власти мифотворчество, но учение об идеалах. Идеал задает смысл деятельности, под него подбираются цели и средств реализации. С этим не согласен А.В.Павлов. «Чем, по большому счету, – спрашивает он, – критикуемый монокаузализм отличается от заявляемого монотелеологизма?» [3, с. 108] (так он называет защищаемый мной идеал ноосферы). Отвечаю. Я заменяю однопричинность системным взаимодействием факторов, а не их эклектичным и произвольным набором. Точно так же должно обстоит дело с идеалами и целями. Конечно, их много. Но чтобы организовать их в работающую систему, требуется определенная упорядоченность, выделение инварианта в многообразии. Иначе жизнь будет идти своим чередом, а словесные упражнения интеллектуалов – своим. Но моему оппоненту как раз это и представляется нормальным.

«Я полагаю, – провозглашает он, – что утверждение единого идеала является первым признаком деградации и распада... Думается, что идея советского коммунизма погибла тогда, когда она стала идеалом и конструктивным планом» [3, с. 114]. Он считает, что история должна идти естественным путем и отрицает всякое политическое вмешательство. Да когда же такое было, и кто сейчас вдруг послушается нашего философа? На что же он надеется? На легитимное согласование всего разнообразия существующих мнений... Простите, но вот это и есть донкихотство чистой воды. Пока это произойдет, мы благополучно скатимся к глобальной катастрофе. Не понимаю, как это можно не видеть. Да никогда не удастся согласовать идеал антропокосмизма с устремлениями олигархов, сомалийских пиратов, попшоуменов и т.д. Без идеологии как системы идеалов невозможны стратегия разрешения глобальных

проблем современности, уход от бескрылой возни властвующих прагматиков, оптимизация исторических «всплесков». А сознательное конструктивное вмешательство (и не надо сразу переходить к страшилкам о диктатуре, репрессиях и т.д.) предполагает и принуждение, «сопротивление злу силой» (И.А. Ильин). Представьте себе, что операция тяжело больного будет откладываться, пока весь коллектив больницы не согласует кандидатуру хирурга... Иллюзии либерализма, что тут ещё скажешь.

2. Если нет общего идеала, то нет и прогресса. Ю.Г. Ершов, выступая против допущения «финала истории» как «катастрофического свершения» или «светлого будущего», полагает, что «отсюда и возникает оценка всего происходящего как прогресса, в случае движения к завершению, или регресса в случае отклонения от истинного пути... Нетрудно заметить, насколько подобный взгляд провоцирует произвольность в выборе критериев и оснований, по которым «исчисляется» прогресс» [2, с. 119]. Но «постнеклассический взгляд на социально-историческую реальность вообще оставляет в прошлом саму идею прогресса» [2, с. 120].

Попробуем невзирая на авторитет «постнеклассического взгляда» спуститься с теоретических небес на грешную землю. Существуют ли в истории достаточно устойчивые, возможно инвариантные, тенденции развития? Да. Можно ли как-то воздействовать даже на такие объективные тенденции, не говоря уж о более частных и преходящих, руководствуясь определенной субъективной программой? Именно это я пытался показать в своей статье. Но если это так, то неизбежна и оценка происходящего: как то или иное событие выражает определенную объективную тенденцию и насколько оно положительно с точки зрения ценностей, лежащих в основе программы субъекта. Мы можем ошибаться в оценке того, насколько это прогресс или регресс относительно реализации объективной тенденции, но ведь само-то это соотношение отменить невозможно. Нельзя отменить и субъективную оценку, даже если кто-то с ней не согласен. И, если она соответствует четко сформулированному идеалу или цели, то по отношению к нему она не произвольна. Можно также посмотреть, насколько программа и оценка с её позиций соответствует реальным возможностям. И никуда от этих процедур не уйдешь. Во всяком случае, если ты ориентирован на действие, а не на кабинетные «новации».

Нет, господа, история – это не беспорядочный хаос «всплесков», а сложная система, в которой хотя и нет единственной «магистральной линии» (хоть по Гегелю, хоть по Марксу), но есть вполне поддающийся анализу пересечение и борьба тенденций, имеющих как объективное, так и субъективное основание. Я и пытался показать, что объективно нерешенность глобальных проблем современности ведет к глобальной катастрофе, если не провести радикальную смену субъективного основания. Т.е. вопреки предостережению А.В. Павлова активно вмешаться в ход истории. И естественно с определенной программой. В моем случае – с философско-мировоззренческой программой *антропокосмизма*, которую предстоит конкретизировать в политическом, экономическом, экологическом и других направлениях. Не нравится антропокосмизм? Что ж, о базовых ценностях спорить бесполезно – это аксиологические аксиомы типа культуры или личности. Но вы никуда не уйдете от объективного хода вещей и вмешательства в него с каких-то других позиций, может быть, ещё более неприятных для вас. Посмотрите, что реально сейчас делается в мире – ничего себе «всплески»! Кстати, будьте честны – ведь для вас «постнеклассический подход» в постмодернистском варианте – это прогресс, по сравнению с «обветшалыми догмами» марксизма? Не пытайтесь отрицать – по вашим поступкам (а статья – какой-никакой, а поступок) это так.

3. Есть много разных методов, но ни один из них не может претендовать на получение истины. «Сама научная теория, – отмечает Ю.Г. Ершов, – рассматривается не как описание реальности, но как модельная схема, относительно правдоподобная, но обреченная на пересмотр и замену новой схемой» [2, с. 121]. А.С. Чупров подчеркивает: «Процесс важнее результата, а результат важнее конечной цели – истины» [5, с. 114]... Я все же думаю, что если речь идет не об «игре в бисер» и не о *différance* Ж. Деррида, а о серьезном деле, то следует сказать с точностью наоборот: процесс служит достижению результата, а через результаты идет накопление истин. И любая концепция, модель, схема, если она меняет статус гипотезы на статус достоверного знания, становится изоморфной своему предмету. Конечному предмету, выделенному под определенную задачу, а не бесконечному объекту. И замена её потребует не по случаю скачка в новую парадигму или смены моды, а при необходимости перейти

к новому предмету. То же самое следует сказать и о методах: их много, но для данного предмета, для решения данной задачи оказывается адекватным инструментом именно этот метод, а не любой другой.

В моей статье идет речь о системном подходе как адекватном методе при переходе от парадигмы монокаузализма к парадигме системного взаимодействия. При анализе взаимодействия надо выделить те его стороны, которые необходимы и достаточны для получения определенного результата. А.С. Чупров подвергает сомнению эффективность такого подхода, ибо системный подход, по его мнению, «ничего не говорит о том, какие свойства и функции, элементы и связи, части и компоненты следует рассматривать в качестве необходимых и достаточных. Не говорит он и того, сколько их надо обозначить (два, три, четыре, или десять), чтобы «схватить» бытие в его целостности» [5, с. 115]. Нет, при четком понимании системного подхода он очень четко говорит и о том и о другом. Предмет является системой, если при заданных внешних условиях соотношение между его элементами с необходимостью и достаточностью обеспечивает ту функцию, для которой он предназначен. Принципиальная схема любого устройства предполагает, что оно будет функционировать тогда и только тогда, когда определенное количество узлов или деталей, собранное в определенном порядке, будет налицо. Если требуется четыре, то три будет недостаточно, а пять – излишне. Но мой оппонент справедливо замечает, что на самом деле разные авторы представляют состав и структуру социального бытия по-разному. Вот это уже конструктивный разговор, и мы к нему вернемся, когда я закончу возражать на те положения, с которыми принципиально не могу согласиться.

Ссылка на неопределенный плюрализм методов вообще оставляет нас без четкой методологии. Вернусь в этой связи к утверждению С.В. Борисова, что я, мол, нахожусь в дискурсе марксизма. Я не нахожусь ни в каком дискурсе и не считаю нужным всерьез принимать тезис о «смерти автора». У меня есть свои ценности и идеалы, для реализации которых я строю определенную концепцию. Её функция – цель мне ясна и под неё я подбираю элементы из уже существующих концепций (при необходимости добавляя новые), а порядок их «сборки» определяется тем системным основанием, которое выработано автором и позволяет получить именно работающую

систему, а не эклектическую окрошку. Был бы рад получить конструктивную критику, если где-то что-то не так. Положительные моменты я вижу, в том числе, и в марксизме и считаю совершенно несерьезным «сбрасывать его с корабля современности». Во всяком случае, этих моментов в нем несравнимо больше, чем в постмодернизме. Но замечу, кстати, что и в последнем я вижу нечто положительное – в той его ипостаси, где он выступает как постструктурализм. Но к данной статье это не имеет отношения.

А что я вижу в статье С.В. Борисова? Изложив мой взгляд на соотношение искусственного и естественного и отчуждение как основные проблемы человеческой истории, он *безо всяких доказательств* объявляет это «донкихотской концепцией» [1, с. 116–117]. Ну, добро бы я утверждал что-нибудь вроде того, что ликвидация частной собственности до конца избавит нас от отчуждения – но ведь ничего подобного у меня нет. Заодно зачисляется в Дон-Кихоты и близкий, по мнению С.В. Борисова, со мной в своих взглядах Е.В. Пашинцев. К сожалению, я не знаком с его работами, но из изложения его позиции в статье Борисова вижу, что мы с ним близки, по крайней мере, по трем позициям: не отбрасываем достижения марксизма, исследуем реальные проблемы, имеющие теоретическое и практическое значение, и пытаемся делать это строго и доказательно. И никак не хотим согласиться с тем, что в «современной» философии все это «отменено» (кем и на каком основании?!). Вот в этом нежелании приспособиться к новейшей моде и надежде, что философия все же может повлиять на реальную жизнь, наверное, и состоит наше «донкихотство». Да, я не отказываюсь от 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, и мне безразлично, «интересны» ли мои теории, если они не способны служить инструментом преобразования действительности. И если это донкихотство, то для меня оно предпочтительнее «философских» игр, словесных плясок вокруг туманных изречений новейших кумиров, «письма» Ж. Деррида и прочего «пира во время чумы».

Обратимся, наконец, к обсуждению некоторых конструктивных возражений. Согласен или не согласен я с их авторами, но рассмотрение их продуктивно. В.К. Шрейбер упрекает меня в смешении взглядов самого Маркса с их интерпретацией теоретиками II Интернационала и учебниками по обществоведению середины прошлого века [6]. А именно, полагаю

ет мой оппонент, я напрасно приписываю Марксу утверждения о монокаузалистской роли экономического базиса и сведение свободы к осознанной необходимости. И он не просто провозглашает, но доказывает это, причем текстуально. Маркс, показывает В.К. Шрейбер, говорит о целостности общественного бытия и вариативности человеческого выбора как основной характеристики свободы. Замечу, что последний момент был в свое время хорошо проанализирован Д.Лукачом. Да и мне самому приходилось сопоставлять «эпикуровский атом» Маркса с пониманием свободы как осознанной необходимости.

Что я могу возразить? Думаю, что здесь смешиваются два предмета: что писал сам Маркс, и каким был реальный марксизм (вспомним высказывание Маркса о том, что если это марксисты, то «Я не марксист»). Честно признаюсь, что основным предметом моего внимания был реальный марксизм, как он сложился и практически повлиял на судьбы человечества. У Маркса, как, видимо, и у любого мыслящего человека, в процессе развития можно обнаружить разные, порой противоречащие друг другу взгляды. Может быть, я заблуждаюсь, но мне представляется, что признание свободы как выбора – это ранний Маркс. Когда же он задался целью научного управления революцией, он фактически вернулся к идее свободы как осознанной необходимости. А у его последователей (у которых тот же Лукач был не в чести) осталось только последнее понимание. Что касается идеи целостности, то, на мой взгляд, она явилась декларацией о намерениях, а в основу фактического марксизма было все же положено «Предисловие к критике политической экономии». Но, повторяю, здесь я открыт дальнейшей дискуссии.

А.С. Чупров, подвергая сомнению действенность системного подхода, приводит примеры совершенно разной структуризации общества [5, с. 115]. У Маркса это общественно-экономическая формация с её базисом и надстройкой, у М.Вебера и А. Тойнби – то, что можно было бы назвать религиозно-общественной формацией, у Парсонса – 4 сферы: социальная, экономическая, политическая и культурная. А у Сагатовского – естественно-историческая формация, включающая природный, социальный и психологический уровень. Ниже я уточню свое понимание.

Итак, рассмотрим эти примеры с позиций системного подхода. Марксово представление об обществе – необходимый,

но недостаточный компонент для характеристики бытия общества в целом. В нем отражена только объективная реальность, а бытие в его полноте с защищаемых мной онтологических позиций включает в себя объективную, субъективную и трансцендентную реальность. И каждая из них требует своей интерпретации на уровне общества. Вебер и Тойнби кладут в основу ту сторону общественного бытия, которой совсем нет у Маркса. Религиозная деятельность – необходимый компонент общественного бытия, но он не может быть понят как абсолютная основа – это вариант монокаузализма. Парсонс в чисто американской манере вообще обошелся без теории, указав необходимые компоненты, но, во-первых, взятые из разных уровней общественной жизни, и, во-вторых, не обосновав их достаточность. Вот таких схем (как у Парсонса), действительно, можно выпекать сколько угодно, но дальше элементов правдоподобия они не идут. У Сагатовского естественно-историческая формация заявлена как программа дальнейших исследований, призванных найти в рамках этой системы соотношения политики, экономики, религии и т.д. как необходимых компонентов, вместе образующих полноту социального бытия с необходимостью и достаточностью. Суть моего подхода изложена в статье, ставшей предметом дискуссии, и при желании её можно внимательно прочитать. Здесь ограничусь лишь указанием того категориального ряда в моей концепции (одного из категориальных рядов!), который уместно сравнить с подходами Маркса и Тойнби – Вебера – необходимыми и достаточными оказываются естественно-историческая формация (результат объективного есте-

ственно-исторического процесса), культура (результат деятельности субъекта) и духовная атмосфера (результат глубинного общения субъекта с трансцендентной реальностью).

В качестве итога хочу поделиться общим впечатлением. Оно грустное.

1. Эта маленькая дискуссия ещё раз свидетельствует о глубоком расколе в нашем философском сообществе. Люди говорят на разных языках и не стремятся понять друг друга. Усталость от шагания в общем строю и дарованная свобода обернулись не лучшим образом. Однако ориентация на кумиров-классиков (и обязательно зарубежных) сохраняется. Только кумиры поменялись.

2. Советская философия была ограничена идеями «классиков марксизма-ленинизма». Но это были четкие и определенные идеи, что требовало строгости и доказательности в их интерпретации и развитии. Теперь многие пошли по легкому пути, отталкиваясь от весьма туманных «концептов» типа Делёза и т.п. и сопровождая их вольными комментариями по типу «взгляд и нечто». Нет методологии, нет стремления к истине (да и само её признание объявляется «устаревшим»), нет теории, способной стать стратегической основой преобразования действительности. Устали от всего этого, да и побаиваются последствий («война целому», объявленная Делёзом и Гваттари). О какой ответственности философа можно говорить в такой ситуации? Но хочется верить, что вопреки преходящей моде выживет основная линия развития философии, сохраняющая преемственность, накапливающая зерна истин и способная к новым синтезам.

1. Борисов, С.В. «Донкихоты» постиндустриальной эры: о философии истории и об ответственности философа в современном мире [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. – 2011. № 2.

2. Ершов, Ю.Г. Схема есть схема... (О «новом взгляде» на историю человечества) [Текст] / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. – 2011. № 3.

3. Павлов, А.В. История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. – 2011. № 2.

4. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. – 2010. № 3, № 4. 2011. № 1.

5. Чупров, А.С. О «новом взгляде» на историю (в порядке обсуждения статьи В.Н. Сагатовского) [Текст] / А.С. Чупров // Социум и власть. – 2011. № 3.

6. Шрейбер, В.К. Несколько соображений в связи с попыткой «нового взгляда» на историю [Текст] / В.К. Шрейбер // Социум и власть. – 2011. № 3.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРБУЛЕНТНЫЕ ВРЕМЕНА

«Русский форум» в работе X конференции ESA Европейской социологической ассоциации в г. Женева (Швейцария) 7–10 сентября 2011 г.

УДК 316.4.051

На пленарном заседании 7 сентября 2011 г. выступили ректор Женевского университета, Президент Европейской социологической ассоциации (ESA) Аналья Торес (Португалия), Елена Данилова (ГУВШЭ, Москва), проф. Женевского университета М.О. Релли. Мартин Колли – крупный специалист по проблеме «социологии жизненного пути», раскрыл проблемы личности подросткового возраста.

Всестороннюю картину современного планетарного сообщества в турбулентное время представил профессор Джон Ури. В своем докладе он отметил, что современные мегаполисы приходят к самоисчерпанию. Ни смена правительств, ни смена мэров не останавливают кризис экологии и культуры. Если раньше человек в своей повседневной жизни охватывал движением 500 м, сейчас средний американец на автомобиле – 50 км. При таких темпах потребления топлива для передвижения нас охватит нефтяной кризис в ближайшие восемь лет.

На «Русском форуме», первое заседание вел Н.Е. Покровский (ГУВШЭ), член Исполкома ЕСА. С докладами выступили А.Г. Эфендиев (ГУВШЭ), В.В. Козловский (СПб пед-университет), С.А. Кравченко (МГИМО), С.В. Патрушев (ИС РАН). Второе заседание форума возглавил директор ИС РАН чл.-корр. РАН проф. М.К. Горшков.

В своем докладе проф. А.Г. Эфендиев (ГУВШЭ) изложил дальнейшее теоретическое обоснование проведенного исследования «Социальная организация российского бизнеса. Социально-исторический анализ». Азер Гамидович отметил следующее: его исследования фиксируют *попятные движения* в анализе идущих цивилизационных трансформаций. В результате эмпирических исследований авторы проекта пришли к выводу: *в России происходит реставрация незрелых социальных форм*, чего не наблюдалось 20 лет назад. Кросскультурные исследования в Финляндии и Польше показывают, что идут те же откатные процессы и в этих странах. Конкретно-эмпирическим исследованием, проведенном в России под руководством автора доклада, охвачено 80 предприятий различных уровней (кроме сельскохозяйственных). Всероссийская выборка включала 2,5 тыс. чел. Все выводы и понятия касались не только теории среднего уровня, они имеют общесоциологическую интерпретацию и изложе-

ны в 15 публикациях автора и исполнителей исследования. В обработке и интерпретации данных использован факторный и регрессионный анализ. Докладчик проф. А.Г. Эфендиев выделил три группы факторов.

Первая группа факторов. Кланово-аскриптивный тип. Чем выше статус, тем в большей мере проявляется кланово-аскриптивный тип. В частности, в нефтедобывающих отраслях (для получения рабочего места и продвижения в ход идет использование родственных связей, оперирование огромными суммами денег). Эмпирически это пока не доказуемо, поскольку латентные каналы причастности к деятельности отрасли не изучались.

Применялись качественные методы исследования в изучении сферы коммерции. Как устанавливаются цены (на «нефтянку»)? На наши вопросы о «невидимой руке рынка» нам отвечают: «А при чем тут рынок? У меня, как руководителя, есть связи. Мы собираемся и договариваемся о ценах на продукцию».

В повседневной жизни мы знаем, сколько стоит 1 км дороги, сколько стоит вылечить зуб, но мы не знаем, почему с такой скоростью растут цены на бензин, идущий для потребления в своей стране (!). В сфере топливно-энергетического сектора экономики – никакого рационального рыночного отношения к ценам не выражено. На связях выстраиваются отношения в городах на юге России, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

Вторая группа факторов. Возврат к демократическим формам отношений. Покорность. В ходе исследования выявилось отсутствие демократии на предприятиях, в фирмах. Нет возможности обсуждения положения дел в фирме или на предприятии. С личным мнением специалиста не считаются. Вместо инженеров – менеджеры (10 из 12). Все опрошенные специалисты «отсечены» от понятия «хороший работник». Лишь тот более успешен, кто предельно терпим к руководителю. Менеджеры чаще склоняются в ответах к следующему суждению: «Можно простить близкому складистого работника». Из тех, кто сделал карьеру до сорока лет своей жизни, «продвинутые» оказались самыми терпеливыми к администрации, руководству. Покорность выражалась в нежелании влиять на мнение вышестоящих руководителей. Нетерпимые же «застывают» на среднем уровне карьерной лестницы. Группа исследова-

телей сопоставила движение по карьере в двух периодах: в советское время и после 1991 г. Очевидным фактом явилось то, что в советский период проявились современные тенденции (как в повышении квалификации кадров, так и в продвижении). Плановость способствовала открытию новых предприятий. Если говорить о том, что общество развивается через новые формы, то в настоящем такого развития нет.

Третья группа факторов. Протекционизм и информированность. В задачу исследования входило объяснить соотношение появившихся форм бизнеса и степени продвижения общества по пути прогресса. В реальности обнаружилось появление эффекта попятного движения общества.

Дело в том, что попятные движения происходили и происходят в обществе не в первый раз. Т. Парсонс отмечал, что в феодальном обществе были очевидны движения общества назад даже в сравнении с Древней Грецией и Древним Римом, где общественная жизнь управлялась законами. В организациях современного общества продвигаются «по благу». Грантоветтер, продолжая идеи Парсонса применительно к США, отмечал, что в больших фирмах, больших компаниях действуют формы протекционизма и информационный войны. Напротив, в Китае и Дании, как отмечал Черняк, ведется отбор в управляющую элиту наиболее способных людей. В современной России назначаются за понятные дивиденды различные персоны, это уводит от современных оснований к менее зрелым основаниям общества.

Россия лишь в девятнадцатом веке отошла от крепостного права. В современной российской идеологии стали складываться псевдонаучные суждения об СССР, что, мол, при социализме была лишь видимость развития общества, а теперь, мол, произошло преодоление кажимости, и в настоящем отсталость выплеснулась в реальный современный процесс. Такие суждения об историческом процессе имеют одну цель – примирить со сложившейся ситуацией: Россия, мол, неизбежно шла к исторически незрелым формам отношений. Поэтому выдвигаются мифологемы о том, что народ не готов избирать губернаторов, их следует назначать. Под этот миф сделали выборы в Питере.

Многомерная институциональность проявляется в той мере, в какой политическая система стремится преодолеть отставание. Кому-то выгоден откат назад: устойчивость положения элит, несменяемость кадров; выгодно обеспечить себя дивидендами независимо от наличия или отсутствия конкурентной среды.

Политика – главный креативный механизм исторических форм в том случае, когда субъект управления заинтересован в развитии

общества и шаг за шагом подчиняет стихийность положительным изменениям.

Безусловно, и в развитых обществах возникла фашизм, как незрелая форма социальных отношений. Политика есть не только отражение экономики, но это фактор движения общества в сторону прогрессивных изменений, а в равной мере и откатов.

В выступлении С.А. Кравченко (МГИМО) поставлен вопрос о формировании сетевого человеческого капитала в условиях турбулентного времени. Пока в социологической теории человеческий капитал рассматривается фрагментарно, односторонне, либо как экономический капитал, а именно, человек рассматривается как актер, с какой-то одной стороны: либо как обладающий денежными эквивалентами, либо измеряется его политический вес, либо предлагают человеческий капитал измерять продолжительностью жизни. Эти интерпретации носят линейно-детерминистский характер. Даже если используется идеологическая и политическая компонента, в анализе недостает гуманистического аспекта анализа человеческого капитала.

У этих имеющихся подходов есть некоторые положительные стороны. Однако рассмотрение в конкретных сферах в локальных границах знание не должно носить просто суммированный характер. Линейные формы рассмотрения человеческого капитала не дают всей картины рисков – бифуркаций – турбулентности. Я согласен с А.Г. Эфендиевым в том, что в современном российском обществе очевидны попятные движения. Социум приобретает иную сложность. Если прежде точки бифуркации были редкостью, то сейчас это повседневность. П. Штомпка говорит о становлении иного качества общества после социальной травмы. У. Бек отмечает, что социум космополитизируется, появляются новые типы рациональности. Сам С.А. Кравченко делает вывод: все обращается в играизацию. Поскольку нет доминирующей морали, постольку преобладает множество прагматичных моделей.

Задача социологии – искать новые типы гуманизма. В условиях турбулентности времени необходима концепция сетевого человеческого капитала. К его чертам можно отнести следующие: способность чувствовать себя в безопасности (Гидденс); жить комфортно, что-то для этого следует делать (хотя и здесь есть ловушки риска). Необходимо использовать креативный потенциал, даже исходя из космополитического видения проблем (использовать творчество соотечественников, находящихся хоть в другой стране, хоть у нас в тюрьме). Искать часть креативного класса. Искать новые подходы к методологии, учитывающая нелинейность нынешнего развития.

Человеческий капитал – не физические (люди) и свойства людей. В российской исто-

рии необходим современный поиск гуманистических путей. В современном российском обществе обсуждаются лишь проблемы приватизации и проблема сбора налогов, а вопрос об улучшении человеческих отношений не ставился в течение 20-и лет. Нам необходимо двигаться в сторону создания условий человеческих отношений. Следует учитывать латентные составляющие. Мертон разработал понятие *эффекта – разрушения гуманизма*. Необходим контроль и организация человеческого капитала, выявлять латентные составляющие, выявлять скорость формирования человеческого капитала. Гуманитарная составляющая может быть выявлена из подхода П. Сорокина: что необходимо делать для создания и предотвращения разрушения положительного потенциала. Например, выехавших из России (человеческий капитал) вернуть нельзя, а задействовать соотечественников в интересах России можно. При том, что в стране сложилась неадекватная гуманистическая политика, многим комфортней проживать не у себя в стране. Необходимо задействовать всех людей, даже тех, кто находится в изоляции от общества!

С сообщением о проведенном социологическом исследовании в районе Олимпиады в Сочи выступила Н. Иконникова (ГУВШЭ). Диффузия вещей и представление о социальных дистанциях и неравенствах. Коммунальное гражданство и национальное государство в Европе: с чем себя идентифицируют люди в Каталонии и Фландрии? Они (и в Латинской Америке) имеют информацию о себе через *Publik media*. В России нет локальных медиа. Часть социальной политики освещается сверху, часть формируется в университетах, но снизу таких средств самоидентификации нет.

Исследовательской группой (ГУВШЭ) проведена социологическая фотография в Сочи. Меняется облик улиц, появляются новые социальные практики, ведется перераспределение капиталов. В селе Имеретинка – масса домохозяйств, лодочных сараев. Пляжи в настоящем закрыты, однако люди все равно приезжают сюда отдыхать.

Олимпиада в Сочи – событие, базирующееся на официальной платформе. Сообщения он-лайн в Интернете рассматривают человека сочинской глубинки лишь как потребителя. Однако обычный человек в данной ситуации озабочен проблемой выживания, а не тем, какой бренд кроссовок ему необходим. Его скорее интересует, скоро ли отстроят дорогу, куда деваться с огородом (его сносят), домашний транспорт становится средством заработка, служит в качестве такси, огород является средством пропитания, а дом жителя Имеретинки – гостиница, которой он выживает. Весь устоявшийся уклад жизни подвергается «стиранию» с лица земли.

Каждая улица в Имеретинке – сообщество. Черкесы и мусульмане выступают против

организации Олимпиады и «стирания с лица земли» их домов и огородов. Ресурс Интернета жители используют как средство обращения к вышестоящим международным организациям с целью своего самосохранения. Проводят День борьбы с бедностью. Мусульманская диаспора старается не соотноситься с местными сообществами.

Государственные стройки охраняются. Високоскоростной Интернет дорог в Сочи. Сим-карты продаются в квасных киосках. Есть игровые клубы. Выпускают поддельные майки для Олимпиады. Адлер уже реально зарабатывает на брендах Олимпиады.

На подсекции «Русского форума» с докладом на английском языке о протестных движениях молодежи выступила И. Олимпиева (СПб. Центр независимых социологических исследований). В докладе выделена разнонаправленность молодежных выступлений от националистических под лозунгом «Своих всё меньше, иммигрантов – всё больше» до политических «Российские альтернативные профсоюзы сотрудничают с протестными движениями». Отмечалось, что американские профсоюзы лоббируют свои интересы. У них есть механизмы воздействия и на общество, и на власть. В России таких механизмов нет.

В дискуссию по докладу вступает проф. В.А. Мансуров. Поднятая в докладе проблема юнионизма чрезвычайно актуальна. В США богатые профсоюзы, но они не стали осуществлять основную задачу. Сначала они говорили о социальных потребностях, затем «забывали» об основном назначении профсоюзов.

Юнионизм выполняет свои профессиональные задачи – создание ассоциации. У нас декларируется создание профессиональной системы, уточнение её логики, речь идет о защите интересов специалистов. Теперь пришли к выводу о том, что средний класс в России – тот элемент, которого нет в реальности. Эти профессиональные слои не объединены даже профсоюзом. У врачей есть три ассоциации, они объединены по специальностям и выпускают свои журналы. Есть путь объединения сверху – в интересах правящей элиты. Есть пути объединения, идущие снизу, они создаются по необходимости и представляют опасность для власти. Специалисты объединяются. Сейчас власть создала Союз социологов России. Схема этого Союза: получить помощь и выгоды от государства. Но в чьих интересах будет действовать этот Союз? Будут «освящать» все решения власти. Процесс «юнионизма» заключается в том, что люди, включенные в протестные движения, уходят от профессиональной деятельности и становятся политиками.

(Продолжение следует)

С.П. ПАРАМОНОВА

СОЦИУМ

SOCIUM

Чекмарёв М.В., Чупров А.С. Векордизм, или Мироощущение как способ защиты. В статье рассматриваются особенности мироощущения как способа защиты человека в информационном, экологических и социальных условиях современного мира. Показан компенсаторный механизм мироощущения современного человека, обозначенный как «векордизм». Дана характеристика векордических элементов в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые понятия: мироощущение, современность, компенсаторный механизм, векордизм.

Павлов А.В. Либерализм и открытое общество. Целью этой статьи является краткий анализ либерализма как ценности современной культуры и поиск действительного смысла его российской публичной критики.

Ключевые понятия: либерализм, свобода, открытое и закрытое общество, глобализация.

Зырянов С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. В статье анализируется социальная структура одного из южноуральских регионов – Челябинской области. На основе данных статистики и социологических исследований раскрываются процессы материального расслоения населения Челябинской области в 2000-е годы, а также с применением таких критериев, как власть и образование, дается характеристика социальной стратификации населения Челябинской области.

Ключевые понятия: социальная структура, материальное расслоение, социальная стратификация.

Абрамкина С.Р., Богданова Д.В., Терешчук Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия. В статье рассматриваются некоторые особенности социального самочувствия населения Челябинской области, выявленные в ходе социологического исследования. Рассчитан индекс социального самочувствия южноуральцев.

Ключевые понятия: социальное самочувствие, трудовая мотивация, демографические показатели, социальные опасности.

Дьякова Е.Г. Готовы ли к «электронному правительству» «электронные граждане»? Рассмотрен процесс перехода к «электронному правительству» в Российской Федерации и причины низкой позиции РФ в международных рейтингах. Проведен анализ социально-демографической структуры сторонников «электронного правительства» (по результатам комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе). Доказывается необходимость вовлечения граждан в пользование электронными услугами.

Ключевые понятия: «электронное правительство», «электронные граждане», общественный запрос.

Попов В.Г., Идрисова С.Ф. Элитные группы как предмет эмпирического социологического анализа: региональный аспект. На основе комплексного эмпирического исследования охарактеризованы особенности восприятия населением и экспертами на региональном уровне влияния элитных групп на развитие общества. Раскрыто отношение населения к приоритетным характеристикам элит. Полученные данные указывают на несформированность региональных элит и эрозию в массовом сознании критериев элит.

Ключевые понятия: элита, региональная элита, элитогенез, элитарность, социально-политическая структура общества.

Чирун С.Н. Причины и формы политического экстремизма в молодёжной политике транзитивного общества (региональный аспект). В статье рассматриваются актуальные научные проблемы, связанные с феноменом молодёжного экстремизма, проводится анализ, раскрываются основные характеристики, структурно-функциональные элементы данного явления. В статье рассматривается связь молодёжного экстремизма с такими явлениями, как радикализм, нетерпимость, терроризм, сепаратизм. Рассматривается процесс генезиса экстремистских молодёжных сообществ. Предлагается вывод о связи молодёжного экстремизма с особенностями политического транзита.

Ключевые понятия: экстремизм, молодёжь, радикализм, молодёжная политика, безопасность, постмодерн, транзитивное общество.

Панькин С.И. Противоречия в профессиональных ориентациях учащихся техникумов: причины и следствия. На материалах социологических исследований раскрываются основные противоречия, характеризующие профессиональные ориентации учащихся разных специальностей, обучающихся в техникумах. Выявляются причины и следствия отсутствия целенаправленной

Chekmaryov M.V., Chuprov A.S. Vecordism, or Perception as a method of defence. The article deals with features of attitude as a defensive method of a person from the modern world's informational, ecological and social conditions. The article looks at the compensatory mechanism of attitude and names it «vecordism». Vecordic elements in different spheres of human activity are characterized.

Key concepts: attitude, contemporaneity, compensatory mechanism, vecordism.

Pavlov A.V. Liberalism and the open society. The article is targeted at the short analysis of liberalism as a value of modern culture and looking for the true sense of its public Russian critique.

Key concepts: liberalism, liberty, open and closed society, globalization.

Zyryanov S.G. Social stratification and social mobility of the population of Chelyabinsk region. The article analyses the Chelyabinsk region social structure. The statistical and survey data-based analysis is done on material stratification of the society in Chelyabinsk region of the 2000s. The social stratification of the same region is analyzed with such indicators as governance and education.

Key concepts: social structure, material stratification, social stratification.

Abramkina S.R., Bogdanova D.V., Tereshchuk E.A. Chelyabinsk region: features of social health. The article looks at some features of social health of the population of Chelyabinsk region discovered during the sociological research. It calculates the index of social health of people living in the South Urals.

Key concepts: social health, work motivation, demographic indicators, social dangers.

Dyakova E.G. Are E-Citizens Ready for E-Government? The author analyzes process of e-government transition in Russia paying particular attention to the reasons behind low positioning of RF in UN ratings. The article describes the social structure of the early followers of e-government (based on the results of sociological study in the Urals federal district) and proves the necessity of complex efforts of the state, business and NGO to involve citizens in the use of e-government.

Key concepts: e-government, e-citizens, civil society demand.

Popov V.G., Idrisova S.F. The formation of regional elites in the estimates of the population and experts: the experience of empirical sociological analysis. On the basis of a comprehensive empirical study of the features of perception of influence of elite groups on the development of society by the population and experts at the regional level is characterized. The attitude of the population to the characteristics of the elites is outlined. The data obtained indicates the lack of regional elites and erosion in the mass consciousness of the criteria of the elites.

Key concepts: elite, the regional elite, elitogenesis, elitism, socio-political structure of society.

Chirun S.N. The reasons and forms of political extremism in the youth policy of the transitive society (regional aspect). The article reveals the actual scientific problems connected with a phenomenon of youth extremism, analyses and outlines the basic characteristics and structurally functional elements of this phenomenon. The article looks at the connection of youth extremism with such phenomena as radicalism, intolerance, terrorism, separatism. Process of genesis of extremist youth communities is considered. The conclusion about connection of youth extremism with features of political transit is offered.

Key concepts: extremism, youth, radicalism, the youth policy, safety, postmodernism, transitive society.

Pankin S.I. The contradictions in professional attitudes of the students of secondary vocational institutions: reasons and results. The article analyzes the main contradictions that characterize professional attitudes of the students of various specialties of colleges. The causes and results of lack of focus for

работы по формированию профессиональных ориентаций учащихся старших классов общеобразовательных школ. Ключевые понятия: профессиональные ориентации, учащиеся средних специальных учреждений, противоречия.

Обухова Ю.О. Мошенничество с помощью мобильного телефона в контексте теории фреймов. В статье выделены и описаны некоторые типы и виды мошенничества с помощью сотового телефона, вскрыт механизм подобных фабрикации с точки зрения концепции фреймов И. Гофмана. Ключевые понятия: коммуникация, мошенничество, фабрикация, фрейм, мобильный телефон.

ВЛАСТЬ

Шуклин А.В. Российская цивилизация в условиях глобализации: проблемы и перспективы. Предметом данной статьи является российская цивилизация как целое, задачей – определение ее цивилизационного состояния в условиях нынешней глобализации. В качестве методологии выбран системный подход.

Ключевые понятия: глобализация, межкультурный диалог, цивилизация, субцивилизация.

Мартыанов В.С. Риторика идентичности в условиях Модерна: кому выгодно? В статье анализируются противоречия иерархических и плюралистических стратегий управления идентичностью в политическом проекте Модерна. Аргументируется необходимость корректировки концепции мультикультурализма, архаизирующей более универсальные ценности Модерна, в пользу иерархических принципов политической идентификации.

Ключевые понятия: идентичность, Модерн, плюрализм, мультикультурализм, иерархия.

Жуковский А.Г. Специфика позитивистской парадигмы политологического исследования. Статья посвящена теоретическому анализу аналитико-эмпирической парадигмы политологического исследования, которая формировалась в рамках дискурса о том, что является предметом исследования политической науки и какими методами его следует изучать. На современном этапе развития политологии ее методологический арсенал включает разнообразные направления, но значимость данной парадигмы никогда не теряет своего значения.

Ключевые понятия: методология, методологический плюрализм, политология, современное общество, аналитико-эмпирическая парадигма, бихевиоризм, государство, власть.

Альбеков К.А. Институциональная структура государственной власти и управления в России: итоги административной реформы и перспективы развития. В статье характеризуются основные цели административной реформы, показываются достигнутые результаты и перспективы развития. Демократической основой Российской Федерации должна являться постоянная прочная связь между государственным аппаратом и людьми, на благо которых он призван работать.

Ключевые понятия: государственная власть, государственное управление, российское общество, административные реформы, эффективность государственной власти.

Кондраль Д.П., Грибанов В.В., Морозов Н.А. Достижение сбалансированности гомеостатической системы управления процессом социально-политической модернизации (региональный аспект). В статье показаны механизмы управления модернизационными процессами; делается вывод о возможности создания системы управления, основанной на сети региональных центров стратегических исследований.

Ключевые понятия: модернизация, управление, гомеостатическая система управления, сбалансированность, динамическая система.

Конonenko А.В. Дисфункциональные проявления в политике российского государства в спортивной сфере. В статье характеризуются дисфункциональные проявления в области российской спортивной политики. Роль федерального государства и его субъектов предполагает координацию усилий всех субъектов спортивной политики, в том числе и институтов гражданского общества.

Ключевые понятия: спортивная политика, социальные дисфункции, ценностные ориентации.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Карасёв А.Т. Представительная власть в Российской Федерации: вопросы теории. Анализируется юридическая природа представительной власти, раскрываются ее основные свойства, позволяющие определить место в системе публичной власти.

the formation of professional orientations of students in upper secondary schools are identified.

Key concepts: professional attitudes, students of various specialties of colleges, contradictions of the professional attitudes.

Obukhova Yu.O. Mobile phone fraud in the context of the theory of frames. In the article we identify and describe some of the types and kinds fraud using the mobile phone, and also reveal the mechanism of such fabrications in terms of the concept of frames.

Key concepts: communication, fraud, fabrication, frame, mobile phone.

POWER

Shuklin A.V. Russian civilization in the context of globalization. The subject of this article is the Russian civilization on the whole, the objective is to determine its state of civilization in the globalizing world. A systematic approach is chosen as the method.

Key concepts: globalization, intercultural dialogue, civilization, subcivilization.

Martyanov V.S. Modernity and the Identity Rithorics: who gains? The article analyses the tensions between hierarchical and pluralistic strategies in identity management within the political project of Modernity. The author states the necessity of adjusting the multiculturalism paradigm according to the supremacy of hierarchical principles of political identification since it contributes to making the universal values of Modernity more archaic.

Key concepts: identity, Modernity, pluralism, multiculturalism, hierarchy.

Zhukovsky A.G. Specific character of the positivistic paradigm of political research. The article is devoted to the theoretical analysis of analytic-empirical paradigm of political research which was formed in the framework of the discourse on what the subject of research is in political science and what methods should be used to study it. At the present moment of the political science development its methodological arsenal includes different directions, but the significance of this paradigm will never lose its meaning.

Key concepts: methodology, methodological pluralism, political science, modern society, analytical-empirical paradigm, behaviorism, state, power.

Albekov K.A. Institutional structure of state power and management in Russia: summing up the administrative reform and perspectives of development. In the article the main goals of administrative reform are characterized, the achieved results and development perspectives are shown. The democratic basis of the Russian Federation must be the permanent strong cohesion between the state apparatus and people for the benefit of whom it is called to be working.

Key concepts: state power, state management, the Russian society, administrative reforms, state power efficiency.

Kondral D.P., Gribanov V.V., Morozov N.A. Acheving the balance of the homeostatic system of social and political modernization management (regional aspect).

The article outlines the mechanisms of modernization management; it draws conclusions about the possibility of creating the system of management based on the network of regional centres of strategic research.

Key concepts: modernization, management, homeostatic system of administration, balance, dynamic system.

Kononenko A.V. Disfunctional manifestations in the state policy in the sport sphere. In the article disfunctional manifestations in the sphere of the Russian sport policy are characterized. The role of federal state and its subjects implies the coordination of efforts of all the subjects of sport policy, including institutes of the civil society.

Key concepts: sport policy, social disfunctions, value orientations.

STATE AND LAW

Karasev A.T. Representative power in the Russian Federation: theoretical issues. The juridical nature of the representative power is analysed. Its main features helping to determine its place in the public power system are described.

Ключевые понятия: представительная власть, выборность, коллегиальность, представительство.

Попова О.О. Особенности правового регулирования агитационной деятельности политических партий в Российской Федерации. В статье обосновывается необходимость законодательного регулирования деятельности политических партий по агитированию в период между выборами, которая в настоящий момент не достаточно полно урегулирована в российском праве.

Ключевые понятия: выборы, политические партии, агитация.

Сергеев К.А. Особенности методики расследования криминального рейдерства в зависимости от формы преступного посягательства. В статье обозначены факторы, наличие которых предопределяет форму преступной деятельности в корпоративной сфере правоотношений. Установлена зависимость от них следственных ситуаций, возникающих при производстве по уголовному делу. Предложен алгоритм расследования для одной из ситуаций.

Ключевые понятия: преступная деятельность, корпоративная сфера правоотношений, следственная ситуация, алгоритм расследования.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Павров А.В. Менеджмент качества как парадигма реформирования государственного управления. Статья посвящена анализу возможностей и перспектив применения принципов менеджмента качества в государственном управлении. Автор статьи делает вывод о том, что концепция менеджмента качества может стать новой парадигмой современных административных реформ.

Ключевые понятия: менеджмент качества, государственное управление, административные реформы, эффективность.

КУЛЬТУРА

Александров Л.Г. О принципах социальной эстетики в философской психологии Дж. М. Болдуина (к 150-летию со дня рождения мыслителя). Статья посвящена эстетическим и этическим компонентам в концепции социализации личности одного из основателей американской социальной психологии Дж. М. Болдуина. В его структуре социальной философии значимыми признаются те стадийные особенности формирования личности в детском возрасте, следуя которым, человек как дуальное (биосоциальное) существо преобразует свои природно-генетические задатки в моральные принципы и общественные функции.

Ключевые понятия: Дж. М. Болдуин, детство и юность, практическая психология, общество, этика, эстетика.

Овруцкий А.В. Феноменология политической коммодификации: социально-философский анализ. Политическая коммодификация рассмотрена как процесс экстраполяции потребительского механизма на политическую сферу. Феноменология политической коммодификации включает в себя процессы политизации потребления, коньюмеризации политики, а также практики эстетизации политической активности. Рассмотрены примеры политической коммодификации.

Ключевые понятия: политическая коммодификация, политизация потребления, коньюмеризация политики, эстетизация политической активности.

Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: концепт и онтологический статус. В статье раскрывается содержание понятия «социально-массовые явления», значимость последнего для социально-философского знания и обосновывается онтологический статус социально-массовых явлений (СМЯ).

Ключевые понятия: онтология, социально-массовые явления, массовизация.

ИСТОРИЯ

Вивдыч М.А. Иностранные проекты железнодорожной экспансии российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. В статье рассматриваются проекты железнодорожного строительства на Дальнем Востоке иностранных предпринимателей, появившиеся во второй половине XIX – начале XX вв. Анализируются попытки колониальной экспансии Дальнего Востока странами Запада посредством внедрения иностранного капитала в российскую железнодорожную отрасль и её инфраструктуру.

Key concepts: representative power, electiveness, collective nature, representation.

Popova O.O. Features of legal regulation of political parties' campaigning activities in the Russian Federation. The article explains the need to regulate the campaigning activities of political parties between the elections, which is not completely stated in the Russian law.

Key concepts: elections, political parties, campaigning.

Sergeev K.A. Features of investigating the corporate raids depending on the form of criminal activity. The article outlines the factors that predetermine the form of criminal activity in corporate crime. The article also specifies the dependency between these forms and the investigative situations during the case procedures. It also offers the pattern of investigation for a sample situation.

Key concepts: criminal activity, corporate crime, investigative situation, investigation pattern.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Pavrov A.V. Quality management as a paradigm of public administration reforms. The article represents the analysis of the possibility and perspective of using quality management principles in public administration. The author of the article comes to the conclusion that the quality management conception can become a new paradigm of contemporary administrative reforms.

Key concepts: quality management, public administration, administrative reforms, effectiveness.

CULTURE

Alexanderov L.G. On principles of social aesthetics in the philosophical psychology of J.M. Baldwin (to the 150th anniversary of thinker's birthday). The article is devoted to the aesthetics and ethics aspects in the socialization conception of J. M. Baldwin, one of the founders of American social psychology. In his social-philosophy structure the child as a dualistic (bio-social) creature was the central figure of philosophical study. The thinker searched the mechanisms of gradual development of person, which transformed the genetic nature of people to the moral principles and social functions.

Key concepts: J. M. Baldwin, childhood, practice psychology, society, ethics, aesthetics.

Ovrutsky A.V. Phenomenology of political commodification: the social-philosophy analysis. Political commodification is considered as the process of extrapolation of the consumer mechanism onto the political sphere. The phenomenology of political commodification includes the processes of politicization of consumption, consumerisation of politicians and also practice of aestheticisation of political activity. Examples of political commodification are considered.

Key concepts: political commodification, politicization of consumption, consumerisation of politicians, aestheticisation of political activity.

Chernov G.Yu. Social and mass phenomena: concept and ontological status. In the article the concept «social and mass phenomena», the importance of the latter for social and philosophical knowledge and the ontological status of the social and mass phenomena are described.

Key concepts: ontology, social and mass phenomena, massovisation.

HISTORY

Vivdych M.A. Foreign railway expansion projects in the Russian Far East in the second half of XIX – early XX centuries. The article deals with railway construction projects of foreign businessmen in the Far East that appeared in the second half of XIX – early XX centuries. It analyzes the attempts of the colonial expansion of the Far East by Western countries through the introduction of foreign capital into the Russian railway industry and its infrastructure.

туру. Осуществлен сравнительный анализ иностранных проектов железнодорожного строительства с планами и мероприятиями российского правительства по сооружению Транссиба и Амурской железной дороги.

Ключевые понятия: Транссиб, Амурская железная дорога, железная дорога, проект, концессия, синдикат, акционерная компания.

Гореликов А.И. Политическая трансформация этнических обществ Амуро-Сахалинского региона в постсоветском пространстве. В статье предпринята попытка рассмотреть трансформацию этнических обществ Амуро-Сахалинского региона под воздействием мощного внутреннего вызова реформируемой Россией конца XX в.

Ключевые понятия: политика, трансформация, этнические общества, регион, рыночные отношения.

Дубяго Л.С. Особенности политической культуры провинциального обывателя, проявившиеся в ходе Февральской революции 1917 года. Статья посвящена особенностям формирования политической культуры обществности Вятской губернии весной 1917 г. Основными источниками послужили губернская провинциальная газета «Вятская речь» и еженедельные отчеты сарапульского военного цензора о просмотре военной корреспонденции. Рассматриваются основные политические символы, получившие свое развитие в изучаемый период: образы свободы, новой власти, старого режима, героев революции, раскрывается противоречивый характер содержания политического сознания масс.

Ключевые понятия: Февральская революция 1917 года, политическая культура, политические символы, провинциальная газета «Вятская речь», отчеты сарапульского военного цензора как вид нарративного документа.

Буданов А.В. Система управления оборонными предприятиями Южно-Уральского совнархоза. В статье анализируется система управления оборонными предприятиями Южно-Уральского совнархоза. Изучаются основные направления развития этой системы.

Ключевые понятия: система государственного управления, оборонно-промышленный комплекс, реформа управления.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Сагатовский В.Н. Если не конформист, то Дон-Кихот? В статье дается ответ участникам обсуждения статьи «Новый взгляд на историю». Взаимонепонимание с рядом авторов объясняется принципиальной разницей теоретико-методологического подхода: с позиций признания мировоззренческих идеалов и системного взаимодействия, с одной стороны, и либерально-постмодернистского подхода – с другой. Ведется обсуждение ряда проблем, затронутых в конструктивной критике обсуждаемой статьи.

Ключевые понятия: идеал, донкихотство, либерально-постмодернистский подход, конструктивная критика.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социальные отношения в турбулентные времена. Многомерность социальной реальности в бурное время в Европе и России представлена в основных докладах ведущих ученых социологов. Кризис на Западе вызывают процессы антропогенного воздействия на природу, социальные бифуркации свидетельствуют о том, что неолиберализм не справляется с ситуацией. Направленность докладов на «Русском форуме» выявила глубокую озабоченность социально-политической ситуацией в России. Идеи представлены на базе эмпирических данных и общетеоретических поисков путей выработки креативного класса в странах Восточной Европы и России.

Ключевые слова: карбонный капитализм, отчуждение народа от власти, кланово-аскриптивный тип отношений, попятные демократические формы отношений, протекционизм, проблема сетевого человеческого капитала в условиях турбулентного времени, разрушение гуманизма, два типа гражданской активности: процесс воспроизводства организаций и гражданской действия, юнионизм.

The article carries out a comparative analysis of foreign projects of railway construction with the plans and activities of the Russian government for the construction of Trans-Siberian and Amur railroad. Key concepts: railway, project, concession, syndicate, joint stock company, Trans-Siberian, Amur Railway.

Gorelikov A.I. The political transformation of ethnic societies of the Amur-Sakhalin region in the Post soviet space. The article is devoted to the transformation of ethnic societies of the Amur-Sakhalin region under the influence of a powerful internal call of the reformed Russia in the end of XX century.

Key concepts: politics, transformation, ethnic society, region, market relations.

Dubyago L.S. The features of political outlook of a provincial man after the February revolution of the 1917. The article is dedicated to the features of the forming of political culture in the society of the Vyatka province during spring 1917. The main source used was the local provincial newspaper "Vyatskaya rech" (Vyatka speech) and the weekly reports of the Sarapul military censor concerning reviews of military correspondence. The article discusses the main political symbols that were developing during the period, such as the image of freedom, new government, old regime, heroes of the revolution as well as the contradictory political outlook of the population

Key concepts: February revolution 1917, political culture, political symbols, provincial newspaper "Vyatskaya rech", reports of the Sarapul military censor as a type of a narrative documents.

Budanov A.V. System of administration at the organizations of South Ural Sovnarkhoz (Council of National Economy). The article analyzes the system of management at the military production facilities of the South Ural Sovnarkhoz, looks at the primary development of the system.

Key concepts: system of state administration, military industrial complex, administration reform.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Sagatovsky V.N. If not a conformist, then a Quixote?

The article is a reply to the participants of discussion about the article "The new view on a history". The principal difference in theoretical and outlook approach explains mutual digress with some authors. This difference consists in recognition of outlook ideals and system interaction on the one hand and liberal-postmodern approach on contrary. The author examines some problems mentioned in the positive criticism of the article.

Key concepts: Ideal, quixotism, liberal-postmodern approach, positive criticism.

SCIENTIFIC LIFE

Social relations in turbulent times. The multiple dimensions of social reality in the turbulent times in Europe in Russia is represented in the major reports of the leading sociologists. The crisis in the West is caused by the processes of anthropogenic influence on nature; the social bifurcation evidences that the neo-liberalism cannot handle the situation at hand. The reports at the "Russian Forum" showed profound concern with the social and political situation in Russia. The ideas are given based on the empirical data and the general theoretical search of ways to develop the creative class in the countries of the Eastern Europe and Russia.

Key concepts: carbon capitalism, alienation of the people from the government, clan-ascriptive type of relations, backward pre-democratic types of relations, protectionism, problem of human network capital in turbulent times, the destruction of humanism, two types of civil activity: the process of reproduction of organizations and the civil actions, unionism.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2011 ГОДУ

СОЦИУМ

- Абрамкина С.Р., Богданова Д.В., Терещук Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия. № 4.
Александров А.А., Карымова Л.С. Роль средств массовой информации в формировании этнонациональных отношений на региональном уровне. № 2.
Антонова Н.Л. Социальная эксклюзия в системе обязательного медицинского страхования. № 3.
Бенин В.Л. Образование как фактор национальной безопасности. № 1.
Ваторопин А.С. Русский фашизм в современной России: социологический анализ. № 1.
Вишневский Ю.В., Певная М.В. Оценка реформирования российского образования с позиции потребителей образовательных услуг. № 1.
Волосникова Е.А. «Северный город»: новая трактовка понятия. № 2.
Горелова Г.Г., Степанов В.А. Личностные проявления профессионального кризиса у работников госбюджетной сферы. № 2.
Дуран Т.В., Костин В.А. Институциональное управление в системе видов государственного управления. № 2.
Дьякова Е.Г. Готовы ли к «электронному правительству» «электронные граждане»? № 4.
Зерчанинова Т.Е., Позднякова Е.В. Социальное программирование как функция управления в сфере государственной молодежной политики. № 3.
Зырянов С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. № 4.
Зырянова Н.С. Актуальные вопросы осмысления роли и места коммуникации в постмодерне. № 1.
Зырянова Н.С. Дискурс потребительских стремлений современного общества и его отражение в рекламном тексте. № 3.
Истамгалин Р.С. Роль центра, периферии и традиций в исторической эволюции социального идеала российского аграрного общества (IX–XVII вв.). № 3.
Костина Н.Б., Озорнина Ю.П. Эффективность государственного управления глазами населения города Екатеринбурга: опыт эмпирического исследования. № 3.
Начкебия М.С. Теоретические аспекты исследования управленческой культуры в системе муниципальной службы. № 2.
Обухова Ю.О. Мошенничество с использованием мобильного телефона в контексте теории фреймов. № 4.
Орлова В.В. Социализация молодежи: потенциал регионального социума. № 1.
Павлов А.В. Либерализм и открытое общество. № 4.
Панькин С.И. Противоречия в профессиональных ориентациях учащихся техникумов: причины и следствия. № 4.
Полковникова Т.Н. Социально-психологические особенности развития управленческих способностей руководителя. № 3.
Попов В.Г., Идрисова С.Ф. Элитные группы как предмет эмпирического социологического анализа: региональный аспект. № 4.
Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования). № 1.
Севастьянов А.М. Дискурс преодоления социальной несправедливости: опыт Совета Европы. № 3.
Смирнова А.С. Становление института приёмной семьи в России (на материалах Челябинской области). № 1.
Чирун С.Н. Причины и формы политического экстремизма в молодёжной среде транзитивного общества (региональный аспект). № 4.
Чекмарёв М.В., Чупров А.С. Векордизм, или Мироощущение как способ защиты. № 4.

ВЛАСТЬ

- Альбеков К.А. Институциональная структура государственной власти и управления в России: итоги административной реформы и перспективы развития. № 4.
Белоусов А.Б. Пропаганда и демократия в России: проблемы, противоречия и вызовы современности. № 2.
Бурцева Р.В. Развитие концепта гражданской нации и либерального национализма в современной российской политологии. № 1.
Буряков Д.В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая на примере Дальнего Востока. № 2.
Васильева С.А. Пантюризм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность. № 3.
Витковская Т.Б. Методологические проблемы анализа российских локальных элит. № 1.
Джантеева Д.С. Этнокультурное измерение этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе. № 1.
Жуковский А.Г. Специфика позитивистской парадигмы политологического исследования. № 4.
Зайцева А.А. Отражение социальной политики в СМИ как критерий эффективности работы журналистики. № 2.
Ишимев Е.В. Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы. № 2.
Квятковский К.О., Русакова О.Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы. № 3.
Кондраль Д.П., Грибанов В.В., Морозов Н.А. Достижение сбалансированности гомеостатической системы управления процессом социально-политической модернизации (региональный аспект). № 4.
Кононенко А.В. Дисфункциональные проявления в политике государства в спортивной сфере. № 4.
Криворотова Г.А. Кризис представительной демократии в системе политического управления в современном обществе: теоретические проблемы исследования. № 2.
Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как основа современного управления. № 1.
Кучкин В.К. Политический механизм реализации концепции правового государства в современной России. № 3.
Логовинский С.С. Максим Исповедник о христианском отношении к власти. № 3.
Мартынов В.С. Риторика идентичности в условиях Модерна: кому выгодно? № 4.
Петрова О.П. Политические акторы региональной экологической политики и сетилизация третьего сектора. № 2.
Подорова-Анкина О.Н. Современные политические коммуникации: главная цель – электоральный успех. № 1.
Попов В.Г., Астахов А.З. Проблема политического представительства в системе властных отношений. № 3.
Попова Е.А. Постсоветский политико-психологический синдром в сфере управления долгосрочным развитием субъектов Федерации. № 1.
Пустошинская О.С. Протестная политическая субъектность студентов Салехарда и Екатеринбурга: моделирование ситуации. № 3.
Пушкарев Е.А. Политико-правовые основания эффективного управления. № 1.
Романова К.С. Дискурс власти и денег. № 3.
Романьчев И.Г. Функционирование ветвей власти в контексте детерминант возможного перехода региона в нестабильное социально-политическое состояние. № 2.
Рудой В.В., Понеделков А.В., Лысенко В.Д. Практика применения методов социологического анализа в политических исследованиях на Юге России. № 2.
Скиперских А.В. Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане. № 1.

Хубулури Е.И. Особенности государственной политики и управления социальной защитой населения: теоретико-методологический аспект. № 2.
Хубулури Е.И. Современные тенденции в системе управления социальной политикой в западных странах и России. № 3.
Чернов Г.Ю. Управление толпой: основные принципы и технологические приемы. № 1.
Чувашов Л.А. Понятие государственной власти: социально-философский анализ. № 3.
Шуклин А.В. Российская цивилизация в условиях глобализации. № 4.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Андреева Ю.А. Проблема государственности в контексте цивилизационного развития человеческого общества. № 1.
Биошкина Н.И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XIX в. № 3.
Блажевич Н.В., Сергеев К.А. Методологические основы раскрытия и расследования преступной деятельности в корпоративной сфере правоотношений. № 3.
Воропанов В.А. Развитие имперской судебной системы в Западном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. № 1.
Голованов А.И. Правовые аспекты реализации концепции суверенной демократии в России. № 2.
Жаксальков Е.К. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию. № 3.
Карасев А.Т. Представительная власть в Российской Федерации: вопросы теории. № 4.
Миленина Н.С. Конституционно-правовые механизмы бюджетного контроля в Российской Федерации. № 1.
Пискунов С.А. Добровольное переселение соотечественников на российский Дальний Восток: прорыв или провал? № 2.
Попова О.О. Особенности правового регулирования агитационной деятельности политических партий в Российской Федерации. № 4.
Сергеев К.А. Особенности методик расследования в зависимости от формы преступного посягательства. № 4.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Андрас И.А. Экономическое поведение жителей Беларуси в условиях мирового финансово-экономического кризиса: факторный анализ адаптационных стратегий. № 1.
Артемова А.Н., Зубкова О.В. Влияние оценки оперативного управления предприятием на процесс корректировки стратегии. № 1.
Коротина Н.Ю., Катаев С.И. Эволюционная динамика развития агропромышленного комплекса Пермского края. № 2.
Лавров И.В., Лаврова М.И. Уровень жизни населения Уральского федерального округа в условиях экономического кризиса. № 2.
Павроз А.В. Менеджмент качества как парадигма реформирования государственного управления. № 4.
Полуяхтов С.А., Белкин В.А. Развитие теории циклических колебаний процентной ставки на основе его связи с циклами солнечной активности. № 3.
Черкасова Т.П., Мамонтова Ю.П. Технологический путь развития мировой экономики и возможности инновационного роста России. № 3.

КУЛЬТУРА

Александров Л.Г. О принципах социальной эстетики в философской психологии Дж. М. Болдуина (к 150-летию со дня рождения мыслителя). № 4.
Бельчик Д.Ю. Концепт «Гражданское общество» в западной философской мысли: от Платона до Г.В.Ф. Гегеля. № 1.
Дядык Н.Г. Язык и идеология: афоризм как идеологема. № 1.
Киммель Н.В. Факторы формирования новой культурной идентичности представителей русскоязычной диаспоры в условиях культуры Турции. № 2.
Лукин А.Н. Онтология ценностей. № 3.
Овруцкий А.В. Феноменология политической коммодификации: социально-философский анализ. № 4.
Савин В.Н. Правовая культура студентов в современных условиях: социологический анализ. № 2.
Чернов Г.Ю. К вопросу о подходах к экспликации понятия «демаксификация». № 2.
Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: концепт и онтологический статус. № 4.

ИСТОРИЯ

Буданов А.В. Мобилизационная подготовка государственной власти СССР и США к применению противником ядерного оружия накануне Карибского кризиса. № 1.
Буданов А.В. Система управления оборонными предприятиями Южно-Уральского совнархоза. № 4.
Вивдыч М.А. Иностранные проекты железнодорожной экспансии российского Дальнего Востока во второй половине XIX начале XX вв. № 4.
Гореликов А.И. Политическая трансформация этнических обществ Амура-Сахалинского региона в постсоветском пространстве. № 4.
Дубяго Л.С. Особенности политической культуры провинциального обывателя, проявившиеся в ходе Февральской революции 1917 года. № 4.
Жарков О.Ю. Исторические предпосылки создания первого в СССР комбината промышленного производства плутония. № 3.
Сибиряков И.В. Проблемы политического терроризма в России в начале XX века в отечественной дореволюционной и советской историографии. № 1.
Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Развитие системы пенсионного обеспечения на Южном Урале в 1990-е годы. № 2.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Борисов С.В. «Донкихоты» постиндустриальной эры: о философии истории и об ответственности философа в современном мире. № 2.
Ершов Ю.Г. Схема есть схема... (о «новом взгляде» на историю человечества). № 3.
Павлов А.В. История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского. № 2.
Сагатовский В.Н. Если не конформист, то Дон-Кихот? № 4.
Чупров А.С. О новом взгляде на историю (в порядке обсуждения статьи В.Н. Сагатовского). № 3.
Шрейбер В.К. Несколько соображений в связи с попыткой нового взгляда на историю. № 3.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Павлов А.В. Перед взрывом. О книге А.Н. Бурмейстера «Духовность и просвещение. У истоков русского самопознания». № 2.

ПЕРСОНА

Административная реформа: истоки, контекст, перспективы. Точка зрения директора Департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок В.Н. Южакова. № 2.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Социальные отношения в турбулентные времена № 4.

АВТОРЫ НОМЕРА

Абрамкина Светлана Рафаиловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: abramkin@list.ru

Александров Леонид Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. E-mail: leonalex42@mail.ru

Альбеков Казбек Адамович, соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dispolit@skags.ru

Богданова Дарья Валерьевна, младший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: bdv@urags-chel.ru

Буданов Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: andreymbudanov@yandex.ru

Вивдыч Мария Александровна, старший преподаватель кафедры философии, политологии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: rektorat@bgpu.ru

Гореликов Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru

Грибанов Валерий Владимирович, заведующий кафедрой управления социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления, доктор политических наук, профессор, г. Сыктывкар. E-mail: valgribanov@yandex.ru

Дубяго Любовь Сергеевна, старший преподаватель кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Глазовского инженерно-экономического института (филиала) Ижевского государственного технического университета, аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: Ludub@yandex.ru

Дьякова Елена Григорьевна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: gf-urfo@bk.ru

Жуковский Александр Георгиевич, докторант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dispolit@skags.ru

Зырянов Сергей Григорьевич, заведующий кафедрой политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор. E-mail: director@urags-chel.ru

Идрисова Светлана Феликсовна, заведующая кафедрой криминологии Ижевского филиала Нижегородской академии МВД, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: profin@usue.ru

Карасёв Анатолий Тиханович, доктор юридических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург. E-mail: merger@k66.ru

Кондраль Дмитрий Петрович, аспирант кафедры управления социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления, г. Сыктывкар. E-mail: lbvf17@rambler.ru

Кононенко Алексей Валентинович, аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dispolit@skags.ru

Мартянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: martianov@rambler.ru

Морозов Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления, г. Сыктывкар. E-mail: moroz_03@rambler.ru

Обухова Юлия Олеговна, аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: julie_ob@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович, кандидат психологических наук, докторант кафедры теоретической социологии Южного федерального университета, доцент, г. Ростов-на-Дону. E-mail: alexow1@yandex.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Павроз Александр Васильевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: Sash79@rambler.ru

Панькин Станислав Игоревич, соискатель кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Парамонова Светлана Павловна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета. E-mail: socio@pstu.ac.ru

Попов Валерий Германович, советник ректората Уральского федерального университета, заведующий кафедрой социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: valery54-popov@yandex.ru

Попова Олеся Олеговна, аспирант кафедры международного права и государственного управления Национального исследовательского университета Белгородского государственного университета. E-mail: olga-dzyuba@rambler.ru

Сагатовский Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Белгород. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Сергеев Константин Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Терещук Екатерина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: etereshhook@yandex.ru

Чекмарёв Максим Викторович, старший преподаватель кафедры специальной и дошкольной педагогики и психологии Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: pontific3@yandex.ru

Чернов Геннадий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. E-mail: gch61@bk.ru

Чирун Сергей Николаевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета, г. Кемерово. E-mail: Sergii-tschn@mail.ru

Чупров Александр Степанович, заведующий кафедрой философии, политологии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Шуклин Андрей Васильевич, политолог, соискатель кафедры философии Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: a-shuklin@nm.ru

---

AUTHORS OF THIS ISSUE

Abramkina Svetlana Rafaiylovna, Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor at the Department of Economics and Management at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: abramkin@list.ru

Aleksandrov Leonid Gennadyevich, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor at the Department of Mass Communications Theory of Chelyabinsk State University. E-mail: leonalex42@mail.ru

Albekov Kazbek Adamovich, applicant of North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dispolit@skags.ru

Bogdanova Darya Valerievna, junior research scientist of the applied politology and sociology laboratory at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: bdv@urags-chel.ru

Budanov Andrey Vyacheslavovich, Cand. Sc. (History), Assistant Professor at the Department of History and Philosophy at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: andreybudanov@yandex.ru

Vivdych Marya Aleksandrovna, Senior Lecturer at the Philosophy, Politology and Culturology Department of Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: rektorat@bgpu.ru

Gorelikov Andrey Ivanovich, Cand. Sc. (History), Assistant Professor at the History and Archivistics Department of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru

Gribanov Valery Vladimirovich, Head of the Social and Political Processes Management Department of Komi Republican Academy of State Service and Administration, Dr. Sc. (Politology), professor, Syktyvkar. E-mail: valgribanov@yandex.ru

Dubyago Lubov Sergeevna, Senior Lecturer at the Natural Sciences and Humanities Department of Glazov Engineering Economical Institute (branch) of Izhevsk State Technical University, postgraduate student of Udmurt University of history, language and literature of the Ural branch of Russian Academy of Sciences. E-mail: Ludub@yandex.ru

Dyakova Elena Grigorievna, Dr. Sc. (Politology), chief research scientist at Philosophy and Law Institute of the Ural branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: gf-urfo@bk.ru

Zhukovsky Aleksandr Georgievich, doctoral candidate at North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dispolit@skags.ru

Zyryanov Sergey Grigorievich, Head of the Politology and Political Management Department at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sc. (Politology), professor. E-mail: director@urags-chel.ru

Idrisova Svetlana Felixovna, Head of the Criminology Department at the Izhevsk branch of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry, Cand. Sc. (Law), Associate Professor. E-mail: profin@usue.ru

Karasev Anatoly Tikhonovich, Dr. Sc. (Law), professor at Ural State Law Academy, Yekaterinburg. E-mail: merger@k66.ru

Kondral Dmitry Petrovich, postgraduate student of the Social and Political Processes Management Department of Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar. E-mail: lbvf17@rambler.ru

Kononenko Aleksey Valentinovich, postgraduate student at North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dispolit@skags.ru

Martyanov Viktor Sergeevich, Cand. Sc. (Politology), Scientific Secretary at Philosophy and Law Institute of the Ural branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: martianov@rambler.ru

Morozov Nikolay Alekseevich, Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Social and Political Processes Management Department of Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar. E-mail: moroz_03@rambler.ru

Obukhova Yulia Olegovna, postgraduate student at the Department of the Culture and Communications Sociology at Saint Petersburg State University. E-mail: julie_ob@mail.ru

Ovrutsky Aleksandr Vladimirovich, Cand. Sc. (Psychology), doctoral candidate of the Theoretical Sociology Department at Southern Federal University, Rostov-on-Don. E-mail: alexow1@yandex.ru

Pankin Stanislav Igorevich, applicant of the Applied Sociology Department at Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg. E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Paramonova Svetlana Pavlovna, Dr. Sc. (Philosophy), professor of the Sociology and Politology Department at Perm State Technical University. E-mail: socio@pstu.ac.ru

Pavlov Aleksandr Valentinovich, Dr. Sc. (Philosophy), professor at Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Pavroz Aleksandr Vasilevich, Cand. Sc. (Politology), Senior Lecturer of the Political Management Department at Saint Petersburg State University. E-mail: Sash79@rambler.ru

Popov Valery Germanovich, University Administration Counsellor of Ural Federal University, Head of the Department of Sociology and Public Relations Administration at Ural State University of Economics, Dr. Sc. (Sociology), professor, Yekaterinburg. E-mail: valery54-popov@yandex.ru

Popova Olesya Olegovna, postgraduate student at the Department of International Law and Constitutional Law at the National Research University of Belgorod State University. E-mail: olga-dzyuba@rambler.ru

Sagatovsky Valery Nikolaevich, Dr. Sc. (Philosophy), professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Belgorod. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Sergeev Konstantin Andreevich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor at the Department of Law Theory and Criminal Law Disciplines at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Tereshchuk Ekaterina Alexandrovna, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Economics and Management Department of the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: etereshhook@yandex.ru

Chekmaryov Maksim Viktorovich, Senior Lecturer at the Special and Preschool Pedagogics and Psychology Department of Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: pontific3@yandex.ru

Chernov Gennady Yurievich, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Politology and Political Management Department at the Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor. E-mail: gch61@bk.ru

Chirun Sergey Nikolaevich, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor of the Department of Political Relations and Law Sociology at Kuznetsk Basin State Technical University, Kemerovo. E-mail: Sergii-tschn@mail.ru

Chuprov Aleksandr Stepanovich, Head of the Philosophy, Politology and Culturology Department at Blagoveshchensk State Pedagogical University, Dr. Sc. (Philosophy), professor. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Shuklin Andrey Vasilevich, political scientist, applicant of the Philosophy Department at the Institute for Humanities Research of Tyumen State University. E-mail: a-shuklin@nm.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 “Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления”.

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.